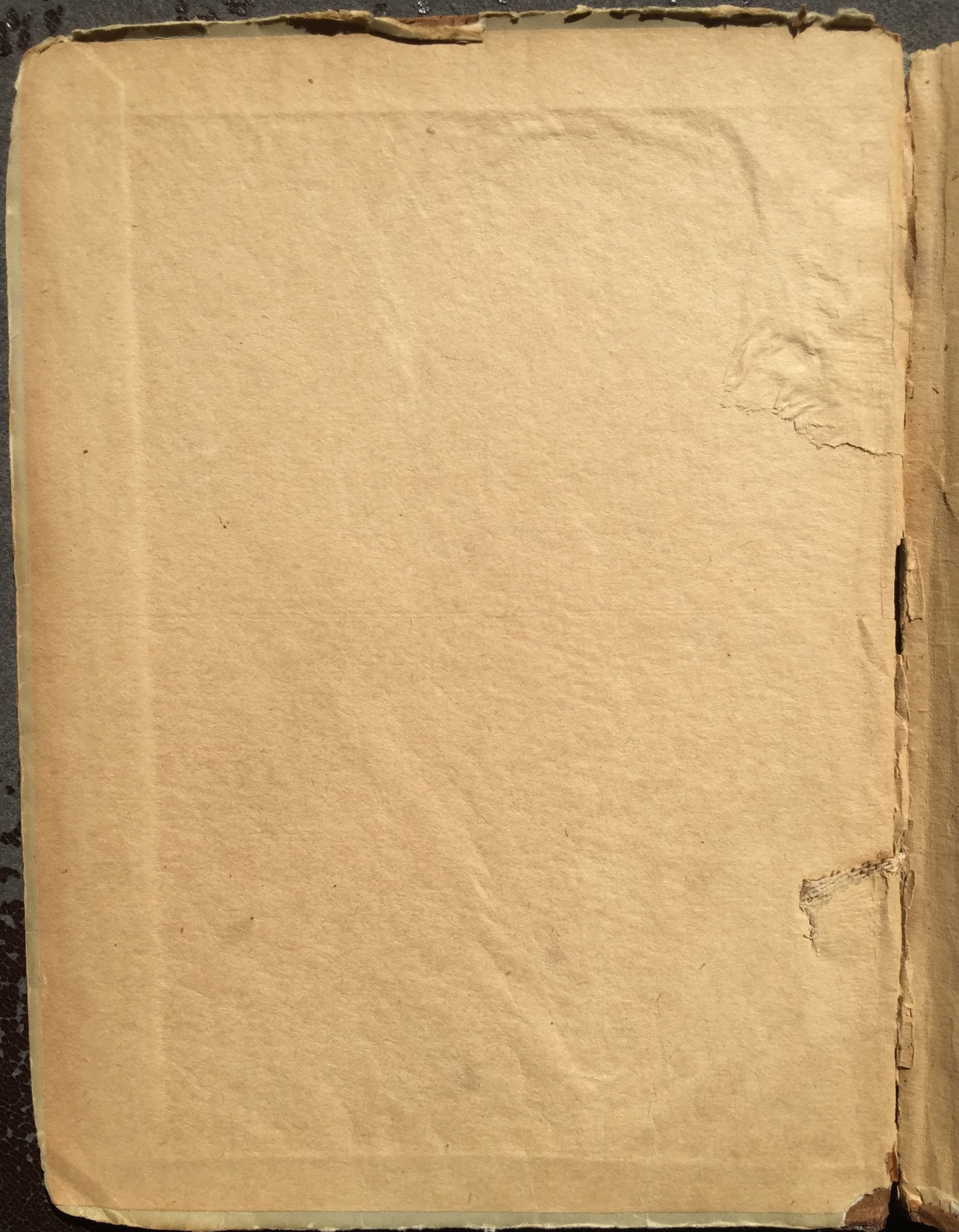
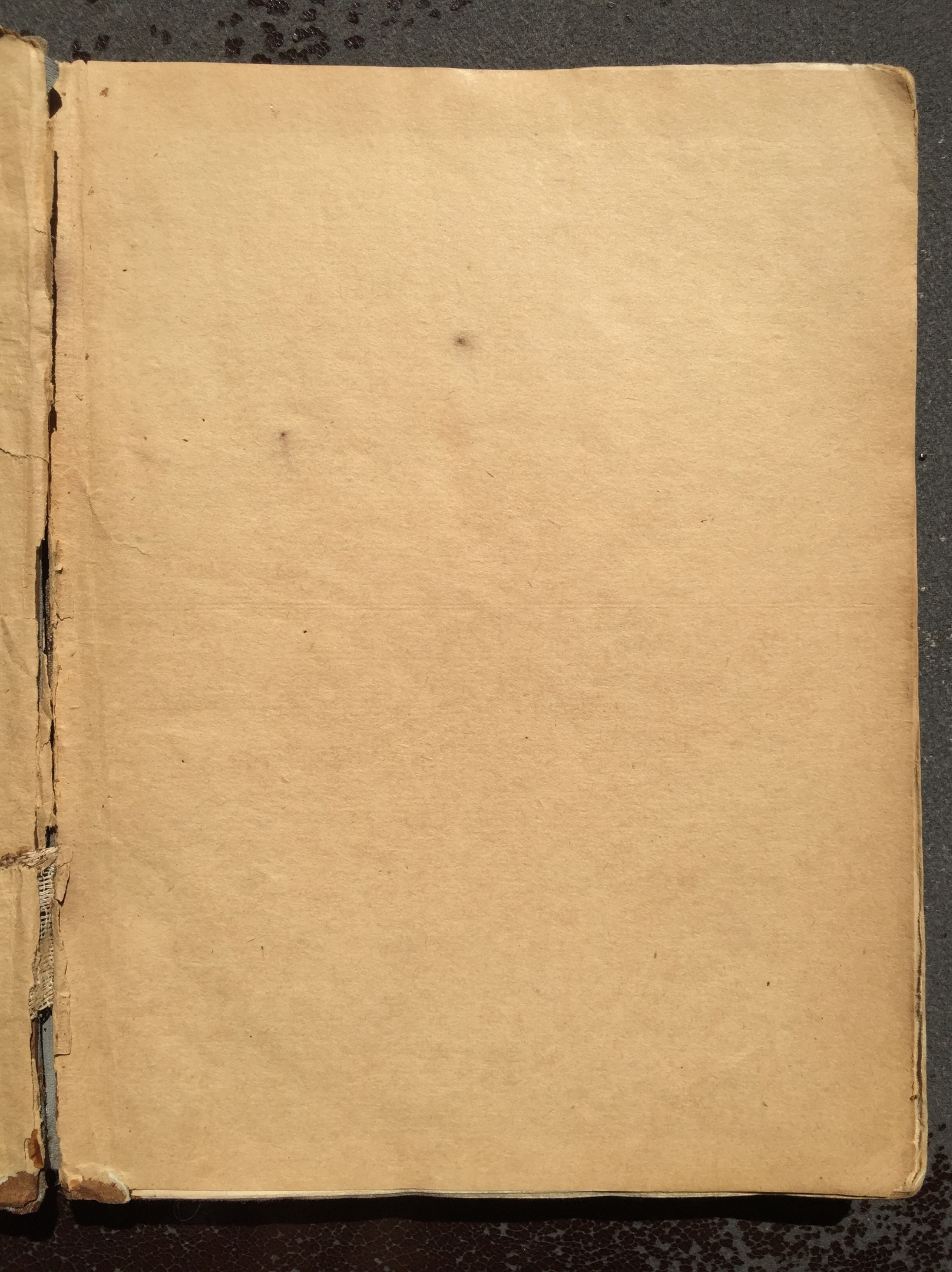

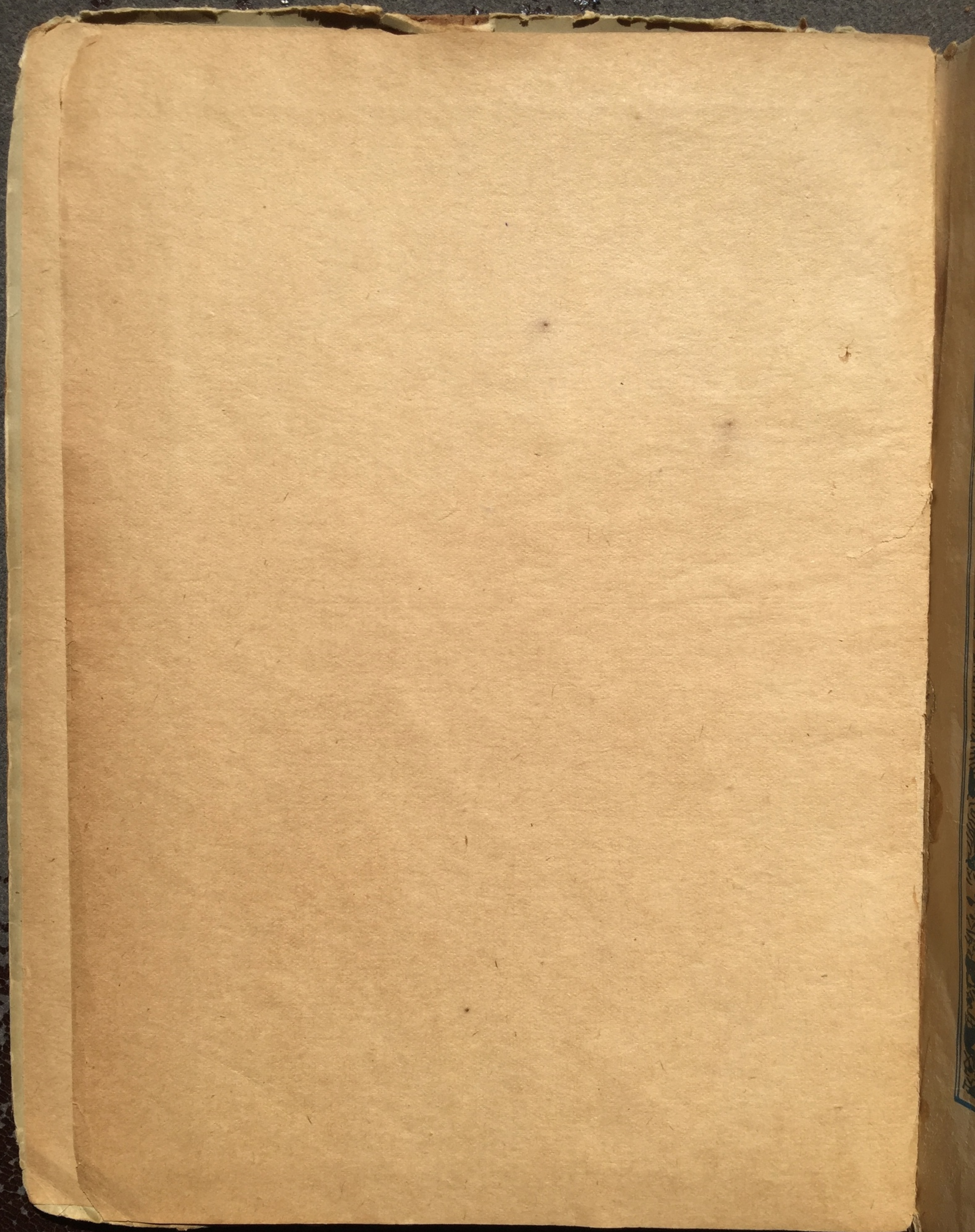
Братя Гримм

СКАЗКИ

The cover features a blue and brown illustration of a forest. Two large trees frame the central text. The ground is covered in fallen leaves. An owl is perched on a branch on the left, and a man in a hooded cloak is on the right. In the center, a woman is kneeling and tending to a person lying on the ground.

Братья Гримм

СКАЗКИ

Перевод с немецкого
Г. Петникова

Ставропольское
книжное издательство
1955

Художник
И. И. Харсекин.

Братья Гримм.
Сказки.

Редактор *Л. И. Хохлова.*
Техн. редактор *Т. В. Стеблянка.*
Корректоры: *К. К. Журавлёва и*
В. А. Афанасьева.

Ставропольское
книжное издательство
1955 г.

Сдано в набор 11.XI-55 г.
Подписано к печати 27.XII-55 г.
Авт. л. 15,7. Уч.-изд. л. 18,9. Печ. л. 17, 8.
Бумага 70х92¹/₁₆. Бум. л. 7,625.
Тираж 7500 экз. Заказ № 5249.
Цена 7 руб. 60 коп. ВГ02287.

Краевая типография,
г. Ставрополь, ул. Артёма, 18.

однажды
ей очень
Красной
Вот
— К
отнеси эт
из дому
в сторону
разобьёш
комнату,
углам ту
— Я
ючка и с

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Красная Шапочка	3
Гензель и Гретель	6
Золушка	13
Бременские уличные музыканты	20
Волк и семеро козлят	23
Братец и сестрица	25
Король-лягушонок, или Железный Гейнрих	31
Сказка о рыбаке и его жене	34
Храбрый портняжка	42
Рапунцель	49
Три маленьких лесовика	53
Три пряжи	58
Соломинка, уголёк и боб	61
Госпожа Метелица	62
Семь воронов	66
Умная Эльза	68
Столик-накройся, золотой осёл и дубинка из мешка	71
Мальчик-с-пальчик	81
Снегурочка	87
Шиповничек	95
Ранец, шапочка и рожок	98
Веретёнце, чёлнок и иголка	102
Умная Гретель	105
Фридер и Катерлизхен	107
Чёрт с тремя золотыми волосами	113
Старый Султан	119
Шесть лебедей	121
Птица-Найдёныш	126

Король-Дроздовик	128
Золотая птица	133
Три пёрышка	139
Золотой гусь	142
Двенадцать охотников	146
Вор и его учитель	148
Три счастливец	150
Шестеро весь свет обойдут	153
Одноглазка, Двуглазка и Трёхглазка	158
Стоптанные туфельки	165
Золотые дети	168
Певчий попрыгун-жаворонок	172
Юный великан	177
Умная дочь крестьянская	184
Доктор Всезнайка	187
Чёртов чумазый брат	189
Умные люди	192
Учёный охотник	195
Про умного портняжку	201
Синяя свечка	204
Салатный осёл	207
Три брата	213
Четверо искусных братьев	215
Шестеро слуг	219
Зимели-гора	225
Как по белу свету скитаться	227
Три лентяя	228
Белоснежка и Алоцветик	229
Мужичок и чёрт	234
Сапог из буйволово́й кожи	235
Верные звери	239

Красная Шапочка

ЖИЛА-БЫЛА маленькая, милая девочка. И кто, бывало, ни взглянет на неё, всем она нравилась, но больше всех её любила бабушка и готова была всё ей отдать. Вот подарила она ей однажды из красного бархата шапочку, и оттого, что шапочка эта была ей очень к лицу и никакой другой она носить не хотела, то прозвали её Красной Шапочкой.

Вот однажды мать ей говорит:

— Красная Шапочка, вот кусок пирога да бутылка вина, ступай отнеси это бабушке; она больная и слабая, пускай поправляется. Выходи из дому пораньше, пока не жарко, да смотри, иди скромно, как полагается; в сторону с дороги не сворачивай, а то, чего доброго, упадёшь и бутылку разобьёшь, тогда бабушке ничего не достанется. А как войдёшь к ней в комнату, не забудь с ней поздороваться, а не то, чтоб сперва по всем углам туда да сюда заглядывать.

— Я уж справлюсь как следует, — ответила матери Красная Шапочка и с ней попрощалась.

А жила бабушка в самом лесу, полчаса ходьбы от деревни будет. Только вошла Красная Шапочка в лес, а навстречу ей волк. А Красная Шапочка и не знала, какой это злющий зверь, и вовсе его не испугалась.

— Здравствуй, Красная Шапочка!— сказал волк.

— Спасибо тебе, волк, на добром слове.

— Куда это ты, Красная Шапочка, собралась так рано?

— К бабушке.

— А что это у тебя в переднике?

— Вино и пирог, мы его вчера испекли, хотим чем-нибудь порадовать бабушку, она больная да слабая, пускай поправляется.

— Красная Шапочка, а где живёт твоя бабушка?

— Да вон там, чуть подальше в лесу, надо ещё с четверть часа пройти; под тремя большими дубами стоит её домик, а пониже густой орешник,— ты-то, пожалуй, знаешь,— сказала Красная Шапочка.

«Славная девочка,— подумал про себя волк,— лакомый был бы для меня кусочек; повкусней, пожалуй, чем старуха; но чтоб схватить обеих, надо дело повести похитрей».

И он пошёл рядом с Красной Шапочкой и говорит:

— Красная Шапочка, погляди, какие кругом красивые цветы, почему ты не посмотришь вокруг? Ты разве не слышишь, как прекрасно распевают птички? Ты идёшь, будто в школу торопишься,— а в лесу-то как весело время провести!

Глянула Красная Шапочка и увидела, как пляшут повсюду, пробиваясь сквозь деревья, солнечные лучи и всё кругом в прекрасных цветах, и подумала: «Хорошо бы принести бабушке свежий букет цветов,— это будет ей, наверно, тоже приятно; ещё ведь рано, прийти во-время я успею». И она свернула с дороги прямо в лесную чащу и стала собирать цветы. Сорвёт цветок и подумает: «А дальше вон растёт ещё покрасивей»,— и к тому побежит; и так уходила она всё глубже и глубже в лес. А волк тем временем кинулся напрямехонько к бабушкиному дому и в дверь постучался.

— Кто там?

— Это я, Красная Шапочка, принесла тебе вино и пирог, открой мне.

— А ты нажми на щеколду,— крикнула бабушка,— я очень слаба, подняться не в силах.

Нажал волк на щеколду, дверь быстро отворилась, и, ни слова не говоря, он подошёл прямо к бабушкиной постели и проглотил старуху. Затем он надел её платье, на голову — чепец, улёгся в постель и задернул полог.

А Красная Шапочка всё цветы собирала, и когда она уже их набрала так много, что больше нести не могла, вспомнила она о бабушке и отправилась к ней. Она удивилась, что дверь настежь открыта, а когда вошла в комнату, всё показалось ей таким странным, и она подумала: «Ах, боже мой, как мне нынче тут страшно, а ведь я всегда бывала у бабушки с такою охотой!» И она кликнула:

— Доброе утро!— но ответа не было.

Тогда она подошла к постели, раздвинула полог, видит — лежит бабушка, надвинут чепец у неё на самое лицо, и выглядит она так странно, странно.

— Ой, бабушка, отчего у тебя такие большие уши?

— Чтоб лучше тебя слышать!

— Ой, бабушка, а какие у тебя большие глаза!

— Это чтоб лучше тебя видеть!

— Ой, бабушка, а что это у тебя такие большие руки?

— Чтоб легче тебя схватить!

— Ох, бабушка, какой у тебя, однако, страшно большой рот!

— Это чтоб легче было тебя проглотить!

Только сказал это волк, и как вскочит с постели — и проглотил бедную Красную Шапочку.

Наелся волк и улёгся опять в постель, заснул и стал громко-прегромко храпеть. А проходил в ту пору мимо дома охотник и подумал: «Как, однако, старуха сильно храпит, надо будет посмотреть, может ей надо чем помочь». И он вошёл к ней в комнату, подходит к постели, глядь — а там волк лежит.

— А-а! Вот ты где, старый греховодник! — сказал он. — Я уж давненько тебя разыскиваю.

И он хотел было уже нацелиться в него из ружья, да подумал, что волк, может быть, съел бабушку, а её можно ещё спасти; он не стал стрелять, а взял ножницы и начал вспарывать брюхо спящему волку. Сделал он несколько надрезов, видит — просвечивает красная шапочка, надрезал ещё, и выскочила оттуда девочка и закричала:

— Ах, как я испугалась, как было у волка в брюхе темно-темно!

Выбралась потом оттуда и старая бабушка, жива-живёхонька, — еле могла отдышаться. А Красная Шапочка притащила поскорее больших камней, и набили они ими брюхо волку. Тут он проснулся, хотел было убежать, но камни были такие тяжёлые, что он тотчас упал, — тут ему и конец настал.

И были все трое очень и очень довольны. Охотник снял с волка шкуру и отнёс её домой. Бабушка скушала пирог, выпила вина, что принесла ей Красная Шапочка, и начала поправляться да сил набираться, а Красная Шапочка подумала: «Уж с этих пор я никогда в жизни не буду сворачивать одна с большой дороги в лесу без материнского позволения».

Рассказывают ещё, что однажды, ког-

да Красная Шапочка опять несла бабушке пирог, заговорил с ней другой волк и хотел было увести её с большой дороги. Но Красная Шапочка была теперь поосторожней и пошла своим путём прямо, и рассказала бабушке, что встретился ей по дороге волк и сказал «здравствуй» и так злобно посмотрел на неё своими глазами, что, случись это не на проезжей дороге, он съел бы её.

— Так вот что́, — сказала бабушка Красной Шапочке, — давай-ка за-прём двери, чтоб не мог он сюда войти.

А тут вскоре и волк постучался и говорит:

— Бабушка, отопри мне, я — Красная Шапочка, пирог тебе при-несла.

А они молчат, дверь не открывают. Тогда обошёл серый, крадучись, вокруг дома несколько раз, прыгнул потом на крышу и стал дожидаться, пока Красная Шапочка станет вечером возвращаться домой: он хотел пробраться за ней следом и съесть её в темноте. Но бабушка догадалась, что задумал волк. А стояло у них перед домом большое каменное корыто; вот бабушка и говорит внучке:

— Красная Шапочка, возьми-ка ведро — я вчера варила в нём кол-басу — и вылей воду в корыто.

Красная Шапочка стала носить воду, пока большое-пребольшое ко-рыто наполнилось всё доверху. Почуял волк запах колбасы, повёл носом, глянул вниз и, наконец, так вытянул шею, что не мог удержаться и пока-тился с крыши и свалился вниз, да прямо в большое корыто, в нём и уто-нул он.

А Красная Шапочка счастливо воротилась домой, и никто с той поры её больше уже не обижал.

Гензель и Гретель

ЖИЛ на опушке дремучего леса бедный дровосек со своей женой и двумя детьми; мальчика звали Гензель, а девочку — Гретель. Жил дровосек впроголодь; вот наступила однажды в той земле такая дороговизна, что не на что было ему купить даже хлеба на пропи-тание.

И вот, под вечер, лёжа в постели, стал он раздумывать, и всё одоле-вали его разные мысли и заботы; повздыхал он и говорит жене:

— Что же теперь будет с нами? Как нам прокормить бедных детей, нам-то ведь и самим есть нечего!

— А знаешь что́, — отвечала жена, — давай-ка пораньше утром, толь-ко начнёт светать, заведём детей в лес, в самую глухую чащу; разведём им костёр, дадим каждому по куску хлеба, а сами уйдём на работу

и оставим их одних. Дороги домой они не найдут, вот мы от них и избавимся.

— Нет, жена, — говорит дровосек, — этого я не сделаю; ведь сердце-то у меня не камень, я детей одних бросить в лесу не могу, там нападут на них дикие звери и их разорвут.

— Эх ты, простофиля! — говорит жена. — Ведь иначе мы все вчетвером с голоду пропадём, и тебе останется только одно — пробы сколачивать. — И она донимала его до тех пор, пока он с ней согласился.

— А всё-таки жалко мне моих бедных детей! — сказал дровосек.

Дети от голода не могли уснуть и слышали всё, что говорила мачеха отцу. Залилась Гретель горькими слезами и говорит Гензелю:

— Видно, нам теперь пропадать придётся.

— Тише, Гретель, — сказал Гензель, — не горюй, я уж что-нибудь да придумаю.

И вот, когда родители уснули, он встал, надел свою курточку, открыл дверь в сени и тихонько выбрался на улицу. На ту пору ярко светила луна, и белые камешки, лежавшие перед избушкой, блестели, словно груды серебряных монет.

Гензель нагнулся и набил ими полный карман. Потом вернулся он домой и говорит Гретель:

— Утешься, милая сестрица, спи себе теперь спокойно, господь нас не оставит. — И с этими словами он снова улёгся в постель.

Только стало светать, ещё и солнышко не всходило, а мачеха уже подошла и стала будить детей:

— Эй вы, лежебоки, пора подыматься, собирайтесь-ка с нами в лес за дровами!

Дала она каждому из них по кусочку хлеба и говорит:

— Вот это будет вам на обед; да смотрите, не съешьте его раньше времени, больше ничего не получите.

Гретель спрятала хлеб в свой передник, — ведь у Гензеля карман был полон камней. И они собрались идти вместе в лес. Прошли они немного, вдруг Гензель остановился, оглянулся назад, посмотрел на избушку, — так он всё время оглядывался назад и останавливался. А отец ему и говорит:

— Гензель, чего это ты всё оглядываешься да отстаёшь? Смотри не зевай, иди побыстрей.

— Ах, батюшка, — ответил ему Гензель, — я всё гляжу на свою белую кошечку, вон сидит она на крыше, будто хочет сказать мне «прощай».

А мачеха и говорит:

— Эх, дурень ты, это вовсе не твоя кошечка, это утреннее солнце блестит на трубе.

А Гензель вовсе и не на кошечку смотрел, а доставал из кармана и бросал на дорогу блестящие камешки.

Вот вошли они в самую чащу леса, а отец и говорит:

— Ну, дети, собирайте теперь хворост, а я разведу костёр, чтобы вы не озябли.

Гензель и Гретель собрали целую кучу хворосту. Разожгли костёр. Когда пламя хорошо разгорелось, мачеха говорит:

— Ну, детки, ложитесь теперь у костра да отдохните как следует, а мы пойдём в лес дрова рубить. Как кончим работу, вернёмся чазад и возьмём вас домой.

Сели Гензель и Гретель у костра, и когда наступил полдень, каждый из них съел по кусочку хлеба. Они всё время слышали стук топора и думали, что их отец где-то поблизости. Но то был совсем не стук топора, а чурбана, который привязал дровосек к сухому дереву, и он, раскачиваясь под ветром, стучал о ствол.

Долго сидели они так у костра, от усталости стали у них глаза закрываться, и они крепко-крепко уснули. А когда проснулись, была уже глухая ночь. Заплакала Гретель и говорит:

— Как же нам теперь выбраться из лесу?

Стал Гензель её утешать:

— Погоди маленько, скоро взойдёт луна, и мы уж найдём дорогу. Когда взошла полная луна, взял Гензель сестрицу за руку и пошёл от камешка к камешку, — а сверкали они, словно новые серебряные денежки, и указывали детям путь-дорогу. Они шли всю ночь напролёт и подошли на рассвете к отцовской избушке.

Они постучались, мачеха открыла им дверь; видит она, что это Гензель и Гретель, и говорит:

— Что же это вы, скверные дети, так долго спали в лесу? А мы уж думали, что вы назад вовсе не хотите возвращаться.

Обрадовался отец, увидя детей, — было у него на сердце тяжело, что бросил он их одних.

А вскоре опять наступили голод и нужда, и дети услышали, как мачеха ночью, лёжа в постели, говорила отцу:

— У нас опять всё уже съедено, осталось только полкраюхи хлеба, видно, нам скоро конец придёт. Надо бы нам от детей избавиться; давай заведём их в лес подальше, чтоб не найти им дороги назад, — другого выхода у нас нету.

Тяжко стало на сердце у дровосека, и он подумал: «Уж лучше бы мне последним куском с детьми поделиться». Но жена и слышать о том не хотела, стала его бранить и попрекать. И вот — плохое начало не к доброму концу, — уступил он раз, пришлось ему и теперь согласиться.

Дети ещё не спали и слышали весь разговор. И только родители уснули, поднялся Гензель опять и хотел было выйти из дому, чтобы собрать камешки, как и в прошлый раз, но мачеха заперла дверь, и Гензель выбраться из хижины не смог. Он стал утешать свою сестрицу и говорит:

— Не плачь, Гретель, спи спокойно, уж бог нам как-нибудь да поможет.

Ранним утром пришла мачеха и подняла детей с постели. Дала им кусок хлеба, он был ещё меньше, чем в первый раз. По дороге в лес Гензель крошил хлеб в кармане, всё останавливался и бросал хлебные крошки на дорогу.

— Что это ты, Гензель, всё останавливаешься да оглядываешься, — сказал отец, — ступай своей дорогой.

— Да это я смотрю на своего голубка, вон сидит он на крыше дома, будто со мной прощается, — ответил Гензель.

— Дурень ты, — сказала мачеха, — это вовсе не голубь твой, это утреннее солнце блестит на верхушке трубы.

А Гензель всё бросал и бросал по дороге хлебные крошки. Вот завела мачеха детей ещё глубже в лес, где они ни разу ещё не бывали. Развели опять большой костёр, и говорит мачеха:

— Детки, садитесь вот тут, а устанете, так поспите маленько; а мы пойдём в лес дрова рубить, а к вечеру, как кончим работу, вернёмся сюда и возьмём вас домой.

Когда наступил полдень, поделилась Гретель своим куском хлеба с Гензелем, — ведь он весь свой хлеб раскрошил по дороге. Потом они уснули. Но вот уж и вечер прошёл, а никто за бедными детьми не приходил. Проснулись они тёмной ночью, и стал Гензель утешать сестрицу:

— погоди, Гретель, вот скоро луна взойдёт, и станут видны хлебные крошки, что я разбросал по дороге, они укажут нам дорогу домой.

Вот вошла луна, и дети отправились в путь-дорогу, но хлебных крошек не нашли, — тысячи птиц, что летают в лесу и в поле, все их поклевали. Тогда Гензель и говорит Гретель:

— Мы уж как-нибудь да найдём дорогу.

Но они её не нашли. Пришлось им идти целую ночь и весь день, с утра и до самого вечера, но выбраться из лесу они не могли. Дети сильно проголодались, ведь они ничего не ели, кроме ягод, которые собирали по пути. Они так устали, что еле-еле передвигали ноги, и вот прилегли они под деревом и уснули.

Наступило уже третье утро с той поры, как покинули они отцовскую избушку. Пошли они дальше. Идут и идут, а лес всё глубже и темней, и если бы вскоре не подоспела помощь, они выбились бы из сил.

Вот наступил полдень, и они заметили на ветке красивую белоснеж-

ную птичку. Она пела так хорошо, что они остановились и заслушались её пенья. Но вдруг птичка умолкла и, взмахнув крыльями, полетела перед ними, а они пошли за ней следом, и шли, пока, наконец, не добрались до избушки, где птичка уселась на крыше. Подошли они ближе, видят — сделана избушка из хлеба, крыша на ней из пряников, а окошки все из прозрачного леденца.

— Вот мы за неё и примемся, — сказал Гензель, — и то-то будет у нас славное угощенье! Я отъем кусок крыши, а ты, Гретель, возмись за окошко, — оно, должно быть, очень сладкое.

Взобрался Гензель на избушку и отломил кусочек крыши, чтоб попробовать, какая она на вкус, а Гретель подошла к окошку и начала его грызть.

Вдруг послышался изнутри чей-то тоненький голосок:

Хруп да хрум всё под окном,
Кто грызёт и гложет дом?

Дети ответили:

Это гость чудесный,
Ветер поднебесный!

И, не обращая внимания, они продолжали обедать домик.

Гензель, которому очень понравилась крыша, оторвал от неё большой кусок и сбросил вниз, а Гретель выломала целое круглое стекло из леденца и, усевшись около избушки, стала им лакомиться.

Вдруг открывается дверь, и выходит оттуда, опираясь на костыль, старая-престарая бабка. Гензель и Гретель так её испугались, что выронили из рук лакомство. Покачала старуха головой и говорит:

— Э, милые детки, кто это вас сюда привёл? Ну, милости просим, входите в избушку, худо вам тут не будет.

Она взяла их обоих за руки и ввела в свою избушку. Принесла им вкусной еды — молока с оладьями, посыпанными сахаром, яблок и орехов. Потом она постелила две красивых постельки и накрыла их белыми одеялами. Улеглись Гензель и Гретель и подумали, что попали, должно быть, в рай.

Но старуха только притворилась такою доброй, а была она на самом деле злой ведьмой, что подстерегает детей, и избушку из хлеба построила для приманки. Если кто попадал к ней в руки, она того убивала, потом варила и съедала, и было это для неё праздником. У ведьм всегда бывают красные глаза, и видят они вдаль плохо, но зато у них нюх, как у зверей, и они чувствуют близость человека.

Когда Гензель и Гретель подходили к её избушке, она злобно захохотала и сказала с усмешкой:

— Вот они и попались! Ну, уж теперь им от меня не уйти!

Рано поутру, когда дети ещё спали, она встала, посмотрела, как они спят спокойно да какие у них пухлые и румяные щёчки, и пробормотала про себя: «То-то приготовлю я себе лакомое блюдо».

Она схватила Гензеля своею костлявой рукой, унесла его в хлев и заперла там за решётчатой дверью — пусть кричит себе сколько вздумается, ничего ему не поможет. Потом пошла она к Гретель, растолкала её, разбудила и говорит:

— Вставай, лентяйка, да притащи мне воды, свари своему брату что-нибудь вкусное, — вон сидит он в хлеву, пускай хорошенько откармливается. А когда разжиреет, я его съем.

Залилась Гретель горькими слезами, но — что делать? — пришлось ей исполнить приказание злой ведьмы.

И вот были приготовлены для Гензеля самые вкусные блюда, а Гретель достались одни лишь объедки.

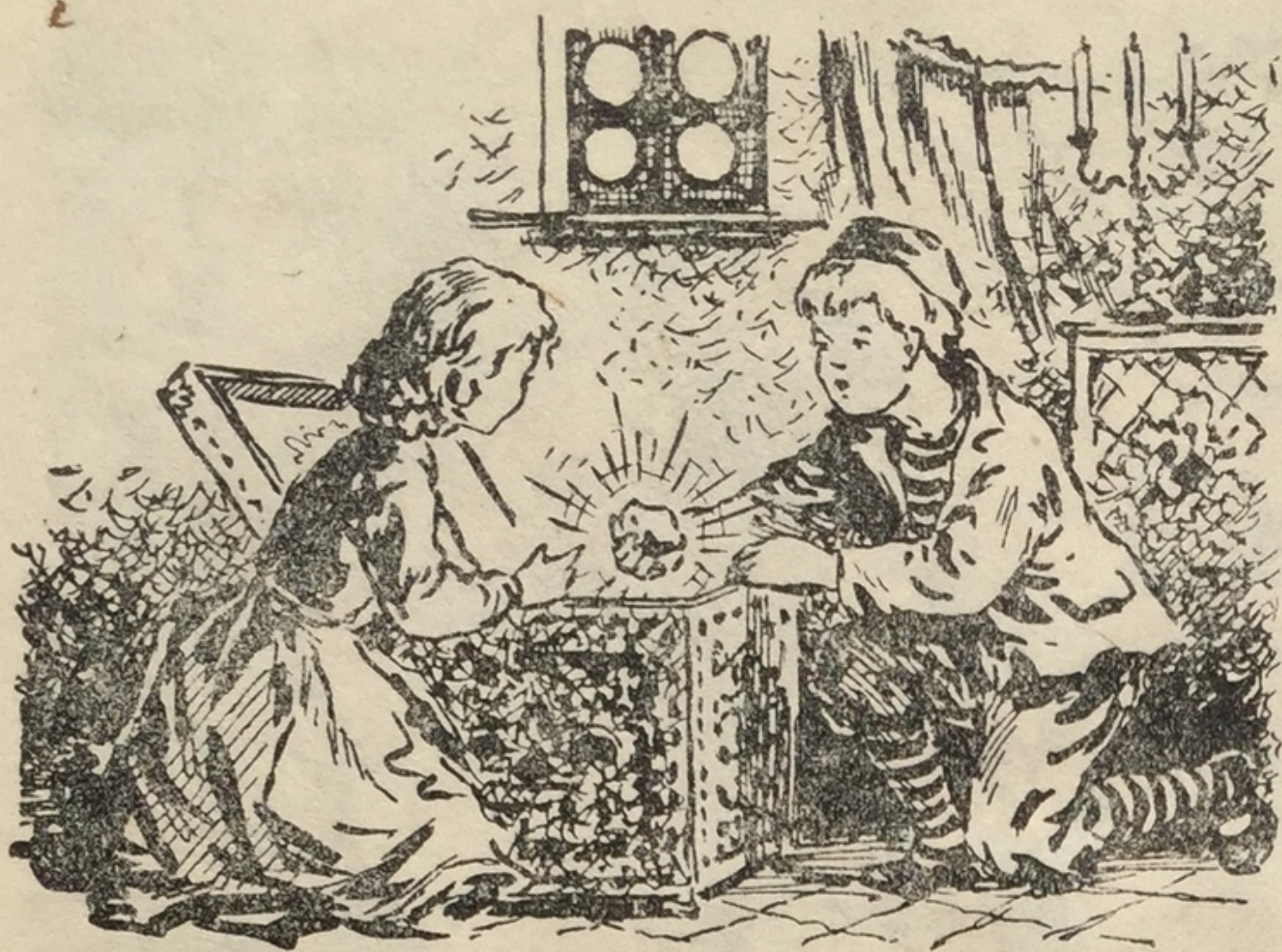
Каждое утро пробиралась старуха к маленькому хлеву и говорила:

— Гензель, протяни-ка мне свои пальцы, я хочу посмотреть, достаточно ли ты разжирел.

Но Гензель протягивал ей косточку, и старуха, у которой были слабые глаза, не могла разглядеть, что это такое, и думала, что то пальцы Гензеля, и удивлялась, отчего это он всё не жиреет.

Так прошло четыре недели, но Гензель всё ещё оставался худым, — тут старуха потеряла всякое терпенье и ждать больше не захотела.

— Эй, Гретель, — крикнула она девочке, — пошевеливайся живей, принеси-ка воды: всё равно — жирен ли Гензель, или тощ, а уж завтра утром я его заколю и сварю.

Ох, как горевала бедная сестрица, когда пришлось ей таскать воду, как текли у ней слёзы ручьями по щекам!

— Господи, да помоги же ты нам!— воскликнула она.— Лучше бы нас растерзали дикие звери в лесу, тогда хотя бы погибли мы вместе.

— Ну, нечего хныкать!— крикнула старуха.— Теперь тебе ничего не поможет.

Рано поутру Гретель должна была встать, выйти во двор, повесить котёл с водой и развести огонь.

— Сначала мы испечём хлеб, — сказала старуха, — я уже истопила печь и замесила опару. — Она толкнула бедную Гретель к самой печи, откуда так и полыхало большое пламя.

— Ну, полезай в печь, — сказала ведьма, — да погляди, хорошо ли она натоплена, не пора ли хлебы сажать?

Только полезла было Гретель в печь, а старуха в это время хотела закрыть её заслонкой, чтобы Гретель зажарить, а потом и съесть. Но Гретель догадалась, что затевает старуха, и говорит:

— Да я не знаю, как это сделать, как мне туда пролезть-то?

— Вот глупая гусыня, — сказала старуха, — смотри, какое большое устье, я и то могла бы туда залезть, — и она взобралась на шесток и просунула голову в печь.

Тут Гретель как толкнёт ведьму, да так, что та очутилась прямо в самой печи. Потом Гретель прикрыла печь железной заслонкой и заперла на задвижку. У-ух, как страшно завывала ведьма! А Гретель убежала; и сгорела проклятая ведьма в страшных мученьях.

Бросилась Гретель поскорей к Гензелю, открыла хлев и крикнула:

— Гензель, мы спасены: старая ведьма погибла!

Выскочил Гензель из хлева, словно птица из клетки, когда откроют ей дверку. Как обрадовались они, как кинулись друг другу на шею, как прыгали они от радости, как крепко они целовались! И так как теперь им нечего уже было бояться, то вошли они в ведьмину избушку, а стояли там всюду по углам ларцы с жемчугами и драгоценными камнями.

— Эти, пожалуй, будут лучше наших камешков, — сказал Гензель и набил ими полные карманы. А Гретель говорит:

— Мне тоже хочется что-нибудь принести домой, — и насыпала их полный передник.

— Ну, а теперь бежим поскорей отсюда, — сказал Гензель, — ведь нам надо ещё выбраться из ведьминога леса.

Вот прошли они так часа два и набрали, наконец, на большое озеро.

— Не перебраться нам через него, — говорит Гензель, — нигде не видать ни тропинки, ни моста.

— Да и лодочки не видно, — ответила Гретель, — а вон плывёт белая уточка; если я её попрошу, она поможет нам переправиться на другой берег.

И кликнула Гретель:

Утя, моя уточка,
Подплыви к нам чуточку,
Нет дорожки, ни моста,
Переправь нас, не оставь!

Подплыла уточка, сел на неё Гензель и позвал сестрицу, чтоб и она села вместе с ним.

— Нет, — ответила Гретель, — уточке будет слишком тяжело: пускай перевезёт она сначала тебя, а потом уж меня.

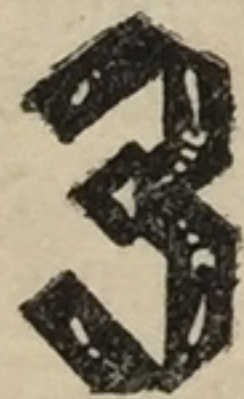
Так добрая уточка и сделала, и когда они счастливо переправились на другой берег и прошли дальше, то стал лес им всё знакомей и знакомей, и они заметили, наконец, издали отцовский дом. Тут на радостях они пустились бежать, вскочили в комнату и бросились отцу на шею.

С той поры, как отец бросил детей в лесу, не было у него ни минуты радости, а жена его померла. Раскрыла Гретель передник, и рассыпались по комнате жемчуга и драгоценные камни, а Гензель доставал их из кармана целыми пригоршнями.

И настал конец их нужде и горю, и зажили они счастливо все вместе.

Тут и сказке конец идёт,
А вон мышка бежит вперёд;
Кто поймает её, тот
Сошьёт себе шапку меховую,
Да большую-пребольшую.

Золушка

АБОЛЕЛА раз у одного богача жена и почувствовала, что конец ей приходит. Подозвала она свою единственную дочку к постели и говорит:

— Моё милое дитя, будь скромной и ласковой, и господь тебе всегда поможет, а я буду глядеть на тебя с неба и всегда буду возле тебя.

Потом закрыла она глаза и умерла.

Девочка ходила каждый день на могилу к матери и плакала, и была смирной и ласковой.

Вот наступила зима, и снег укутал белым саваном могилу, а когда весной опять засияло солнышко, взял богач себе другую жену.

Привела мачеха в дом своих дочерей. Были они лицом красивые и белые, но сердцем злые и жестокие. И настало тогда тяжёлое время для бедной падчерицы.

— Неужто эта дура будет сидеть у нас в комнате? — сказала мачеха. — Кто хочет есть хлеб, пускай его заработает. А ну-ка, живей на кухню, будешь стряпухой.

Отобрали они у неё красивые платья, надели на неё старую посконную рубаху и дали ей деревянные башмаки.

— Поглядите-ка на эту гордую принцессу, ишь как вырядилась, — говорили они, смеясь, и отвели её на кухню.

И должна она была там с утра до самого позднего вечера исполнять чёрную работу: вставать рано утром, носить воду, топить печь, стряпать и мыть. А, кроме того, сводные сёстры всячески старались, как бы её по сильнее огорчить — насмехались над нею, высыпали горох и чечевицу в золу, и ей приходилось сидеть и выбирать их оттуда опять.

Вечером, когда она от работы уставала, ей приходилось ложиться спать не в постель, а на полу, рядом с печкой, на золе. И оттого, что была она всегда в золе, в пыли и грязная, прозвали её сёстры Золушкой.

Случилось однажды, что отец собрался ехать на ярмарку и спросил у своих падчериц, что привезти им в подарок.

— Красивые платья, — сказала одна.

— Жемчуга и драгоценные камни, — попросила другая.

— Ну, а ты что, Золушка, хочешь?

— Привези мне, батюшка, ветку, что на обратном пути первая зацепит тебя за шапку, — отломи её и привези мне с собой.

Накупил отец своим падчерицам красивые платья, жемчуга и самоцветные камни, и когда на обратном пути ехал он через лесок, ветка орешника хлестнула его, да так сильно, что и шапку с головы у него сбила, — он сорвал эту ветку и привёз её с собой. Воротился он домой и подарил падчерицам то, что они просили, а Золушке отдал ветку орешника.

Поблагодарила его Золушка, пошла на могилу к матери и посадила там ветку, и так сильно плакала, что слёзы

катились у неё из глаз на землю, и они полили ту ветку. Вот выросла веточка и стала красивым деревом. Золушка трижды в день приходила к дереву, плакала и молилась; и каждый раз прилетала на дерево белая птичка, и когда Золушка ей говорила какое-нибудь желание, птичка сбрасывала ей то, что она просила.

Но вот случилось однажды, что король затеял пир, который должен был длиться целых три дня, и созвал на праздник всех красивых девушек страны с тем чтобы сын его мог выбрать себе невесту. Когда две названные сестры узнали о том, что им тоже надо явиться на пир, они стали добрее, кликнули Золушку и говорят:

— Причеши нам волосы, почисти туфли и застегни застёжки, да покрепче, мы ведь идём в королевский дворец на смотрины.

Золушка их послушалась, но заплакала — ей тоже хотелось пойти потанцевать; она стала просить мачеху, чтобы та отпустила её.

— Ты ведь Золушка, — сказала ей мачеха, — вся ты в золе да в грязи, куда уж тебе идти на пир? У тебя ведь ни платья нету, ни туфель, а ты хочешь ещё танцевать.

Перестала Золушка её просить, а мачеха ей и говорит:

— Вот просыпала я миску чечевицы в золу. Коль выберешь её за два часа, тогда можешь идти вместе с сёстрами.

Вышла Золушка чёрным ходом в сад и молвила так:

— Вы, голубки ручные, вы, горлинки, птички поднебесные, летите, помогите мне выбрать чечевицу!

Хорошие — в горшочек,
Поплоше, те в зобочек.

И прилетели к кухонному окошку два белых голубка, а за ними и горлинка, и наконец прилетели-послетались все птички поднебесные и опустились на золу. Наклонили голубки свои головки и начали клевать: тук-тук-тук-тук, а за ними и остальные тоже: тук-тук-тук-тук, и так повыбрали все зёрнышки в мисочку. Не прошло и часу, как кончили они работу и все улетели назад.

Принесла Золушка мисочку своей мачехе, стала радоваться, думая, что ей можно будет идти на пир, но мачеха сказала:

— Нет, Золушка, ведь у тебя нет платья, да и танцевать ты не умеешь, — там над тобой только посмеются.

Заплакала Золушка, а мачеха и говорит:

— Вот если выберешь мне за один час из золы две полных миски чечевицы, то можешь пойти вместе с сёстрами, — а сама подумала про себя: «Этого уж ей не сделать никогда». Высыпала мачеха две миски чечевицы в золу, а девушка вышла через чёрный ход в сад и молвила так:

— Вы, голубки ручные, вы, горлинки, птички поднебесные, летите, помогите мне выбрать чечевицу!

Хорошие — в горшочек,
Поплоше, те в зобочек.

И прилетели к кухонному окошку два белых голубка, а вслед за ними и горlinka, и наконец прилетели-послетались все птички поднебесные и спустились на золу. Наклонили голубки головки и начали клевать: тук-тук-тук-тук, а за ними и остальные тоже: тук-тук-тук-тук, и по-выбрали все зёрнышки в миску. Не прошло и получаса, как кончили они работу и улетели все назад.

Принесла Золушка две миски чечевицы мачехе, стала радоваться, думая, что теперь-то ей можно будет итти на пир, а мачеха и говорит:

— Ничего тебе не поможет: не пойдёшь ты вместе со своими сёстрами,— и платья у тебя нету да и танцевать ты не умеешь,— нам будет за тебя только стыдно.

Повернулась она спиной к Золушке и поспешила со своими двумя дочерьми на пир. Когда дома никого не осталось, пошла Золушка на могилу к своей матери под ореховое деревцо и кликнула:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,
Кинься златом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица золотое и серебряное платье, шитые шёлком да серебром туфельки. Надела она быстро это платье и явилась на смотрины. А сводные её сестры и мачеха об этом не знали и подумали, что это, должно быть, какая-то чужая королева, — такая красивая была она в своём золотом платье. Им и в голову не приходило, что это Золушка; они думали, что сидит она дома в грязи и выбирает из золы чечевицу.

Вот вышел ей навстречу королевич, взял её за руку и стал с ней танцевать. И не хотел он танцевать ни с какой другой девушкой, всё держал её за руку, и если кто подходил приглашать её на танец, он говорил:

— Я с ней танцую.

Проплясала она до самого вечера и хотела уже домой возвращаться, а королевич ей и говорит:

— Я пойду тебя проводить. — Ему хотелось узнать, чья это дочка-красавица, но она от него убежала и взобралась на голубятню.

И дожидался королевич до тех пор, пока не пришёл отец, и сказал ему королевич, что какая-то неизвестная девушка взобралась на голубятню. Старик подумал: «А не Золушка ли это?», и велел принести топор и багор, чтобы разрушить голубятню, но в ней никого не оказалось.

Вернулись родители домой, видят — лежит Золушка в своей посконной рубахе на золе, и горит у печки тусклая масляная лампочка. А дело было так: Золушка быстро выпрыгнула с другой стороны голубятни и побежала к ореховому деревцу, там она сняла своё красивое платье и положила его на могилу; унесла его птица назад, и надела Золушка опять свою серую посконную рубаху и села в кухне на кучу золы.

На другой день, когда пир начался снова и родители и сводные сёстры ушли опять из дому, направилась Золушка к ореховому дереву и молвила так:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,
Кинься златом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица ещё более пышное платье, чем в прошлый раз. И когда явилась она в этом платье на пир, каждый дивился, глядя на её красоту. Королевич ждал её, пока она не пришла, и тотчас взял её за руку и танцевал только с нею одной. Когда к ней подходили другие и приглашали её на танец, он говорил:

— Я с ней танцую.

Вот наступил вечер, и она собралась уходить, и пошёл королевич следом за ней, чтобы посмотреть, в какой дом она войдёт. Но она убежала прямо в сад, который находился за домом. И росло в том саду красивое большое дерево, и висели на нём чудесные груши. Она проворно взобралась на него, как белочка по веткам, а королевич и не заметил, куда она исчезла. Стал он её поджидать, и когда явился отец, королевич ему говорит:

— От меня убежала неизвестная девушка, мне кажется, что она взобралась на грушу.

Отец подумал: «Уж не Золушка ли это?», и велел принести топор и срубить дерево, но на нём никого не оказалось. Пришли они в кухню, видят — лежит Золушка, как и в прошлый раз, на золе; как и тогда, она спрыгнула с другой стороны дерева и отдала птице, что прилетела на ореховое дерево, своё прекрасное платье и надела опять серую посконную рубаху.

На третий день, когда родители и сводные сёстры ушли на пир, отправилась Золушка снова на могилу к матери и молвила деревцу:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,
Кинься златом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица платье, такое сияющее и великолепное, какого ещё никогда ни у кого не было; а туфельки были из чистого золота.

Вот явилась она на пир в этом платье, и никто не знал, что и сказать от изумления. Королевич танцевал только с нею одной, а если кто её приглашал, он говорил:

— Я с ней танцую.

Вот наступил вечер, и собралась

Золушка уходит; и хотелось королевичу её проводить, но она так ловко от него ускользнула, что он даже этого и не заметил. Но придумал королевич хитрость: он велел вымазать всю лестницу смолой, и когда она от него убегала, то туфелька с её левой ноги осталась на одной из ступенек. Королевич поднял эту туфельку, и была она такая маленькая и нарядная, и вся из чистого золота.

На другое утро пошёл королевич с той туфелькой к отцу Золушки и говорит:

— Моей женой будет только та, на чью ногу придётся эта золотая туфелька.

Обрадовались обе сестры — ноги у них были очень красивые. Старшая отправилась в комнату, чтобы примерить туфельку, и мать была тоже с нею. Но никак не могла она натянуть туфельку на ногу: мешал большой палец, и туфелька оказалась ей мала. Тогда мать подала ей нож и говорит:

— А ты отруби большой палец; когда станешь королевой, всё равно пешком ходить тебе не придётся.

Отрубила девушка палец, натянула с трудом туфельку, закусил губы от боли и вышла к королевичу. И взял он её себе в невесты, посадил на коня и уехал с нею.

Но надо было им проезжать мимо могилы, а сидело там два голубка на ореховом деревце, и запели они:

Погляди-ка, посмотри,
А башмак-то весь в крови,
Башмачок, как видно, тесный,
Дóма ждёт тебя невеста.

Посмотрел королевич на её ногу, видит — кровь из неё течёт. Повернул он назад коня, привёз самозванную невесту домой и сказал, что это невеста не настоящая, — пускай, мол, наденет туфельку другая сестра.

Пошла та в комнату, стала примерять, влезли пальцы в туфельку, а пятка оказалась слишком большая. Тогда мать подала ей нож и говорит:

— А ты отруби кусок пятки: когда будешь королевой, пешком тебе всё равно ходить не придётся.

Отрубила девушка кусок пятки, всунула с трудом ногу в туфельку, закусил губы от боли и вышла к королевичу. И взял он её себе в невесты, посадил на коня и уехал с ней.

Но проезжали они мимо орехового деревца, а сидело на нём два голубка, и они запели:

Погляди-ка, посмотри,
А башмак-то весь в крови,
Башмачок, как видно, тесный,
Дóма ждёт тебя невеста.

Глянул он на её ногу, видит — кровь течёт из туфельки, и белые чулки совсем красные стали. Повернул он коня и привёз самозванную невесту назад в её дом.

— И эта тоже не настоящая, — сказал он, — нет ли у вас ещё дочери?

— Да вот, — сказал отец, — осталась от покойной моей жены маленькая, несмышлённая Золушка, — да куда уж ей быть невестой!

Но королевич попросил, чтоб её привели к нему, а мачеха и говорит:

— Да нет, она такая прызная, ей нельзя никому и на глаза показываться.

Но королевич захотел во что бы то ни стало её увидеть; и пришлось привести к нему Золушку. И вот умыла она сначала руки и лицо, потом вышла к королевичу, склонилась перед ним, и он подал ей золотую туфельку. Села она на скамейку, сняла с ноги свой тяжёлый деревянный башмак и надела туфельку, и пришлась она ей как раз впору. Вот встала она, посмотрел королевич её в лицо и узнал в ней ту самую красавицу-девушку, с которой он танцевал, и он воскликнул:

— Вот это и есть настоящая моя невеста!

Испугались мачеха и сводные сёстры, побледнели от злости; а он взял Золушку, посадил на коня и ускакал с ней.

Когда проезжали они мимо орехового деревца, молвили два белых голубка:

Оглянися, посмотри,
В башмачке-то нет крови,
Башмачок, видать, не тесный,
Вот она — твоя невеста!

Только они это вымолвили, улетели оба с дерева и уселись на плечи к Золушке: один на правое плечо, другой на левое, — так и остались они сидеть.

Когда пришло время быть свадьбе, явились и вероломные сёстры, хотели к ней подольститься и разделить с ней её счастье. И когда свадебный поезд отправился в церковь, сидела старшая по правую руку, а младшая по левую; и вот выклевали голуби каждой из них по глазу. А потом, когда возвращались назад из церкви, сидела старшая по левую руку, а младшая по правую; и выклевали голуби каждой из них ещё по глазу.

Так вот были они наказаны за злобу свою и лукавство на всю свою жизнь слепотой.

Бременские уличные музыканты

БЫЛ у одного хозяина осёл, и много лет подряд таскал он б устали мешки на мельницу, но к старости стал слаб и к работе так пригоден, как прежде.

Подумал хозяин, что кормить его теперь, пожалуй, не сто́ит; и осёл, заметив, что дело не к добру клонится, взял и убежал от хозяина и двинулся по дороге на Бремен,— он думал, что там удастся ему сделаться уличным музыкантом. Вот прошёл он немного, и случилось ему повстречать по дороге охотничью собаку: она лежала тяжело дыша, высунув язык,— видно, бежать устала.

— Ты что это, Хватай, так тяжело дышишь?— спрашивает её осёл.

— Ох,— отвечает собака,— стара я стала, что ни день, то всё больше слабею, на охоту ходить уже не в силах; вот и задумал меня хозяин убить, но я от него убежала. Как же мне теперь на хлеб зарабатывать?

— Знаешь что,— говорит осёл,— я иду в Бремен, хочу сделаться там уличным музыкантом; пойдём вместе со мной, поступай ты тоже в музыканты. Я играю на лютне, а ты будешь бить в литавры.

Собака на это охотно согласилась, и они пошли дальше. Вскоре они повстречали на пути кота; он сидел у дороги, мрачный да невесёлый, словно дождевая туча.

— Ну, что, старина, Кот Котофеич, беда, что ли, какая с тобой приключилась?— спрашивает его осёл.

— Да как же мне быть весёлым, коли дело о жизни идёт,— отвечает кот,— стал я стар, зубы у меня притупились, сидеть бы мне теперь на печи да мурлыкать, а не мышей ловить,— вот и задумала меня хозяйка утопить, а я убежал подобру-поздорову. Ну, какой дашь мне добрый совет? Куда ж мне теперь деваться, чем прокормиться?

— Пойдём с нами в Бремен,— ты ведь ночные концерты устраивать мастер, вот и будешь там уличным музыкантом.

Коту это дело понравилось, и пошли они вместе. Пришлось нашим трём беглецам проходить мимо одного двора, видят они — сидит на воротах петух и кричит во всё горло.

— Чего ты горло дерёшь?— говорит осёл.— Что с тобой приключилось?

— Да это я хорошую погоду предвещаю,— ответил петух.— Ведь нынче богородицын день: она помыла рубашки Христу-младенцу и хочет их просушить. Да всё равно нет у моей хозяйки жалости: завтра воскресенье, утром гости приедут, и вот велела она кухарке сварить меня в супе, и отрубят мне нынче вечером голову. Вот потому и кричу я, пока могу, во всё горло.

— Вот оно что, петушок-красный гребешок,— сказал осёл,— эх, сту-

пай-ка ты лучше с нами, мы идём в Бремен,— хуже смерти всё одно ничего не найдёшь; голос у тебя хороший, и если мы примемся вместе с тобой за музыку, то дело пойдёт на лад.

Петуху такое предложение понравилось, и они двинулись все вчетвером дальше. Но дойти до Бремена за один день им не удалось, они попали вечером в лес и порешили там заночевать.

Осёл и собака улеглись под большим деревом, а кот и петух забрались на сук; петух взлетел на самую макушку дерева, где было ему всего надёжней. Но прежде чем уснуть, он осмотрелся по сторонам, и показалось ему, что вдали огонёк мерцает, и он крикнул своим товарищам, что тут, пожалуй, и дом недалече, потому что виден свет. И сказал осёл:

— Раз так, то нам надо подыматься и идти дальше, ведь ночлег-то здесь неважный.

А собака подумала, что некоторая толика костей и мяса была бы как раз кстати. И вот они двинулись в путь-дорогу, навстречу огоньку, и вскоре заметили, что он светит всё ярче и светлей, и стал совсем уже большой; и пришли они к ярко освещённому разбойничьему притону. Осёл, как самый большой из них, подошёл к окошку и стал в него заглядывать.

— Ну, осёл, что тебе видно?— спросил петух.

— Да что,— ответил осёл,— вижу накрытый стол, на нём всякие вкусные кушанья и напитки поставлены, и сидят за столом разбойники и едят в своё удовольствие.

— Там, пожалуй, кое-что и для нас бы нашлось,— сказал петух.

— Да, да, если бы только нам туда попасть!— сказал осёл.

И звери стали между собой судить да рядить, как к тому делу приступить, чтобы разбойников оттуда прогнать; и вот, наконец, нашли они способ. Решили, что осёл должен поставить передние ноги на окошко, а собака прыгнуть к ослу на спину; кот взберётся на собаку, а петух пускай взлетит и сядет коту на голову. Так они и сделали и, по условному знаку, все вместе принялись за музыку: осёл кричал, собака лаяла, кот мяукал, а петух, тот запел и закукарекал. Потом ворвались они через окошко в комнату, так что даже стёкла зазвенели.

Услышав ужасный крик, разбойники повскакивали из-за стола и, решив, что к ним явилось какое-то привиденье, в великом страхе кинулись в лес. Тогда четверо наших товарищей уселись за стол, и каждый принялся за то, что пришлось ему больше по вкусу, и начали есть и наедаться, будто на месяц вперёд.

Поужинав, четверо музыкантов погасили свет и стали искать, где бы им поудобней выпасться,— каждый по своему обычаю и привычке. Осёл улёгся на навозной куче, собака легла за дверью, кот на шестке у горячей золы, а петух сел на насест; а так как они с дальней дороги устали, то вскоре все и уснули.

Когда полночь уже прошла и разбойники издали заметили, что в доме свет не горит и всё как будто спокойно, сказал атаман:

— Нечего нам страху поддаваться,— и приказал одному из своих людей пойти в дом на разведку.

Посланный нашёл, что там всё тихо и спокойно; он зашёл в кухню, чтобы зажечь свет, и показались ему сверкающие глаза кота горящими угольками, он ткнул в них серник, чтоб добыть огня. Но кот шуток не любил, он кинулся ему прямо в лицо, стал шипеть и царапаться. Тут испугался разбойник и давай бежать через чёрную дверь; а собака лежала как раз за дверью, вскочила она и укусила его за ногу. Пустился он бежать через двор да мимо навозной кучи, тут и лягнул его изо всех сил осёл задним копытом; проснулся от шума петух, встрепенулся, да как закричит с насеста: «Кукареку!»

Побежал разбойник со всех ног назад к своему атаману и говорит: — Ох, там в доме страшная ведьма засела! Как дохнёт она мне в лицо, как вцепится в меня своими длинными пальцами! А у двери стоит человек с ножом, как полоснёт он меня по ноге; а на дворе лежит чёрное чудище, как ударит оно меня своей дубинкой; а на крыше, на самом верху, судья сидит и кричит: «Ташите вора сюда!» Тут я еле-еле ноги унёс.

С той поры разбойники боялись в дом возвращаться, а четырёх бременским музыкантам там так понравилось, что и уходить не захотелось.

А кто эту сказку последний сказал, всё это сам своими глазами видал.

Волк и семеро козлят

ЖИЛА-БЫЛА старая коза. Было у ней семеро козлят, и она их так сильно любила, как может любить своих детей только мать. Раз собралась она итти в лес, корму принести; вот созвала она всех своих семерых деток и говорит:

— Милые детки, хочу я в лес пойти, а вы, смотрите, волка берегитесь. Если придёт он сюда, то всех вас поест, заодно со шкурой и шерстью. Этот злодей часто прикидывается, но вы его сразу узнаете по толстому голосу и по чёрным лапам.

Ответили козлятки:

— Милая матушка, уж мы поостережёмся, вы ступайте себе, не беспокойтесь.

Заблеяла старая коза и преспокойно отправилась в путь-дорогу.

Прошло немного времени, вдруг кто-то стучится в дверь и кричит:

— Детки милые, отомкнитесь, ваша мать пришла, вам гостинцев принесла!

Но козляточки по толстому голосу услышали, что это волк.

— Не откроемся, — закричали они, — ты не матушка наша; у той голос добрый и тонкий, а твой голос толстый: ты — волк.

Пошёл тогда волк к купцу и купил себе мела большой кусок, съел его, и стал у него голос тонкий-тонкий. Вернулся назад, постучался в дверь и говорит:

— Детки милые, отомкнитесь, ваша мать пришла, вам гостинцев принесла.

Положил волк свою чёрную лапу на окошко, увидели её козлятки и закричали:

— Не откроемся, у матушки нашей не чёрные лапы: ты — волк!

Побежал тогда волк к хлебопёку и говорит:

— Я зашиб себе ногу, помажь мне её тестом.

Помазал ему хлебопёк лапу тестом, побежал волк к мельнику и говорит:

— Присыпь мне лапу белой мукой.

Мельник подумал: «Волк, видно, хочет кого-то обмануть», и не согласился. А волк говорит:

— Если ты этого не сделаешь, я тебя съем.

Испугался мельник и побелил ему лапу. Вот какие бывают люди на свете!

Подошёл злодей в третий раз к двери, постучался и говорит:

— Детки милые, отомкнитесь, ваша мать пришла, вам из лесу гостинцы принесла!

Закричали козляточки:

— А ты покажи нам сначала свою лапу, чтобы мы знали, что ты наша матушка.

Положил волк свою лапу на окошко, увидели они, что она белая, и подумали, что он правду говорит, — и отворили ему дверь. А тот, кто вошёл, был волк.

Испугались они и решили спрятаться. Прыгнул один козлёночек под стол, другой — на кровать, третий — на печку, четвёртый — в кухню, пятый — в шкаф, шестой — под умывальник, а седьмой — в футляр от стальных часов. Но всех их нашёл волк и не стал долго разбираться: разинул пасть и проглотил их одного за другим; одного только он не нашёл, того младшего, что спрятался в часах.

Наевшись досыта, волк ушёл, растянулся на зелёном лужку под деревом и заснул.

Приходит вскоре старая коза из лесу домой. Ах, что ж она там увидела!.. Дверь настежь раскрыта. Стол, стулья, скамьи все опрокинуты, умывальник разбит, подушки и одеяла с постели сброшены. Стала она искать своих деток, но найти их нигде не могла. Стала она их кликать по име-

нам, но никто не отзывался. Наконец она подошла к младшему, и раздался в ответ тоненький голосок:

— Милая матушка, я в часах спрятался!

Вынула она его оттуда, и он рассказал, что приходил волк и всех поел. Можете себе представить, как оплакивала коза своих бедных деточек! Наконец она вышла в великом горе из дому, а младший козлёночек побежал за ней следом. Пришла она на лужок, видит — лежит у дерева волк и храпит так, что аж ветки дрожат. Оглядела она его со всех сторон и увидела, что в раздувшемся брюхе у него что-то шевелится и барахтается.

«Ах, боже ты мой,— подумала она,— неужто мои бедные деточки, которых поел он на ужин, ещё живы-живёхоньки?» И она велела козлёнку бежать поскорее домой и принести ножницы, иглу и нитки. Вот вспорола она чудищу брюхо, но только сделала надрез, а тут и высунул козлёночек свою голову. Стала она вспарывать брюхо дальше,— тут и повыскачили один за одним все шестеро, живы-живёхоньки, и ничего с ними плохого не случилось, потому что чудище от жадности заглатывало их целиком. Вот уж радость-то была! Стали они ласкаться да голубиться к милой своей матушке, скакать и прыгать, словно портной на свадьбе. Но старая коза сказала:

— Ступайте скорей и найдите камней-голышей, мы набьём ими брюхо проклятому зверю, пока он ещё сонный.

Наташили тут семеро козлят много-много камней и засунули их волку в брюхо столько, сколько влезло. Зашила старая коза ему наскоро брюхо, а тот ничего не заметил, даже ни разу не двинулся. Выспался, наконец, волк, поднялся на ноги и почувствовал от камней в брюхе такую жажду, что пошёл к колодцу воды напиться. Только он двинулся, а камни в брюхе один о другой стучат да постукивают. И крикнул волк:

Что урчит и стучит,
В моём брюхе бурчит?
Думал я — шесть козлят,
А то камни гремят.

Подошёл к колодцу, наклонился к воде, хотел напиться, и потянули его тяжёлые камни вниз, так он там и утонул. Увидали это семеро козлят, прибежали к матери и давай кричать:

— Волк мёртвый! Волк уже мёртвый! — и стали на радостях плясать вместе со своей матушкой вокруг колодца.

Братец и сестрица

ЗЯЛ братец сестрицу за фуку и говорит:

— С той поры, как мать у нас умерла, нету нам на свете радости: каждый день нас мачеха бьёт, а когда мы к ней подходим, толкает нас ногами. И едим мы одни лишь сухие корки, что от стола остаются; собачонке и то под столом лучше живётся,— ей бросит она иной

раз хороший кусок. Боже мой, если б узнала о том наша мать! Давай уйдём вместе с тобой куда глаза глядят, будем бродить по свету.

И они ушли из дому. Целый день брели они по лугам, по полям, по горам; а когда пошёл дождь, сестрица сказала:

— Это плачут заодно и господь и наши сердца!

Под вечер зашли они в дремучий лес и так устали от голода, горя и долгого пути, что забрались в дупло дерева и уснули.

Они проснулись на другое утро, когда солнце стояло уже высоко на небе и своими лучами горячо прогревало дупло. И сказал тогда братец:

— Сестрица, мне хочется пить,— если б знать, где тут ручеёк, я бы пошёл напиться. Мне кажется, где-то вблизи журчит вода.

Братец поднялся, взял свою сестрицу за руку, и они стали искать ручеёк. Но злая мачеха была ведьмой. Она видела, что дети ушли, и прокралась за ними тайком, как умеют это делать ведьмы, и заколдовала все родники лесные. И вот, когда они нашли родничок, что прыгал, сверкая, по камням, и захотел братец из него напиться, услышала сестрица, как родничок, журча, говорил:

— Кто из меня напьётся, тот тигром обернётся!

И крикнула сестрица:

— Братец, не пей, пожалуйста, из него воды, а не то диким зверем обернёшься и меня разорвёшь.

Братец не стал пить из этого родничка, хотя ему очень хотелось, и сказал:

— Я потерплю, пока найдём другой родничок.

Они пришли к другому роднику, и услышала сестрица, что и этот тоже говорил:

— Кто из меня напьётся, тот волком обернётся!

И крикнула сестрица:

— Братец, не пей, пожалуйста, из этого родника, а не то обернёшься волком и меня съешь.

Братец не стал пить и сказал:

— Я подожду, пока мы придём к другому роднику, — вот уж тогда я напьюсь, что бы ты мне ни говорила: мне очень хочется пить.

Пришли они к третьему роднику. Услыхала сестрица, как он, журча, говорил:

— Кто из меня напьётся, диким козлом обернётся! Кто из меня напьётся, диким козлом обернётся!

Сестрица сказала тогда:

— Ах, братец, не пей ты, пожалуйста, воды из этого родника, а не то диким козлом обернёшься и в лес от меня убежишь.

Но братец стал у ручья на колени, нагнулся и напился воды. И только коснулись первые капли его губ, как сделался он вмиг диким козлёнком.

Заплакала сестрица над своим бедным заколдованным братцем, и козлик тоже заплакал; и он сидел рядышком с нею и был такой грустный-грустный. И сказала девочка:

— Успокойся, мой миленький козлик, я тебя никогда не оставлю.

И она сняла свою золотую подвязку, надела её на шею козлику, нарвала осоки и сплела из неё мягкую верёвку. Она привязала козлика за верёвку и повела его вместе с собой дальше и шла всё глубже и глубже, в самую чащу лесную.

Шли они долго-долго и подошли, наконец, к маленькой избушке. Заглянула девочка в избушку — видит: она пустая. И девочка подумала: «Вот здесь можно будет и поселиться». Она собрала для козлика листья и мох, сделала ему мягкую подстилку и каждое утро выходила собирать разные коренья, ягоды и орехи; и приносила козлику мягкой травы и кормила его с рук, и был козлик доволен и весело прыгал около неё. К вечеру, когда сестрица уставала, она читала молитву, клала свою голову на спину козлику — была она ей вместо подушки — и засыпала. И если бы можно было вернуть братцу его человеческий образ, то что за чудесная жизнь была бы у них!

Вот так и жили они одни в лесной чаще некоторое время. Но случилось, что как раз на ту пору затеял король в этом лесу большую облаву. Трубили среди леса охотничьи рога, раздавался собачий лай, весёлый по-свист и улюлюканье егерей.

Козлик всё это слышал, и захотелось ему побывать на охоте.

— Ах,— сказал он сестрице,— отпусти меня в лес на охоту, я дольше вытерпеть не в силах!— И он долго её упрашивал, пока, наконец, она согласилась.

— Но смотри,— сказала она ему,— к вечеру возвращайся. От недобрых охотников дверь в избушке я запру, а чтоб я тебя узнала, ты постучись и скажи: «Сестрица,пусти меня», а если ты так не скажешь, то дверь я тебе не открою.

Вот выскочил козлик в лес, и было ему так приятно и весело гулять на приволье! Только увидел король со своими егерями красивого козлика, пустились они за ним в погоню, но нагнать его не могли; они думали, что вот-вот поймут его, а он скакнул в густую заросль и пропал у них на глазах.

Между тем стало уже смеркаться. Подбежал козлик к избушке, постучался и говорит:

— Сестрица,пусти меня.— И открылась перед ним маленькая дверь, вскочил козлик в избушку и отдыхал всю ночь на мягкой подстилке.

На другое утро охота началась снова; и когда козлик слышал большой охотничий рог и улюлюканье егерей, он забеспокоился и сказал:

— Сестрица,открой дверь,отпусти меня в лес погулять.

Открыла сестрица дверь и говорит:

— Но к вечеру, смотри, возвращайся и скажи: «Сестрица,пусти меня».

Как король со своими егерями увидел опять козлика с золотою повязкой на шее, все помчались за ним в погоню, но козлик был очень проворен и быстр. Гонялись за ним егеря целый день напролёт и только к вечеру его окружили. Один из них ранил его в ногу, начал козлик прихрамывать, не смог бежать так быстро, как прежде. Тогда прокрался за ним следом один из егерей до самой избушки и услышал, как козлик говорил: «Сестрица,пусти меня!» — и видел, как дверь перед ним отворилась и тотчас закрылась опять. Охотник всё это хорошо приметил, вернулся к королю и рассказал о том, что видел и слышал. И сказал король:

— Завтра ещё раз выедем на охоту.

Сильно испугалась сестрица, увидев, что её козлик ранен. Она обмыла ему кровь, приложила к ране разные травы и сказала:

— Ступай полежи, милый мой козлик, и рана твоя заживёт.

Но рана была небольшая, и наутро у козлика и следа от неё не осталось. И когда он слышал в лесу опять весёлые звуки охоты, он сказал:

— Невмочь мне дома сидеть, хочу я в лесу погулять; меня никто не поймает, не бойся!

Заплакала сестрица и говорит:

— Нет, уж теперь они тебя убьют, и я останусь здесь одна в лесу, покинута всеми. Нет, не пущу я тебя нынче в лес.

— А я здесь тогда от тоски погибну,— ответил ей козлик.— Как слышу я большой охотничий рог, так ноги сами и бегут у меня.

Что тут было делать сестрице? С тяжёлым сердцем она открыла ему дверь, и козлик, здоровый и весёлый, ускакал в лес.

Увидел его король и говорит егерям:

— Уж теперь гоняйтесь за ним целый день до самой ночи, но смотрите, чтоб никто из вас его не ранил.

И вот, только солнце зашло, говорит король егерю:

— Ну, ступай покажи мне эту лесную избушку.

Тогда он подошёл к маленькой двери, постучался и сказал:

— Дорогая сестрица,пусти меня!

Открылась дверь, и король вошёл в избушку; видит — стоит там девушка красоты несказанной. Испугалась девушка, увидав, что это вошёл не козлик, а какой-то чужой человек, и на голове у него золотая корона. Но король ласково на неё поглядел, протянул ей руку и сказал:

— Хочешь, пойдём со мной в замок, и будешь ты моей милой женой.

— Ах, я согласна,— ответила девушка,— но козлик тоже должен идти со мной, я его никогда не оставлю.

— Хорошо,— сказал король,— пускай он останется на всю жизнь при тебе, и будет ему всего вдоволь.

А тут подскочил и козлик; и сестрица привязала его за верёвку из осоки и вывела из лесной избушки.

Посадил король девушку на коня и привёз её в свой замок; там отпраздновали они свадьбу с большой пышностью. Стала она теперь госпожой королевой, и они жили счастливо вместе долгие годы, а козлика холили и кормили, и он прыгал по королевскому саду.

Но злая мачеха, из-за которой детям выпало на долю бродить по свету, решила, что сестрицу разорвали, пожалуй, в лесу дикие звери, а козлик убит охотниками. Когда она услышала, как

они счастливы и что живётся им так хорошо, в сердце у неё зашевелились зависть и злоба, и они не давали ей покоя, и она думала только о том, как бы опять накликать на них беду.

А была её родная дочка уродлива, как тёмная ночь, и была она одноглазой. Стала она попрекать свою мать:

— Ведь стать королевой полагалось бы мне.

— Ты уж помолчи,— сказала старуха и стала её успокаивать:— придёт время, я всё сделаю, что надо.

Прошёл срок, и родила королева на свет прекрасного мальчика; а на ту пору был король как раз на охоте. Вот старая ведьма приняла вид королевской служанки, вошла в комнату, где лежала королева, и говорит больной:

— Королева, идите купаться, уж ванна готова, купанье вам поможет и прибавит сил; идите скорей, а то вода остынет.

Ведьмина дочь была тут же рядом; и отнесли они ослабевшую королеву в ванную комнату, опустили её в ванну, заперли дверь на ключ, а сами убежали. Но они развели в ванной такой адский огонь, что молодая красавица-королева должна была вот-вот задохнуться.

Сделав это, старуха взяла свою дочку, надела на неё чепец и уложила её в постель вместо королевы. И сделала она её похожей на королеву, только не могла она приставить ей второй глаз. Но чтоб король этого не заметил, пришлось её положить на ту сторону, где у неё не было глаза.

Воротился вечером король домой и, услышав, что королева родила ему сына, сильно обрадовался, и ему захотелось пойти провести свою любимую жену и поглядеть, что она делает. Но старуха закричала:

— Ради бога, задвиньте скорей полог, королеве смотреть на свет ещё трудно, её тревожить нельзя.

Король вернулся назад, не зная о том, что в постели лежит самозванная королева.

Наступила полночь, и все уже спали; и вот увидела мамка, сидевшая в детской у колыбели,— она одна только в доме не спала,— как открылись двери и в комнату вошла настоящая королева. Она взяла на руки из колыбели ребёнка и стала его кормить грудью. Потом она взбила ему подушечку, уложила его опять в колыбельку и укрыла одеяльцем. Но не забыла она и про козлика, заглянула в угол, где он лежал, и погладила его по спине. Потом она тихонько вышла через дверь; мамка на другое утро спросила стражу, не заходил ли кто ночью в замок, но сторожа ответили:

— Нет, мы никого не видали.

Так являлась она много ночей подряд и ни разу при этом не обмолвилась словом. Мамка каждый раз её видела, но сказать о том никому не решалась.

Так прошло некоторое время, но вот однажды королева ночью заговорила и молвила так:

Как мой сыночек? Как козлик мой?
Явлюсь я дважды и не вернусь домой.

Мамка ей ничего не ответила, но когда королева исчезла, мамка пришла к королю и обо всём ему рассказала. Король сказал:

— Ах, боже мой, что же это значит? Следующую ночь я сам буду сторожить возле ребёнка.

Он пришёл вечером в детскую, а в полночь явилась опять королева и сказала:

Как мой сыночек? Как козлик мой?
Приду я однажды и не вернусь домой.

И она ухаживала за ребёнком, как делала это всегда, а потом снова ушла. Король не осмелился заговорить с нею, но и следующую ночь он тоже не спал. И она снова спросила:

Как мой сыночек? Как козлик мой?
Теперь уж больше я не вернусь домой.

И не мог король удержаться, он бросился к ней и сказал:

— Значит, ты моя милая жена!

И она ответила:

— Да, я твоя жена,— и в тот же миг по милости божьей она ожила и стала опять здоровой, румяной и свежей, как прежде.

Потом она рассказала королю о злодействе, что совершила над ней злая ведьма вместе со своей дочкой.

Тогда король велел привести их обеих на суд, и был вынесен им приговор. Ведьмину дочь завели в лес, где её разорвали дикие звери, а ведьму взвели на костёр, и ей пришлось погибнуть лютою смертью. И когда остался от неё один только пепел, козлик опять обернулся человеком, и сестрица и братец стали жить да поживать счастливо вместе.

Король-лягушонок или Железный Гейнрих

В СТАРОДАВНИЕ времена, когда заклятья ещё помогали, жил-был на свете король; все дочери были у него красавицы, но самая младшая была так прекрасна, что даже солнце, много выдавшее на своём веку, и то удивлялось, сияя на её лице.

Вблизи королевского замка раскинулся большой дремучий лес, и был в том лесу под старою липой колодец; и вот в жаркие дни младшая королева выходила в лес, садилась на край студёного колодца, и когда ста-

новилося ей скучно, она брала золотой мяч, подбрасывала его вверх и ловила, — это было её самой любимой игрой.

Но вот однажды, подбросив свой золотой мяч, она поймать его не успела, он упал наземь и покатился прямо в колодец. Королевна глаз не спускала с золотого мяча, но он исчез, а колодец был такой глубокий, такой глубокий, что и дна было не видать. Заплакала тогда королевна, и стала плакать всё сильней и сильней, и никак не могла утешиться.

Вот горюет она о своём мяче и вдруг слышит — кто-то ей говорит:

— Что с тобой, королевна? Ты так плачешь, что и камень разжалобить можешь.

Она оглянулась, чтоб узнать, откуда это голос, вдруг видит — лягушонок высунул из воды свою толстую, уродливую голову.

— А-а, это ты, старый квакун, — сказала она, — я плачу о своём золотом мяче, что упал в колодец.

— Успокойся, чего плакать, — говорит лягушонок, — я тебе помогу. А что ты мне дашь, если я найду твою игрушку?

— Всё, что захочешь, милый лягушонок, — ответила королевна. — Мои платья, жемчуга, драгоценные камни и впридачу золотую корону, которую я ношу.

Говорит ей лягушонок:

— Не надо мне ни твоих платьев, ни жемчугов, ни драгоценных камней, и твоей золотой короны я не хочу; а вот если б ты меня полюбила да со мной подружилась, и мы играли бы вместе, и сидел бы я рядом с тобою за столиком, ел из твоей золотой тарелочки, пил из твоего маленького кубка и спал с тобой вместе в постельке, — если ты мне обещаешь всё это, я мигом прыгну вниз и достану тебе твой золотой мяч.

— Да, да, обещаю тебе всё, что хочешь, только достань мне мой мяч! — А сама про себя подумала: «Что там глупый лягушонок болтает? Сидит он в воде среди лягушек да квакает, — где уж ему быть человеку товарищем!»

Получив с неё обещанье, лягушонок нырнул в воду, опустился на самое дно, быстро выплыл наверх, держа во рту мяч, и бросил его на траву. Увидав опять свою красивую игрушку, королевна очень обрадовалась, подняла её с земли и убежала.

— Постой, постой! — крикнул лягушонок. — Возьми и меня с собой, ведь мне за тобой не угнаться!

Но что с того, что он громко кричал ей вслед своё «ква-ква»? Она и слушать его не хотела, поспешая домой. А потом и совсем позабыла про бедного лягушонка, и пришлось ему опять спуститься в свой колодец.

На другой день она села с королём и придворными за стол и стала кушать из своей золотой тарелочки. Вдруг — топ-шлёп-шлёп — взбирается кто-то по мраморной лестнице и, взобравшись наверх, стучится в дверь и говорит:

— Молодая королевна, отвори мне дверь!

Она побежала поглядеть, кто бы это мог к ней постучаться. Открывает дверь, видит — сидит перед ней лягушонок. Мигом захлопнула она

дверь и уселась опять за стол, но сделалось ей так страшно-страшно. Заметил король, как сильно бьётся у неё сердечко, и говорит:

— Дитя моё, чего ты так испугалась? Уж не великан ли какой спрятался за дверью и хочет тебя похитить?

— Ах, нет,— сказала королева,— это вовсе не великан, а мерзкий лягушонок.

— А что ему от тебя надо?

— Ах, милый батюшка, да вот сидела я вчера в лесу у колодца и играла, и упал в воду мой золотой мяч. Я горько заплакала, а лягушонок достал мне его и стал требовать, чтоб я взяла его в товарищи, а я и пообещала ему,— но никогда я не думала, чтобы он мог выбраться из воды. А вот теперь он явился и хочет сюда войти.

А тем временем лягушонок постучался опять и кликнул:

Здравствуй, королева,
Дверь открой!
Неужель забыла,
Что вчера сулила,
Помнишь, у колодца?
Здравствуй, королева,
Дверь открой!

Тогда король сказал:

— Ты своё обещание должна выполнить.
Ступай и открой ему дверь.

Она пошла, открыла дверь, и вот лягушонок прыгнул в комнату, поскакал вслед за ней, доскакал до её стула, сел и говорит:

— Возьми и посади меня рядом с собой.

Она не решалась, но король велел ей исполнить его желание. Она усадила лягушонка на стул, а он на стол стал проситься; посадила она его на стол, а он говорит:

— А теперь придвинь мне поближе свою золотую тарелочку, будем есть с тобой вместе.

Хотя она и исполнила это, но было видно, что очень неохотно.

Принялся лягушонок за еду, а королевне и кусок в горло не лезет. Наконец он говорит:

— Я наелся досыта и устал,— теперь отнеси меня в свою спальню, постели мне свою шёлковую постельку, и ляжем с тобой вместе спать.

Как заплакала тут королевна,—страшно ей стало холодного лягушонка, боится до него и дотронуться, а он ещё в прекрасной, чистой постельке спать с ней собирается. Разгневался король и говорит:

— Кто тебе в беде помог, тем пренебрегать не годится.

Взяла она лягушонка двумя пальцами, понесла его в спальню, посадила в углу, а сама улеглась в постельку. А он прыгнул и говорит:

— Я устал, мне тоже спать хочется,—возьми меня к себе, а не то я твоему отцу пожалуюсь.

Рассердилась тут королевна и ударила его изо всех сил об стену.

— Ну, уж теперь, мерзкий лягушонок, ты успокоишься!

Но только упал он наземь, как вдруг обернулся королевичем с прекрасными, ласковыми глазами. И стал с той поры, по воле её отца, её милым другом и мужем. Он рассказал ей, что его околдовала злая ведьма, и никто бы не мог освободить его из колодца, кроме неё одной, и что завтра они отправятся в его королевство. Вот легли они спать и уснули. А на другое утро, только разбудило их солнышко, подъехала ко дворцу карета с восьмериком белых коней, и были у них белые султаны на голове, а сбруя из золотых цепей, и стоял на запятках слуга королевича, а был то верный Гейнрих. Когда его хозяин был обращён в лягушонка, верный Гейнрих так горевал и печалился, что велел оковать себе сердце тремя железными обручами, чтоб не разорвалось оно от горя и печали.

И должен был в этой карете ехать молодой король в своё королевство. Усадил верный Гейнрих молодых в карету, а сам стал на запятках и радовался, что хозяин его избавился от злого заклятья.

Вот проехали они часть дороги, вдруг королевич слышит — сзади что-то треснуло. Он обернулся и крикнул:

— Гейнрих, треснула карета!
— Дело, сударь, тут не в этом,
Это обруч с сердца спал,
Что тоской меня сжимал,
Когда вы в колодце жили
Да с лягушками дружили.

Вот опять и опять затрещало что-то в пути, королевич подумал, что это треснула карета, но то были обручи, что слетели с сердца верного Гейнриха, потому что хозяин его избавился от злого заклятья и стал снова счастливым.

Сказка о рыбаке и его жене

ИЛ-БЫЛ когда-то рыбак со своею женой. Жили они вместе в бедной избушке, у самого моря. Рыбак выходил каждый день к берегу моря и ловил рыбу,—так он и жил, что всё рыбу ловил.

Вот сидел он однажды с удочкой и всё глядел на зеркальную воду; сидел он и сидел. Вдруг удочка опустилась на дно, глубоко-глубоко;

стал он её вытаскивать и вытащил большую камбалу-рыбу. И говорит ему камбала-рыба:

— Послушай, рыбац, прошу я тебя, отпусти меня в море! Не рыба я камбала, а зачарованный принц. Ну, что тебе будет пользы в том, что ты меня съешь? Не по вкусу прийдусь я тебе. Отпусти меня в море, чтоб снова мне плавать.

— Ну,— говорит рыбац,— чего меня уговаривать? Камбалу, что умеет говорить человеческим голосом, я и так отпущу на свободу.

И он отпустил её опять в чистое море. Опустилась она на дно и оставила за собой длинную струйку крови. Подивился рыбац и вернулся к жене в свою бедную избушку.

— Что ж ты,— говорит ему жена,— нынче ничего не поймал?

— Нет,— говорит рыбац,— поймал я камбалу-рыбу, а она сказала, что она — зачарованный принц, вот и отпустил я её назад, пускай себе плавает в море.

— И ты у неё ничего и не выпросил?— спросила жена.

— Нет,— ответил рыбац,— чего же мне было желать?

— Эх,— сказала жена,— ведь плохо-то нам живётся в бедной избушке, скверно в ней пахнет, смотри, какая она грязная, выпросил бы ты избу получше. Ступай да покличь назад камбалу-рыбу, скажи ей, что хотим мы избу получше. Она уж наверное выполнит просьбу.

— Ох,— сказал рыбац,— неужто мне снова туда итти?

— Да ведь ты же её поймал и выпустил в море, она уж, наверное, всё сделает. Ступай, счастливой тебе дороги!

Не хотелось итти рыбаку, но он не посмел перечить жене и пошёл к морю.

Пришёл на берег. Позеленело море, потемнело, не сверкает, как прежде. Подошёл он к морю и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлёт меня.

Приплыла камбала-рыба и спрашивает:

— Ну, чего ей надобно?

— Эх,— ответил рыбац,— ведь я-то тебя поймал, а жена мне говорит, будто я должен что-нибудь у тебя выпросить. Не хочет она больше жить в своей бедной избушке, хочет жить в хорошей избе.

— Ну, ступай,— говорит ему камбала-рыба,— всё тебе будет.

Воротился рыбац домой. Видит — на месте бедной избушки стоит хорошая новая изба, и сидит жена его перед дверью на скамейке. Взяла его жена за руку и говорит:

— Ну, входи, погляди-ка, теперь-то ведь куда получше.

Вошёл он в избу, а в избе чистые сени и нарядная комната; и стоят

в ней новые постели, а дальше чулан и столовая; и всюду полки, а на них самая лучшая утварь, и оловянная и медная — всё, что надо. А позади избы маленький дворик, и ходят там куры и утки; а дальше небольшой садик и огород с разной зеленью и овощами.

— Видишь,— говорит жена,— разве это не хорошо?

— Да,— ответил рыбак,— теперь заживём мы припеваючи, будем и сыты и довольны.

— Ну, это ещё посмотрим, как оно будет,— говорит жена. Поужинали они и легли спать.

Вот прошла так неделя, другая, и говорит жена:

— Послушай, муженёк, а изба-то ведь тесная, двор и огород совсем маленькие; камбала-рыба могла бы подарить нам дом и побольше. Хочу жить в большом каменном замке. Ступай к камбале-рыбе, пусть подарит нам замок.

— Ах, жена,— ответил рыбак,— нам-то ведь и в этой избе хорошо, зачем нам жить в замке?

— Да что ты понимаешь!— говорит ему жена.— Ступай-ка опять к камбале-рыбе, она всё может нам сделать.

— Нет, жена,— говорит рыбак,— камбала-рыба подарила нам недавно избу, не хочу я итти к ней опять, а не то она разгневается.

— Да ступай,— говорит жена,— она всё может выполнить, и сделает это охотно. Ступай!

Тяжело было на сердце у рыбака, не хотелось ему итти; молвил он про себя: «Негоже так делать», но всё же пошёл.

Пришёл он к морю. Помутилось море, потемнело, совсем стало тёмным, иссиня-серым, и совсем не такое, как прежде — зелёное и светлое; но было оно ещё тихое-тихое.

Подошёл он к морю и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлёт меня.

— Ну, чего она хочет?— говорит камбала-рыба.

— Эх,— ответил в смущении рыбак,— хочет она жить в большом каменном замке.

— Ну, ступай домой, вон стоит она у дверей,— молвила камбала-рыба.

Пошёл рыбак и подумал: «Пойду я теперь домой»,— и домой воротился. Видит — стоит перед ним большой каменный дворец, и стоит его жена на крыльце и собирается войти во дворец. Она взяла его за руку и говорит:

— Ну, войдём вместе со мной.

Вошли они, видят — всюду в замке мраморные полы; и стоит множество всяких слуг, отворяют они перед ними высокие двери; а стены все так и блестят, красивые на них обои, а в комнатах стулья и столы все

сплошь из золота, и висят на потолке хрустальные люстры; и все залы и покои коврами устланы; и лучшие яства и вина драгоценные стоят на столах,— чуть не ломаются под ними столы. А позади замка просторный конюшенный двор и коровник, и возки и повозки самые лучшие, да, кроме того, большой прекрасный сад с великолепными цветами и чудными плодовыми деревьями, и парк — длиной будет этак с полмили,— а в нём олени, лани и зайцы и всё, что только душа пожелает.

— Ну, что,— говорит жена,— разве это не прекрасно?

— О, да,— ответил рыбак,— пускай оно так и останется; давай заживём теперь в прекрасном замке и будем этим довольны.

— Ну, это мы ещё подумаем,— говорит жена,— потолкуем после.

С тем и пошли они спать.

На другое утро, только стало светать, проснулась жена первая и увидела, лёжа в постели, какой красивый вид за окном. Рыбак ещё спал; толкнула жена его локтем в бок и говорит:

— Вставай, муженёк, погляди-ка в окошко. А не стать ли нам королями над всей этой страной? Ступай-ка ты к камбале-рыбе, скажи — хотим мы быть королями.

— Ох, жена,— ответил рыбак,— и зачем нам быть королями? Не хочу я быть королём!

— Ну,— говорит ему жена,— ты не хочешь быть королём, а я вот хочу. Ступай-ка ты к камбале-рыбе, скажи ей, что хочу я стать королевой.

— Эх, жена, жена,— молвил рыбак,— зачем быть тебе королевой! Не посмею просить я её об этом.

— Почему?— говорит жена.— Мигом ступай к морю, я должна быть королевой.

Пошёл рыбак в смущеньи, что хочет жена его стать королевой. «Ой, негоже, негоже так делать»,— подумал рыбак.

Не хотелось ему итти,— пошёл-таки к морю.

Приходит он к морю, а море всё чёрное стало, волнуется, и ходят по нём волны большие и мутные-мутные. Подошёл он к берегу и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлёт меня.

— Ну, чего она ещё захотела?— спрашивает камбала-рыба.

— Ах,— говорит рыбак,— она хочет стать королевой.

— Ступай домой, будет ей всё,— сказала камбала-рыба.

Воротился рыбак домой; подходит ко дворцу, видит — стал замок куда побольше, и башня на нём больше, да так красиво украшена; и стоят у ворот часовые и много солдат — ипрают на трубах, бьют в литавры и барабаны. Вошёл он в двери, а всюду мрамор и золото, и бархатные везде ковры да золотые кисти.

Открылись перед ним двери в залу, а там все придворные в сборе, и сидит его жена на высоком, из чистого золота, троне, усыпанном бриллиантами; а на голове у жены большая золотая корона, и в руке у неё из чистого золота скипетр с дорогими камнями, и стоят по обе стороны по шесть девушек в ряд, одна другой красивей.

Подходит к ней рыбак, постоял и говорит:

— Ох, жена, ты, значит, теперь королевою стала?

— Да,— отвечает она,— я теперь уже королева!

Постоял он некоторое время, оглядел её справа и слева и говорит:

— Ах, жена, вот и хорошо, что стала ты королевой. Теперь, пожалуй, тебе ничего больше и желать не надо.

— Нет, муженёк,— говорит жена, и точно какая тревога её ододела,— скучно мне быть королевой, не могу я дольше быть королевой. Ступай-ка ты к камбале-рыбе; я теперь королева, а хочу стать отныне императрицей.

— Ах, жена,— молвил рыбак,— ну, зачем тебе быть императрицей?

— Муж,— сказала она,— ступай-ка к этой камбале-рыбе, хочу я стать императрицей.

— Ох, жена,— отвечает ей муж на это,— императрицею сделать тебя она не сможет, я не посмею просить об этом камбалу-рыбу; императрица одна во всём государстве, императрицей не сможет сделать тебя камбала-рыба, никак не сможет.

— Что?— сказала жена.— Ведь я королева, а ты мой муж; пойдёшь к рыбе подобру-поздорову? Ступай! Раз могла сделать она меня короле-

вой, может сделать и императрицей. Хочу стать я императрицей, ступай поживее.

И пришлось итти ему снова. Подошёл он к морю, но стало ему страшно; идя, подумал он про себя: «Дело, видно, идёт не к добру; совести нет у неё, хочет императрицею сделаться; надоест под конец это камбале-рыбе».

Пришёл он к морю, а море стало ещё чернее, вздулось и всё до самых глубин взволновалось, и ходили волны по нём, и разгуливал буйный ветер и дул им навстречу; и рыбаку сделалось страшно. Он вышел на берег и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлёт меня.

— Ну, чего она ещё захотела? — спросила камбала-рыба.

— Ах, камбала-рыба, — сказал он, — хочет жена моя стать императрицей.

— Ступай, — сказала камбала-рыба, — будет ей всё.

Воротился рыбак домой, видит — одет весь замок полированным мрамором, стоят изваяния из алебаstra, и всюду золотые украшения. Маршируют перед входом солдаты, дуют в трубы, бьют в литавры и барабаны; а по дому расхаживают бароны, графы да герцоги разные и прислуживают жене, точно слуги; открывают они перед ним двери, а все двери сплошь золотые.

Входит он, видит — сидит жена его на троне, а он из цельного золота кован, а высотой будет этак с две мили; а на голове у неё большая золотая корона вышиною в три локтя, усыпана вся алмазами и рубинами. В одной руке у жены скипетр, а в другой держава; и стоят по обе стороны телохранители в два ряда, один красивей другого, все, как на подбор, великаны, и самый из них большой ростом в две мили, и выстроились все в шеренгу от большого до самого малого карлика, что будет не больше, чем мой мизинец. И стоят перед ней князья да герцоги. Подошёл рыбак ближе, остановился и говорит:

— Жена, значит ты теперь императрица?

— Да, — говорит она, — теперь я императрица.

Он постоял, поглядел на неё хорошенько, разглядел, посмотрел ещё раз и говорит:

— Ох, жена, как красиво, когда ты императрицею стала!

— Ну, чего ж ты стоишь? Теперь я императрица, а хочу стать папою римским, ступай к камбале-рыбе.

— Ах, жена, — молвил рыбак, — чего ещё захотела! Папой стать ты не можешь, папа один во всём христианском мире, — этого рыба сделать никак уж не может.

— Муж, — говорит она, — хочу я стать папой, ступай поскорее к рыбе, должна я сегодня же сделаться папой.

— Нет, жена,— говорит ей рыбак,— я и сказать ей о том не посмею. Нет, так негоже и дерзко,— папою камбала-рыба сделать тебя не сможет.

— Муж, как ты смеешь мне перечить!— сказала жена.— Раз могла она сделать меня императрицей, сможет сделать и папой. Ну, поскорей отправляйся, я — императрица, а ты — мой муж, пойдёшь подобру-поздорову?

Испугался рыбак и пошёл, но было ему слишком тяжело, он дрожал, и колени у него подгибались.

И поднялся вдруг кругом такой ветер, мчались тучи, и стало на западном крае темным-темно, срывались листья с деревьев, волновалось море и бушевало и билось о берег, и были на нём вдали видны корабли, которые застигла буря; их носило, качая по волнам. Но небо было в середине ещё слегка синеватое, а на юге багряное, как перед грозой.

Подошёл рыбак к морю, остановился в страхе и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлёт меня.

— Ну, чего она ещё захотела?— говорит камбала-рыба.

— Ох,— отвечает рыбак,— хочет стать она папою римским.

— Ступай, будет по её воле,— молвила камбала-рыба.

Воротился рыбак, приходит домой, видит — стоит большой собор, а вокруг него всё дворцы понастроены. Пробился он сквозь толпу. И было внутри всё освещено тысячами тысяч свечей, а жена облачена в ризы из чистого золота; видит — сидит она на троне на высочайшем, и на голове у неё три большие золотые короны. А вокруг стоит разное духовенство; и по обе стороны её поставлены свечи в два ряда, и самая большая из них — такая огромная и толстая, как самая что ни на есть высокая башня, а самая маленькая — та совсем крошечная. И все короли и цари стоят перед ней на коленях, целуют её туфлю.

Посмотрел на неё рыбак внимательно и говорит:

— Жена, ты теперь, стало быть, папа?

— Да,— отвечает она,— я теперь папа.

Вот стоит он и глядит на неё пристально; и показалось ему, будто он смотрит на ясное солнышко. Оглядел он её хорошенько и говорит:

— Ах, жена, как прекрасно, что ты сделалась папой!

Сидит она перед ним истуканом и не двинется, не шелохнётся. И говорит он:

— Ну, жена, ты теперь-то, пожалуй, довольна. Вот ты и папа, и никак уж теперь не можешь стать выше.

— А я вот подумаю,— говорит жена.

Легли они спать, но она была недовольна, жадность не давала уснуть ей, и она всё думала, кем бы стать ей ещё.

А муж спал крепким сном: он набегался за день; а жена, та совсем не могла уснуть, всю ночь ворочалась с боку на бок и всё думала, чего бы ей ещё пожелать, кем бы стать ей ещё, но придумать ничего не могла. Вот уж и солнцу скоро всходить; увидала она утреннюю зарю, придвинулась к краю постели и стала глядеть из окна на восход солнца. «Что ж,— подумала она,— разве я не могла бы повелевать и луною и солнцем, чтоб всходили они, когда я захочу?»

— Муж,— толкнула она его локтем в бок,— чего спишь, скорей просыпайся да ступай к камбале-рыбе, скажи ей, что хочу я стать богом.

Муж на ту пору ещё не совсем проснулся, но, услышав такие речи, он так испугался, что свалился с постели прямо на пол. Он подумал, что ослышался, может, стал протирать глаза и сказал:

— Ох, жена, жена, ты это что говоришь такое?

— Да вот,— отвечала она,— не могу я повелевать луною и солнцем, а должна только смотреть, как они всходят; и не буду я покойна до той поры, пока не смогу повелевать и луною и солнцем.— И так на него грозно она посмотрела, что стало ему страшно.— Мигом ступай к морю, хочу я стать богом!

— Ох, жена, жена,— молвил ей муж и упал перед ней на колени,— этого камбала-рыба уж никак сделать не может. Царём и папой она ещё могла тебя сделать; прошу, образумься и останься ты папой!

Тут пришла она в ярость, и взъерошились волосы у неё на голове, она толкнула его ногой да как крикнет:

— Не смей мне перечить, я терпеть этого больше не стану! Что, пойдёшь подобру-поздорову?

Тут поднялся он и мигом кинулся к морю, и бежал прямо как угорелый.

Бушевала на море буря, и кругом всё так шумело и ревело, что он еле мог на ногах удержаться.

Падали дома, дрожали деревья, и рушились в море камни со скал, и было всё небо, как сажа, чёрное. Гром грохотал, сверкали молнии, ходили по морю высокие чёрные волны, такой вышины, как колокольни; и горы, и всё было покрыто белым венцом из пены.

Крикнул рыбак во всё горло, но не мог он и собственных слов слышать:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлёт меня.

— Ну, чего ещё она захотела?— спросила камбала-рыба.

— Ох,— сказал ей рыбак,— хочет стать она богом!

— Так ступай домой, сидит она снова на пороге своей избушки.

Так сидят они там и доньше.

Храбрый портняжка

ОДНАЖДЫ, летним утром, сидел портняжка у окна на своём столе для шитья; ему было весело, и он шил изо всех сил. А проходила по улице крестьянка, выкрикивая: «Хорошее варенье продаю! Хорошее варенье продаю!» Портняжке это слышать было приятно, он вытянул свою хилую шею в окошко и крикнул:

— Эй, голубушка, заходи-ка наверх, тут свой товар и продашь!

Женщина поднялась со своей тяжёлой корзиной к портному на третий этаж и стала развязывать перед ним все свои банки. Он все их оглядел, осмотрел, каждую поднял, пригляделся, понюхал и, наконец, сказал:

— Варенье, кажется, хорошее. Что ж, отвесь мне, голубушка, четыре лота, а то, пожалуй, и все четверть фунта возьму.

Женщина, понадеявшись сбыть немало своего товара, продала портному столько, сколько он просил, и ушла, ворча от досады.

— Ну, да благословит господь бог это варенье,— воскликнул портной,— и пошлёт мне бодрости и силы!— С этими словами он достал из шкафчика хлеб, открыл себе краюху и намазал её вареньем.

— Оно будет, пожалуй, недурно,— сказал он,— но сперва я закончу куртку, а потом уж как следует и поем.

Он положил кусок хлеба около себя и продолжал шить дальше, но на радостях стал шить крупными стежками. А запах сладкого варенья между тем разнёсся всюду по комнате, и множество мух, сидевших на стене, почуяли это и целым роем слетелись на хлеб.

— Эй, вы, кто вас сюда звал?— сказал портной и стал прогонять незванных гостей.

Но мухи немецкого языка не понимали, они его не слушались, и их налетело ещё больше. Тут у портняжки, как говорится, терпенье, наконец, лопнуло, он вышел из себя, кинулся, схватил суконку и с криком: «Погодите, уж я вам задам!»— без всякой жалости хлопнул изо всей силы по мухам. Поднял он суконку, поглядел, сосчитал — и лежало перед ним, протянув ноги, не меньше чем семь убитых мух. «Вот я какой молодец!»— сказал он, и сам удивился своей храбрости.— Надо, чтоб об этом весь город узнал».

Тут выкроил портняжка наскоро пояс, стачал его и большими буквами вышел на нём: «Побил семерых одним махом». «Да что город,— продолжал он рассуждать дальше,— весь свет должен об этом узнать!»— и сердце его затрепетало от радости, как бараний хвост.

Подпоясавшись портной поясом и собравшись пуститься по белу свету, считая, что портняжная мастерская слишком тесна для его храбрости. Но прежде чем отправиться в путь-дорогу, он стал шарить по всему дому, нет ли чего такого, что можно было бы с собой захватить, но не нашёл ничего, кроме головки старого сыра, и взял её с собой. У ворот он увидел птицу, что запуталась в кустах; он поймал её и тоже сунул заодно с сы-

ром в карман. Потом он смело двинулся в путь-дорогу, — а был он лёгок да проворен и потому никакой усталости не чувствовал.

Путь привёл его к горе, и когда он взобрался на самую вершину, то увидел там огромного великана, который сидел и спокойно поглядывал кругом.

Портняжка смело подошёл к нему, заговорил с ним и спросил:

— Здравствуй, товарищ, ты что тут сидишь да разглядываешь при-вольный и широкий свет? Я вот иду по белу свету странствовать, хочу попытать счастье, не пойдёшь ли и ты вместе со мной?

Великан презрительно поглядел на портного и сказал:

— Эх ты, жалкий оборванец!

— Как бы не так! — ответил портняжка, и он расстегнул свою куртку и показал великану пояс, — вот, можешь сам прочитать, что я за человек!

Великан прочитал: «Побил семерых одним махом» — и подумал, что речь идёт о людях, которых убил портной, и почувствовал к этому маленькому человечку некоторое уважение. Но ему захотелось сначала его испытать. Он взял камень в руку и сдвинул его так, что из него потекла вода.

— Вот и ты попробуй так же, — сказал великан, — если силёнок у тебя хватит.

— Это и всё? — спросил портняжка. — Да это для меня пустяки! — И он полез в карман, достал оттуда головку мягкого сыра и сжал её так, что сок из неё потёк.

— Ну, что, — сказал он, — пожалуй, получше твоего будет?

Великан не знал, что ему и сказать — от такого человечка он этого никак не ожидал. Поднял тогда великан камень и подбросил его вверх, да так высоко, что тот исчез из виду.

— Ну-ка ты, селезень, попробуй тоже.

— Что ж, брошено хорошо, — сказал портной, — но камень-то ведь опять на землю упал; а я вот брошу так, что он и назад не вернётся. — И он полез в карман, достал птицу и подбросил её вверх. Птица, обрадовавшись свободе, взлетела, поднялась высоко в небо и назад не вернулась.

— Ну, а это как тебе, дружище, понравится? — спросил портной.

— Бросать ты умеешь хорошо, — сказал великан, — но, посмотрим, сумеешь ли ты нести большую тяжесть. — И он подвёл портняжку к огромному дубу, что лежал срубленный на земле, и сказал: — Ежели ты достаточно силён, то помоги мне вытащить дерево из лесу.

— Ладно, — ответил маленький человечек, — ты положи ствол к себе на плечи, а я подниму и понесу сучья и ветки, — это ведь будет куда потяжелее.

Великан взвалил ствол себе на плечи, а портной уселся на одну из веток; и пришлось великану, который оглянуться назад никак не мог, тащить всё дерево да впридачу ещё и портняжку. И был портняжка весел и насвистывал песенку: «Трое портных подъезжало к воротам...», словно тащить дерево было для него детской забавой.

Протащил великан тяжёлую ношу недалеко, но дальше нести был не в силах и крикнул:

— Послушай, а дерево-то мне придётся бросить.

Тут портной проворно соскочил с ветки, схватил дерево обеими руками, будто нёс он его один, и сказал великану:

— Ты такой большой, а дерево-то нести не можешь.

Пошли они дальше вместе. Проходя мимо вишнёвого дерева, великан схватил его за верхушку, на которой висели самые спелые вишни, нагнул её вниз, дал портному и стал его угощать. Но портняжка был слишком слаб, удержать веток не смог, и когда великан их отпустил, дерево поднялось и портной взлетел вместе с ним на воздух. Он упал благополучно на землю, а великан и говорит:

— Что ж это ты, неужто ты не в силах удержать такой маленький пруттик?

— Силы-то у меня хватит, — ответил портняжка, — ты думаешь, что это что-нибудь значит для того, кто побил семерых одним махом? Это я через дерево прыгнул, ведь внизу охотники стреляют по кустам. А ну, прыгни-ка ты так, если можешь.

Великан попробовал было, но через дерево перепрыгнуть не мог и повис на ветвях, так что и тут портняжка одержал верх.

И великан сказал:

— Если ты уж такой храбрец, то пойдём вместе со мной в нашу пещеру, там и заночуешь.

Портняжка согласился и отправился вслед за великаном. Подошли они к пещере, глядь — сидят там у костра и другие великаны, и у каждого из них в руке по

жареной овце, и каждый её ест. Осмотрелся портняжка и подумал: «А здесь-то куда просторней, чем у меня в портняжной».

Великан указал ему постель и сказал, чтоб он лёг и как следует выспался. Но постель для портняжки была слишком велика, он не лёг в неё, а забрался в самый угол. Вот наступила полночь, и великан, думая, что портняжка спит глубоким сном, поднялся, взял большой железный лом и одним ударом разломал кровать надвое, думая, что этого кузнечика он уже истребил.

Ранним утром великаны ушли в лес, а о портняжке и позабыли, и вдруг он выходит, весёлый и бесстрашный, им навстречу. Тут великаны испугались и подумали, что он всех их перебьёт, и бросились наутёк.

А портняжка двинулся дальше, куда глаза глядят. Долго он странствовал и вот пришёл, наконец, во двор королевского дворца и, почувствовав усталость, прилёг на траве и уснул. В то время как он лежал, пришли люди, стали его со всех сторон разглядывать и прочли у него на поясе надпись: «Побил семерых одним махом».

— Ох,— сказали они,— чего же хочет этот знатный герой здесь в мирное время? Это, должно быть, какой-нибудь важный человек.

Они пошли и объявили об этом королю, полагая, что на случай войны он будет здесь человеком важным и нужным и что отпускать его ни в коем случае не следует. Этот совет королю понравился, и он послал к портняжке одного из своих придворных, который должен был ему предложить, когда тот проснётся, поступить к королю на военную службу.

Посланец подошёл к спящему, подождал, пока тот стал потягиваться и открыл глаза, и только тогда изложил ему королевское поручение.

— Я затем сюда и явился,— ответил портной.— Что ж, я готов поступить к королю на службу.

Его приняли с почестями и отвели ему особое помещение. Но королевские воины отнеслись к портняжке недружелюбно и хотели его сбыть куда-нибудь подальше. «Что оно из этого выйдет?— говорили они между собой.— Если мы с ним поссоримся, то он, чего доброго, на нас набросится и побьёт семерых одним махом. Уж тут никто из нас против него не устоит». И вот они порешили отправиться всем вместе к королю и просить у него отставку.

— Где уж нам устоять,— сказали они,— рядом с таким человеком, который побивает семерых одним махом?

Опечалился король, что приходится ему из-за одного терять всех своих верных слуг, и захотелось ему поскорей от портного избавиться, чтобы больше его и на глаза не пускать. Но король не решился дать ему отставку: он боялся, что тот убьёт его, а заодно и придворных, а сам сядет на его трон. Долго он думал, раздумывал и, наконец, порешил сделать так. Он послал к портняжке и велел ему объявить, что он хочет ему, как великому военному герою, сделать некоторое предложение.

В одном из лесов его королевства поселились два великана, они своими грабежами и разбоями, поджогами и пожарами великий вред учиняют; и никто не осмеливается к ним приблизиться, не подвергаясь смер-

тельной опасности. Так вот, если он этих двух великанов одолеет и убьёт, то отдаст он ему свою единственную дочь в жёны, а в приданое полкоролевства, а поедут с ним сто всадников на подмогу.

«Это было б неплохо для такого, как я,— подумал портняжка,— получить себе в жёны красавицу королевну да ещё полкоролевства впридачу,— такое не каждый день выпадает на долю».

— О, да!— сказал он в ответ.— Великанов этих я одолею, и сотни всадников мне для этого не надо; кто одним махом семерых побивает, тому двоих бояться нечего.

И вот пустился портняжка в поход, и ехала следом за ним сотня всадников. Подъехав к лесной опушке, он сказал своим провожатым:

— Вы оставайтесь здесь, а я уж расправлюсь с великанами один на один.— И он шмыгнул в лес, поглядывая по сторонам.

Вскоре он увидел двух великанов. Они лежали под деревом и спали, и при этом храпели во-всю, так что даже ветки на деревьях качались.

Портняжка, не будь ленив, набил себе оба кармана камнями и взобрался на дерево. Он долез до половины дерева, взобрался на ветку, уселся как раз над спящими великанами и стал сбрасывать одному из них на грудь камень за камнем. Великан долгое время ничего не замечал, но, наконец, проснулся, толкнул своего приятеля в бок и говорит:

— Ты чего меня бьёшь?

— Да это тебе приснилось,— ответил ему тот,— я тебя вовсе не

бью.— И они опять улеглись спать. А портной вынул камень и сбросил его на второго великана.

— Что это?— воскликнул второй.— Ты чем в меня бросаешь?

— Я ничем в тебя не бросаю,— ответил первый и начал ворчать.

Так ссорились великаны некоторое время, и когда оба от этого устали, они помирились и опять уснули. А портняжка снова начал игру, выбрал камень побольше и кинул его изо всей силы в грудь первому великану.

— Это уж чересчур!— закричал тот, вскочил, как безумный, и как толкнёт своего приятеля об дерево,— так оно всё и задрожало. Второй отплатил ему той же монетой, и они так разъярились, что стали вырывать ногами с корнем деревья и бить ими друг друга, пока, наконец, оба не упали замертво наземь.

Тут портняжка спрыгнул с дерева. «Счастье ещё,— сказал он,— что не вырвали они того дерева, на котором я сидел, а то бы пришлось мне, пожалуй, прыгать, как белке, с дерева на дерево,— ну, да мы уж люди проворные!» Он вытащил свой меч и изо всех сил ударил обоих великанов в грудь, потом вышел из лесу к всадникам и сказал:

— Дело сделано, я прикончил обоих. Однако пришлось мне трудненько; почуяв беду, они вырывали целые деревья из земли, чтобы защититься, но им это мало помогло, раз явился такой, как я, что семерых одним махом побивает.

— А вы не ранены?— спросили всадники.

— Обошлось благополучно — ответил портной, — и волосы не тронули.

Всадники верить ему не хотели и направились в лес. Они увидели там великанов, плававших в собственной крови, а вокруг них валялись вырванные с корнем деревья. И вот потребовал тогда портняжка от короля обещанной ему награды, но тот уж и так раскаивался в своём обещании и стал снова придумывать, как бы это ему избавиться от подобного героя.

— Прежде чем ты получишь мою дочь в жёны и полкоролевства впридачу,— сказал он ему,— ты должен совершить ещё одно геройское дело. Живёт в лесу единорог, он причиняет большой вред, ты должен его поймать.

— Единорога я боюсь ещё меньше, чем двух великанов; семерых одним махом — дело как раз по мне!

Вот взял он с собой верёвку и топор, вышел в лес и велел людям, которые были даны ему на подмогу, дожидаться его опять на лесной опушке. Долго ему искать не пришлось; единорог вскоре явился и кинулся прямо на портного, собираясь его тотчас насадить на свой рог.

— Потихе, потихе,— сказал портной.— Этак быстро дело не пойдёт!

Он остановился и стал ждать, пока зверь подойдёт поближе, потом он проворно отскочил и спрятался за дерево. Единорог разбежался изо всех сил и вонзил свой рог в ствол, да так крепко, что у него нехватило сил вытащить его назад,— так он и поймался.

— Теперь-то птичка в моих руках,— сказал портной и, выйдя из-за дерева, накинул единорогу на шею верёвку, потом отрубил ему топором

рог, что застрял в дереве, и, когда всё было в порядке, он вывел зверя из лесу и привёл его к королю.

Но король и теперь не хотел дать ему обещанной награды и выставил третье требование. Должен был портной для свадьбы поймать ему дикого вепря, что наносит в лесу большой вред, и должны были в этом деле ему помочь егеря.

— Ладно, — ответил портной, — это для меня детская забава!

Егерей с собой в лес он не взял, и они остались этим очень довольны, потому что дикий вепрь не раз встречал их так, что у них пропала охота за ним гоняться.

Когда вепрь заметил портного, то кинулся на него с пеной у рта и оскаленными клыками, собираясь сбить его с ног. Но ловкий герой вскочил в часовню, что находилась поблизости, и мигом выпрыгнул оттуда через окошко. Вепрь вбежал за ним следом, а портной обежал вокруг часовни и захлопнул за ним дверь, — тут лютый зверь и поймался: был он слишком тяжёл и неловок, чтобы выпрыгнуть из окошка.

Созвал тогда портной егерей, чтобы те собственными глазами увидели пойманного зверя, а наш герой направился тем временем к королю; и как уж тому не хотелось, а пришлось-таки сдержать своё обещание, и он отдал ему свою дочь и полкоролевства впридачу.

Знал бы он, что стоит перед ним не великий герой, а простой портняжка, то было бы ему ещё больше не по себе. Свадьбу отпраздновали с великой пышностью да малой радостью; и вот стал портной королём.

Спустя некоторое время услышала ночью молодая королева, как супруг её во сне разговаривает: «Малый, а ну-ка, сшей мне куртку да заштопай штаны, а не то отдую тебя аршином». Тут и догадалась она, из какого переулка родом этот молодчик; рассказала на другое утро о своём горе отцу и стала просить его, чтобы избавил он её от такого мужа, — ведь оказался он простым портным. Стал король её утешать и сказал:

— В эту ночь ты опочивальню свою не запирай, мои слуги будут стоять у дверей, и когда он заснёт, они войдут, свяжут его и отнесут на корабль, и будет он отвезён в дальние земли.

Королева осталась этим довольна, но королевский оруженосец, который всё это слышал и был молодому королю предан, рассказал ему об этом замысле.

— Я с этим делом управлюсь, — сказал портняжка.

Вечером он улёгся в обычное время в постель со своей женой. Она подумала, что он уже спит, встала, открыла дверь и легла опять в постель. А портняжка притворился спящим и начал громко кричать: «Малый, сшей мне куртку да заштопай штаны, а не то я отдую тебя аршином! Я побил семерых одним махом, двух великанов убил, увёл из лесу единорога и поймал дикого вепря — мне ли бояться тех, кто стоит за дверью!»

Услыхали слуги, что говорит портной, охватил их великий страх, и они убежали прочь, будто гналось за ними по пятам грозное войско. И никто уже с той поры больше не отваживался трогать портного.

И вот, как был портняжка королём, так на всю свою жизнь им и остался.

Рапунцель

ОДНАЖДЫ жили на свете муж и жена; им давно уже хотелось иметь ребёнка, но его всё не было; и вот, наконец, явилась у жены надежда, что милостивый господь исполнит её желание.

А было у них в горенке маленькое окошко, оттуда был виден великолепный сад, где росло много прекраснейших цветов и всякой зелени. Но сад был обнесён высокой оградой, и никто не осмеливался в него входить, так как сад этот принадлежал одной колдунье; она обладала большим могуществом, и все на свете её боялись.

Стояла раз жена у окошка, заглянула в сад и увидела грядку, а рос на ней прекраснейший рапунцель,* был он на вид такой свежий и такой зелёный, что ей страсть как захотелось отведать этого рапунцеля. Это желание у неё всё с каждым днём возрастало, но так как она знала, что его достать ей никак невозможно, то она вся исхудала, побледнела и выглядела несчастной. Испугался муж и спрашивает:

— Чего тебе, моя жёнушка, недостаёт?

— Ах,— говорит она,— если не добыть мне из того сада, что за нашим домом, зелёного рапунцеля и его не отведать, то остаётся мне одно— помереть.

Муж очень её любил и подумал: «Уж если жене моей от этого помирать приходится, то я достану для неё рапунцеля, чего бы это мне ни стоило».

И вот перелез он в сумерках через каменную ограду в сад колдуньи, нарвал второпях целую пригоршню зелёного рапунцеля и принёс его жене.

Она тут же приготовила себе из него салат и с жадностью его поела. И салат ей этот так понравился, показался ей таким вкусным, что на другой день появилось у неё желание втрое большее, чем прежде. И она не могла найти себе покоя, пока муж не согласился полезть в сад ещё раз.

Он пробрался туда в сумерках, пролез через каменную ограду, но сильно перепугался, увидав перед собой колдунью.

— Как ты смеешь лазить в мой сад,— сказала она, гневно на него

* Рапунцель — от латинского *garisium* — сурепица, из семян которой добывают масло.

поглядев,— и красть у меня, как вор, мой зелёный рапунцель? Тебе плохо за это придётся.

— Ах,— ответил он,— вы уж меня простите, ведь я решился на это по нужде: моя жена увидала из окошка ваш зелёный рапунцель и почувствовала к нему такую страсть, что, пожалуй, умерла бы, если бы его не отведала.

Гнев у колдуньи немного прошёл, и она сказала ему:

— Если это правда, что ты говоришь, то я позволю тебе набрать рапунцеля столько, сколько ты пожелаешь, но при одном условии: ты должен будешь отдать мне ребёнка, который родится у твоей жены. Ему будет у меня хорошо, я буду о нём заботиться, как мать родная.

И он со страху согласился на всё. Когда жене пришло время рожать и она родила дочку, явилась тотчас колдунья, назвала дитя Рапунцель и забрала его с собой.

Стала Рапунцель самой красивой девочкой на свете. Когда ей исполнилось двенадцать лет, колдунья заперла её в башню, что находилась в лесу; в той башне не было ни дверей, ни лестницы, только на самом её верху было маленькое оконце. Когда колдунье хотелось забраться на башню, она становилась внизу и кричала:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косы вниз.

А были у Рапунцель длинные прекрасные волосы, тонкие, словно из пряжи золотой. Услышит она голос колдуньи, распустит свои косы, подвяжет их вверху к оконному крючку, и упадут волосы на целых двадцать аршин вниз,— и взбирается тогда колдунья, уцепившись за них, наверх.

Прошло несколько лет, и случилось королевскому сыну проезжать на коне через лес, где стояла башня. Вдруг он услышал пение, а было оно такое приятное, что он остановился и стал прислушиваться. Это пела Рапунцель своим чудесным голосом песню, коротая в одиночестве время. Захотелось королевичу взобраться наверх, и он стал искать вход в башню, но найти его было невозможно. Он поехал домой, но пение так запало ему в душу, что он каждый день выезжал в лес и слушал его.

Вот стоял он раз за деревом и увидел, как явилась колдунья, и услышал, как она закричала:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косы вниз!

Спустила Рапунцель свои косы вниз, и взобралась колдунья к ней наверх.

«Если это и есть та лесенка, по которой взбираются наверх, то и мне хотелось бы однажды попытать счастья»,— и на другой день, когда начало уже смеркаться, подъехал королевич к башне и крикнул:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

И упали тотчас волосы вниз, и королевич взобрался наверх.

Рапунцель, увидя, что к ней вошёл человек, какого она никогда не видела, сначала сильно испугалась. Но королевич ласково с ней заговорил и рассказал, что сердце его было так тронато её пением и не было ему нигде покоя, и вот он решил её непременно увидеть.

Тогда Рапунцель перестала бояться, и когда он спросил у неё, согласна ли она выйти за него замуж,— а был он молодой и красивый,— она подумала: «Он будет любить меня больше, чем старуха фрау Готель»,— и дала своё согласие и протянула ему руку. Она сказала:

— Я охотно пойду вместе с тобой, но не знаю, как мне спуститься вниз. Когда ты будешь ко мне приходить, бери всякий раз с собой кусок шёлка; я буду плести из него лесенку, и когда она будет готова, я спущусь вниз, и ты увезёшь меня на своём коне.

Они условились, что он будет приходить к ней по вечерам, так как днём приходила старуха. Колдунья ничего не замечала до тех пор, пока однажды Рапунцель не заговорила с ней и не сказала:

— Скажи мне, фрау Готель, почему мне тебя тащить наверх тяжелее, чем молодого королевича? Он подымается ко мне в один миг.

— Ах ты, мерзкая девчонка!— крикнула колдунья.— Что я слышу? Я считала, что скрыла тебя ото всех, а ты меня всё-таки обманула!— И она вцепилась в ярости в прекрасные волосы Рапунцель, обмотала их несколько раз вокруг левой руки, а правой схватила ножницы и — чик-чик!— отрезала их, и чудесные косы лежали на земле.

И была колдунья такою безжалостной, что завела бедную Рапунцель в глухую чащу; и пришлось ей там жить в большой нищете и горе.

И в тот же самый день, как она прогнала Рапунцель, она привязала вечером отрезанные косы к оконному крючку и, когда явился королевич и крикнул:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

то спустила колдунья волосы вниз.

И взобрался королевич наверх, но не нашёл там своей любимой Рапунцель, а увидел колдунью. Она глянула на него своим злобным, язвительным взглядом.

— Ага!— крикнула она насмешливо.— Ты хочешь увести свою возлюбленную, но красавицы-птички нет больше в гнезде, и она уже не поёт. Её унесла кошка, а тебе она выцарапает к тому же глаза. Ты потерял Рапунцель навек, не видать её тебе больше никогда!

Королевич был вне себя от горя и в отчаянии выпрыгнул из башни; ему удалось сохранить жизнь, но колючие шипы кустарника, на которые он упал, выкололи ему глаза. И он бродил слепой по лесу, питаясь лишь одними кореньями да ягодами, и всё время горевал и плакал по потерянной им любимой жене.

Так блуждал он несколько лет в горе и печали и зашёл, наконец, в густую чащу, где жила, бедствуя, Рапунцель вместе со своими детьми-близнецами, которых она родила, с мальчиком и девочкою.

Вдруг услышал королевич чей-то голос; он показался ему таким знакомым, и он пошёл навстречу ему; и когда подошёл он ближе, то Рапунцель его узнала, бросилась к нему на шею и горько заплакала. Но упали две слезинки к нему на глаза, и он снова прозрел и стал видеть, как прежде. И он привёл её в своё королевство, где встретили его с радостью, и они жили долгие-долгие годы в счастье и довольстве.

Три маленьких лесовика

ЖИЛ-БЫЛ один человек, и умерла у него жена. И жила женщина, и умер у неё муж; была у человека дочь, и у женщины тоже была дочь. Девушки были между собой знакомы и ходили вместе гулять, и заходили не раз к этой женщине в дом. Вот женщина раз и говорит дочери того человека:

— Послушай, скажи-ка своему отцу, что я хочу выйти за него замуж, и уж будешь ты у меня каждый день в молоке купаться да вино попивать, а дочь моя пусть в воде купается и пьёт одну только воду.

Девушка воротилась домой и рассказала отцу-то, что ей велела передать женщина. Говорит отец:

— Как же мне быть? Женишься раз, а плачешься век,— оно ведь и радость и горе.

И вот, не зная, как ему поступить, снял он с ноги сапог и говорит:

— Возьми-ка этот сапог — в нём подошва дырявая, отнеси его на чердак, и повесь на большой гвоздь, и налей в сапог воды. Коль вода из него не просочится, то придётся мне во второй раз жениться, а просочится — так не стану жениться.

Девушка сделала, как было ей велено; но от воды дыра в сапоге затянулась, и сапог оказался доверху полон воды. Рассказала она о том своему отцу. Вот полез он на чердак и увидел, что дочь говорит правду; пошёл к вдове и женился на ней,— тут они и свадьбу сыграли.

На другое утро встали обе девушки, видят — стоит перед отцовой дочкою молоко для мытья и вино для питья, а перед дочкой жены — вода для мытья да вода для питья. На второе утро видят — стоит вода для мытья и вода для питья и перед отцовой дочкой, и перед дочерью жены. А на третье утро — глядь, стоит вода для мытья да вода для питья перед отцовой дочкой, а молоко для мытья да вино для питья — перед дочерью жены; так пошло оно и дальше.

Мачеха невзлюбила падчерицу и не знала, что бы такое и придумать, чтоб было ей день ото дня и того хуже. А была она к тому же завистлива:

ведь падчерица была мила и красива, а родная её дочь уродлива и противна.

Однажды зимой, когда наступили лютые морозы и всё кругом замёрзло, горы и долины засыпало снегом, сшила мачеха платье из бумаги, подозвала девушку и говорит:

— Надень это платье, ступай в лес да принеси мне полное лукошко земляники: мне хочется ягод поесть.

— Господи, да ведь зимой земляника не растёт,— молвила девушка,— земля-то ведь вся промёрзла и снегом покрыта. И как пойду я в бумажном платье? На дворе ведь так холодно, что дух захватывает, ветер продует меня насквозь, а колючий терновник разорвёт мне платье.

— Ты что это? Перечить мне вздумала?— сказала мачеха.— Ступай живей и не смей мне и на глаза показываться, пока не наберёшь полное лукошко земляники.

Она дала ей кусок чёрствого хлеба и сказала:

— Этого тебе хватит на целый день,— а сама подумала: «На дворе ты замёрзнешь и с голоду пропадёшь, и никогда назад не вернёшься».

Девушка послушалась, надела бумажное платье и вышла из дому с лукошком. А кругом одни лишь снега да снежные просторы и дали, и ни одного зелёного стебелька не видать.

Пришла она в лес, видит — стоит маленькая избушка, и выглядывают из неё три маленьких лесовика. Поздоровалась она с ними и робко в дверь постучалась. Они крикнули: «Входи!» — и она вошла в комнату и села на скамейку у печки,— ей хотелось согреться и съесть свой кусок хлеба. А маленькие человечки и говорят:

— Дай и нам кусочек.

— Хорошо,— ответила она и разломилась свой кусок хлеба надвое и отдала им половину. А они потом спрашивают:

— Отчего ты в таком тоненьком платье зимою в лесу?

— Ах,— ответила девушка,— я должна набрать полное лукошко земляники, а без этого мне домой вернуться никак нельзя.

Когда она съела свой кусок хлеба, они дали ей метлу и сказали:

— Теперь подмети снег у чёрной двери избушки.

Она вышла, а маленькие человечки стали между собой говорить: «Что бы это нам ей такое подарить, ведь она прилежная и ласковая, и хлебом своим с нами поделилась».

И сказал первый из них:

— Я одарю её тем, что будет она день ото дня становиться всё краше.

Второй сказал:

— А я одарю её тем, что будут у ней изо рта, только скажет она слово, падать червонцы.

Сказал третий:

— А я одарю её тем, что явится король и женится на ней.

Исполнила девушка то, что сказали ей маленькие человечки, промела метлой снег у избушки,— и, как вы думаете, что же она нашла? Спелую землянику! Она пробила тёмноокрасной ягодкой из-под снега. И набрала

девушка на радостях полное лукошко; поблагодарила маленьких лесовиков, попрощалась с каждым из них за руку и побежала домой, желая принести мачехе то, что та ей велела.

Она воротилась домой и только сказала «добрый вечер», как тотчас выпал у неё изо рта червонец. Потом она рассказала, что случилось с нею в лесу, и при каждом её слове падали у неё изо рта червонцы, так что вскоре вся комната была завалена ими.

— Поглядите-ка на это чванство!— закричала её сводная сестра,— так деньгами и швыряется.— Но втайне она её позавидовала, и захотелось ей тоже пойти в лес за земляникой.

Мать стала её отговаривать:

— Нет, милая доченька, на дворе слишком холодно, ты можешь замёрзнуть.— Но та всё её упрашивала, и мать, наконец, согласилась, пошла ей роскошную меховую шубку и дала ей на дорогу хлеб с маслом и пирожки.

Девушка отправилась в лес и пошла прямо к той маленькой избушке. Три маленьких человечка, как и в тот раз, выглянули из окошка, но она с ними не поздоровалась и, не глядя на них и не сказав им ни слова, ввалилась в комнату, уселась у печки и начала жевать свой хлеб с маслом и пирожки.

— Дай и нам немножко,— воскликнули маленькие человечки.

Но она им ответила:

— Мне и самой-то нехватит, чего ради буду я ещё с другими делиться?

Когда девушка поела, они сказали:

— Вот тебе метла, вымети чисто перед чёрной дверью.

— Э, да метите вы сами!— ответила она.— Я вам не служанка.— А когда она поняла, что они дарить ей ничего не собираются, она ушла от них.

И стали говорить между собой маленькие лесовики: «Что бы это ей такое подарить за то, что она такая недобрая, и с таким злым, завистливым сердцем, и не хочет делать никому добра?»

Первый сказал:

— Я одарю её тем, что будет она с каждым днём всё уродливей.

Второй сказал:

— Я одарю её тем, что при каждом слове, что вымолвит она, будет у неё изо рта выскакивать жаба.

А третий сказал:

— А я награжу её тем, что она умрёт лютою смертью.

Стала девушка искать землянику, но не нашла ни одной ягодки и воротилась с досады домой. Только она открыла рот, чтобы рассказать матери, что случилось с нею в лесу, как стало выскакивать у неё изо рта при каждом слове по жабе, и все почувствовали к ней отвращение.

Мачеха стала ещё пуще прежнего злиться на свою падчерицу и при-

думывать, как бы ей досадить, а падчерица становилась с каждым днём всё красивей и красивей.

Наконец достала мачеха котёл, поставила его на огонь и стала кипятить в нём пряжу. Когда та проварилась, взвалила она пряжу на плечи бедной девушке, дала ей в руки топор и велела идти на речку вырубить в ней прорубь и хорошенько помыть пряжу.

Девушка послушалась, пошла и вырубилась во льду прорубь. Но когда она колола лёд, подъехала пышная карета, и сидел в ней король. Карета остановилась; и король спросил:

— Дитя моё, ты кто такая и что ты тут делаешь?

— Я бедная девушка, мою пряжу.

Король её пожалел и, увидев, что она такая красивая, сказал:

— Хочешь, поедem вместе со мной?

— Ах, с большою охотой!— ответила она, обрадовавшись, что ей не придётся идти назад к мачехе и сестре.

И она села в карету и поехала вместе с королём. Прибыли они в замок и отпраздновали там пышную свадьбу, и было это ей в награду от маленьких лесных человечков.

Спустя год родила молодая королева сына; и когда мачеха услышала о таком великом счастье, то пришла со своей дочерью в замок, будто желая её проведать. Но как раз на ту пору король куда-то отлучился и при ней не было никого; тогда схватила злая женщина королеву за голову, а дочка взяла её за ноги, они подняли её с постели и бросили через окошко в реку, протекавшую около самого замка. Потом мачеха положила в постель свою уродливую дочь и укрыла её с головой одеялом.

Воротился король, и захотелось ему поговорить с женой, но старуха закричала:

— Тише, тише, сейчас нельзя, она лежит в сильной испарине, нынче её надо оставить в покое.

Король, не подозревая ничего дурного, пришёл только на другое утро, и когда он заговорил с женой, то при каждом слове выскакивала у неё изо рта жаба, а прежде, бывало, падал червонец. Тогда король спросил, что это значит, и старуха объяснила, что это у неё, дескать, от сильной испарины и что это скоро пройдёт.

А в ночи увидал поварёнок, как приплыла по водосточной канаве какая-то утка и спросила:

Король, как ты поживаешь?
Бодрствуешь иль поживаешь?

Но когда он ей ничего не ответил, утка спросила:

А как мои гости, сидят?

Ответил ей поварёнок:

Нет, они крепко спят.

Стала она тогда спрашивать:

А как родимый сыночек?

И ответил поварёнок:

Он спит себе в люльке всю ночь.

И обернулась тогда утка королевой и вошла в замок, покормила ребёнка, покачала его в колыбельке, укрыла его и опять уплыла по канаве. Так являлась она подряд две ночи, а на третью сказала поварёнку:

— Ступай и скажи королю, чтоб он взял свой меч и трижды взмахнул им надо мной на пороге.

Побежал поварёнок и рассказал о том королю. Явился король и трижды взмахнул мечом над привидением; и только взмахнул в третий раз, вдруг видит — стоит перед ним его жена, жива, здорова и невредима, как была прежде.

И был король в великой радости, но продержал королеву в потайной комнате до воскресенья, когда должны были крестить ребёнка. А когда его окрестили, король спросил у старухи:

— Как должно поступить с человеком, который стаскивает кого-нибудь с постели и бросает его в воду?

— Никак иначе, — ответила старуха, — как посадить такого злодея в бочку, утыканную гвоздями, и скатить её с горы в реку.

И король сказал:

— Ты сама себе вынесла приговор.

И он велел принести бочку, утыканную гвоздями, и посадить в неё старуху с дочкой. Забили бочку наглухо и спустили с горы, и покатила она прямо в реку.

Три пряхи

ЖИЛА-БЫЛА девушка, ленивица да прясть не охотница; и что ей мать ни говорила, а заставить её работать никак не могла.

Вот, наконец, у матери терпенья не стало, разгневалась она и побила свою дочь, а та и разревелась во-всю. А как раз в это время проезжала мимо королева; услышала она плач, велела остановить карету, вошла в дом и спрашивает у матери, за что та бьёт свою дочь так, что слышен крик даже на улице.

Стыдно было женщине рассказывать, что дочка у ней такая ленивая, и она сказала:

— Да вот никак не могу оторвать её от прялки, у неё всё охота прясть да прясть, а мне-то, по бедности, откуда достать столько льна?

И сказала королева:

— Нет для меня ничего приятней, как слышать, когда прядут, и нет

ничего мне милее, когда жужжат веретёна. Отдайте мне дочь свою в замок, льна у меня достаточно, и пусть себе прядёт, сколько ей вздумается.

Мать была этому рада, и королева забрала девушку с собой. Вот прибыли они в замок, повела королева её наверх и показала три светёлки, а набиты они были сверху донизу самым отборным льном.

— Вот этот лён ты мне и перепряди, — сказала она. — Коль упрaviшься с этой работой, я выдам тебя замуж за старшего своего сына. Я не посмотрю на то, что ты девушка бедная, твоё усердие будет вместо приданого.

Испугалась девушка: ведь она не могла перепрядь столько льна, даже если бы сидела над пряжей каждый день с утра и до вечера целых триста лет.

Осталась она одна и стала плакать, и просидела так, сложа руки, целых три дня. А на третий день пришла королева и, увидев, что девушка ничего не напярала, удивилась, но та ей объяснила, что не могла начать работать, тоскуя по материнскому дому. Королева этим объяснением удовлетворилась, но, уходя, сказала:

— Ну, завтра, смотри, за работу принимайся!

И девушка осталась опять одна, и, не зная, что ей начать, что и придумать, подошла в горе к окошку. Она увидела, что идут три женщины: и была у одной из них ступня широкая, а у другой такая толстая нижняя губа, что прямо вся к подбородку свисала, а у третьей был широкий большой палец.

Остановились они у окошка, посмотрели наверх и спросили девушку, чего ей нехватает. Она стала жаловаться на своё горе; и вот предложили они ей помочь и сказали:

— Если ты пригласишь нас на свадьбу и нас стыдиться не будешь, а станешь называть нас своими тётушками и к себе за стол посадишь, то мы весь лён тебе перепрядём, и сделаем это быстро.

— Я буду очень рада, — ответила она, — входите и принимайтесь скорей за работу.

Она впустила трёх диковинных женщин и освободила для них место в первой светёлке. Они сели и начали прядь. Одна тянула нитку и вертела колесо, другая её смачивала, а третья сучила и пальцем о стол постукивала, — и падал ворох пряжи наземь, и была пряжа самой тонкой работы. Девушка скрывала от королевы этих трёх прях, и когда та приходила, показывала ей целый ворох готовой пряжи, и похвалам королевы не было конца. Когда в первой комнате льна уже нехватило, они перешли во вторую, наконец, — в третью, а вскоре и в этой льна больше нехватило.

Потом три женщины попрощались и напомнили девушке:

— Смотри же, не забудь, что нам обещала; и будет тебе счастье!

Девушка показала королеве пустые комнаты и большую грудку пряжи, и та стала готовить ей свадьбу; и радовался жених, что женится на такой искусной и прилежной девушке, и всячески её расхваливал.

— Есть у меня три тётки, — сказала девушка, — они мне сделали

много добра, и я не хотела бы позабыть о них в своём счастье, — так вот, дозвоьте мне пригласить их на свадьбу и посадить рядом с собою за стол.

Королева и жених отвечали:

— Ну, конечно, мы разрешаем!

И вот, когда начался свадебный пир, вошли во дворец три женщины в странном одеянии, а невеста им и говорит:

— Добро пожаловать, милые тётушки!

— Ах, — говорит жених, — как ты можешь дружить с такими противными бабами? — И он подошёл к той, у которой была широкая ступня, и спрашивает:

— Отчего это у тебя такая широкая ступня?

— От работы на прялке, — ответила она, — от работы на прялке.

Потом подходит жених ко второй и спрашивает:

— Отчего это у тебя губа такая отвисшая?

— Оттого, что лён смачивала, — ответила она, — оттого, что лён смачивала!

Спросил он третью:

— Отчего у тебя палец такой широкий?

— Оттого, что нитки сучила, — ответила она, — оттого, что нитки сучила!

Тогда королевич испугался и говорит:

— С этой поры никогда моя милая невеста не должна к прялке и близко подходить

Так избавилась она от ненавистой ей пряжи.

Соломинка, уголёк и боб

ЖИЛА-БЫЛА в деревне бедная старуха. Собрала она раз миску бобов и хотела было их сварить. Она затопила печь и, чтоб огонь скорей разгорелся, подбросила пучок солом. Стала пересыпать бобы в горшок, и вдруг один из них невзначай выскользнул и улёгся на полу рядом с соломинкой, а вскоре выскочил к ним из печи и горящий уголёк. Вот соломинка и говорит:

— Откуда вы к нам, милые друзья?

Уголёк отвечает:

— Да вот посчастливилось мне из огня выскочить, а не то бы верная гибель была мне — я сгорел бы и обратился в пепел.

А боб ему говорит:

— Я тоже ловко спас свою шкуру, а то положила бы меня старуха в горшок и сварила бы из меня, как из моих товарищей, без всякого сожаления, похлёбку.

— А мне-то разве лучше пришлось бы? — сказала соломинка. — Всех моих сестриц старуха в огонь и в дым обратила; вон — шестьдесят сразу схватила да и погубила. Я ещё счастливо выскользнула у неё из рук.

— Что ж нам теперь делать? — спрашивает уголёк.

— Я думаю, — ответил боб, — раз мы так счастливо спаслись от смерти, так давайте жить, как добрые друзья-товарищи, вместе; а чтоб с нами не приключилось опять какой беды, давайте уйдём отсюда и поселимся в иной, чуждедальней стране.

Это всем понравилось, и они отправились вместе в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли, подошли они, наконец, к маленькому ручейку, и не было там ни мостика, ни жердинки, и они не знали, как им перебраться на другую сторону. Но соломинка скоро нашла выход и говорит:

— Знаете что, лягу-ка я поперёк ручья, а вы переправитесь по мне, как по мостику.

Так она и сделала — протянулась с берега на берег. А уголёк, тот был нрава пылкого и смело затопал по вновь построенному мосту.

Он дошёл уже до середины, вдруг слышит под собой шум воды, — тут испугался он, остановился на месте и не решился идти дальше. А соломинка вдруг загорелась, переломилась на двое и упала в ручей. Уголёк упал за ней следом и, как попал в воду, зашипел и умер.

А боб, тот был поосторожней: он остался на берегу и, увидев, что случилось, засмеялся и никак не мог остановиться, и смеялся так сильно, что в конце концов лопнул.

Тут бы ему и конец настал, но, к счастью, подвернулся странствующий портной, отдохавший у ручья. Сердце было у него жалостливое, он достал иглу и нитки и сшил лопнувший боб. Поблагодарил его боб от всей души, но только нитки-то у портного были чёрные.

Вот с той поры у всех бобов и виден посредине чёрный шов.

Госпожа Метелица

БЫЛО у одной вдовы две дочери — родная и неродная; неродная была красивая и работающая, а родная — уродливая и ленивая. Но мать больше любила уродливую и ленивую, а той приходилось исполнять всякую работу и быть в доме золушкой.

Бедная девушка должна была каждый день сидеть на улице у колодца и прясть пряжу, да так много, что от работы у неё кровь выступала на пальцах.

И вот случилось однажды, что всё веретено залилось кровью. Тогда девушка нагнулась к колодцу, чтобы его обмыть, но веретено выскочило

у неё из рук и упало в воду. Она заплакала, побежала к мачехе и рассказала ей про своё горе.

Стала мачеха её сильно бранить и была такою жестокой, что сказала:

— Раз ты веретено уронила, то сумей его и назад достать.

Вернулась девушка к колодцу и не знала, что ей теперь и делать; и вот прыгнула она с перепугу в колодец, чтоб достать веретено. И стало ей дурно, но когда она опять очнулась, то увидела, что находится на прекрасном лугу, и светит над ним солнце, и растут на нём тысячи разных цветов. Она пошла по лугу дальше и пришла к печи, и было в ней полным-полно хлеба, и хлеб кричал:

— Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю, — я давно уж испёкся!

Тогда она подошла и вытащила лопатой все хлебы один за другим.

Пошла она дальше и пришла к дереву, и было на нём полным-полно яблок, и сказало ей дерево:

— Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж спели!

Она начала трясти дерево, и посыпались, словно дождь, яблоки на-земь, и она трясла яблоню до тех пор, пока не осталось на ней ни одного яблока. Сложила она яблоки в кучу и пошла дальше.

Пришла она к избушке и увидела в окошке старуху, и были у той такие большие зубы, что стало ей страшно, и она хотела было убежать. Но старуха крикнула ей вслед:

— Милое дитячко, ты чего боишься! Оставайся у меня. Если ты будешь хорошо исполнять у меня в доме всякую работу, тебе будет хоро-

шо. Только смотри, стели как следует мне постель и старательно взбивай перину, чтобы перья взлетали, и будет тогда во всём свете итти снег;* я — госпожа Метелица.

Так как старуха обошлась с нею ласково, то на сердце у девушки стало легче, и она согласилась остаться и поступить к госпоже Метелице в работницы. Она старалась во всём угождать старухе и всякий раз так сильно взбивала ей перину, что перья взлетали кругом, словно снежинки; и потому девушке жилось у неё хорошо, и она никогда не слыхала от неё дурного слова, а варёного и жареного каждый день было у ней в досталь.

Так прожила она некоторое время у госпожи Метелицы, да вдруг запечалилась и поначалу сама не знала, чего ей нехватает; но, наконец, она поняла, что тоскует по родному дому, и хотя ей было здесь в тысячу раз лучше, чем там, всё же она стремилась домой. Наконец она сказала старухе:

— Я истосковалась по родимому дому, и хотя мне так хорошо здесь под землёй, но дольше оставаться я не могу, мне хочется вернуться наверх — к своим.

Госпожа Метелица сказала:

— Мне нравится, что тебя тянет домой, и так как ты мне хорошо и прилежно служила, то я сама провожу тебя туда. — Она взяла её за руку и привела к большим воротам.

Открылись ворота, и когда девушка оказалась под ними, вдруг пошёл сильный золотой дождь, и всё золото осталось на ней, так что вся она была сплошь покрыта золотом.

— Это тебе за то, что ты так прилежно работала, — сказала госпожа Метелица и вернула ей также и веретено, упавшее в колодец. Вот закрылись за ней ворота, и очутилась девушка опять наверху, на земле, и совсем недалеко от дома своей мачехи. И только она вошла во двор, запел петух, он как раз сидел на колодце;

Ку-ка-ре-ку!
Наша девица золотая тут как тут.

* Вот потому, когда идёт в Гессене снег, и говорят, что это госпожа Метелица (фрау Холле) взбивает свою перину. (Примеч. братьев Я. и В. Гримм.)

И она вошла прямо в дом к мачехе; и оттого, что была она вся золотом покрыта, её приняли и мачеха и сводная сестра ласково.

Рассказала девушка всё, что с ней приключилось. Как услышала мачеха о том, как достигла она такого большого богатства, захотелось ей добыть такого же счастья и для своей уродливой, ленивой дочери.

И она посадила её у колодца прясть пряжу; а чтоб веретено было у ней тоже в крови, девушка уколола себе палец, сунув руку в густой терновник, а потом кинула веретено в колодец, а сама прыгнула вслед за ним.

Она попала, как и её сестра, на прекрасный луг и пошла той же тропинкой дальше. Подошла она к печи, а хлеб опять как закричит:

— Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю, — я давно уж испёкся!

Но ленивица на это ответила:

— Да что мне за охота пачкаться! — и пошла дальше.

Подошла она вскоре к яблоне; и заговорила яблоня:

— Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж спели!

Но ответила она яблоне:

— Ещё чего захотела, ведь яблоко может упасть мне на голову! — и двинулась дальше.

Когда она подошла к дому госпожи Метелицы, не было у ней никакого страха, — она ведь уже слыхала про её большие зубы, — и тотчас нанялась к ней в работницы. В первый день она старалась, была в работе прилежная и слушалась госпожу Метелицу, когда та ей что поручала, — она всё думала о золоте, которое та ей подарит. Но на второй день стала она полениваться, на третий и того больше, а потом и вовсе не захотела вставать рано утром. Она не стлала госпоже Метелице постель как следует и не взбивала ей перины так, чтобы перья взлетали вверх. Это, наконец, госпоже Метелице надоело, и она отказала ей в работе. Ленивица очень этому обрадовалась, думая, что теперь-то и посыплется на неё золотой дождь.

Госпожа Метелица повела её тоже к воротам, но когда она стояла под ними, то вместо золота опрокинулся на неё полный котёл смолы.

— Это тебе в награду за твою работу, — сказала госпожа Метелица и закрыла за ней ворота.

Вернулась ленивица домой вся в смоле; и как увидел её петух, сидевший на колодце, так и запел:

Ку-ка-ре-ку!

Наша девушка грязнуха тут как тут.

А смола на ней так на всю жизнь и осталась, и не смыть её было до самой смерти.

Семь воронов

БЫЛО у одного человека семеро сыновей и ни одной дочки, а ему очень хотелось её иметь. Вот, наконец, жена подала ему добрую надежду, что будет у них дитя; и родилась у них девочка. Радость была большая; но дитя оказалось хилое да маленькое, так что пришлось его крестить раньше срока.

Послал отец одного из мальчиков к роднику принести поскорее воды для крещения; шестеро остальных побежало вслед за ним — каждому из них хотелось первому набрать воды, — вот и упал кувшин в колодец. И они стояли и не знали, что им теперь делать, и никто не решался вернуться домой. Отец ждал их, ждал, а они всё не возвращались, потерял он, наконец, терпенье и говорит:

— Пожалуй, гадкие мальчишки опять заигрались, а про дело забыли. — И он стал опасаться, что девочка помрёт некрещённой, и с досады крикнул:

— А чтоб вас всех в воронов обратило!

Только вымолвил он это слово, вдруг слышит над головой шум крыльев. Глянул он вверх, видит — кружат над ним семеро чёрных как смоль воронов.

И не могли отец с матерью снять своего заклятья, и как они ни горевали об утрате своих семерых сыновей, но всё же мало-помалу утешились, глядя на свою любимую дочку. Она вскоре подросла, окрепла и с каждым днём становилась всё красивей и красивей.

Долгое время она не знала, что были у неё братья, — отец и мать избегали говорить ей об этом. Но вот однажды она случайно от людей услышала, как те говорили, что девочка-де и вправду хороша, да виновата в несчастьи своих семерых братьев.

Услыхав об этом, она сильно запечалилась, подошла к отцу-матери и стала у них спрашивать, были ли у неё братья и куда они пропали. И вот — правды не скроешь — им пришлось ей объяснить, что это случилось по воле свыше, и рождение её было лишь нечаянной тому причиной. Стала девочка каждый день себя попрекать и крепко призадумалась, как бы ей вызволить своих братьев.

И не было ей покоя до той поры, пока не собралась она тайком в дальнюю путь-дорогу, чтоб отыскать своих братьев и освободить их во что бы то ни стало. Взяла она с собой в дорогу на память об отце-мате-

ри одно лишь колечко, хлебец — на случай, если проголодается, и скамеечку, чтобы можно было отдохнуть, если устанет.

И пошла она далеко-далеко, на самый край света. Вот подошла она к солнцу, но было оно такое жаркое, такое страшное, и оно пожирало маленьких детей. Бросилась она поскорей от солнца к месяцу, но был он такой холодный, мрачный и злой, и как увидел он девочку, сказал ей:

— Чую, чую мясо человеческое.

Она убежала от него и пришла к звёздам. Они были ласковые и добрые, и сидела каждая из звёзд на особой скамеечке. Поднялась утренняя звезда, дала ей костылёк и сказала:

— Если не будет с тобой этого костылька — не разомкнуть тебе Стекло́нной горы, где заточены твои братья.

Взяла девочка костылёк, завернула его хорошенько в платочек и пошла. Шла она долго-долго, пока не подошла к Стекло́нной горе. Ворота были закрыты; хотела она достать костылёк, развернула платок, глядь — а он пустой, потеряла она подарок добрых звёзд.

Что тут делать? Ей так хотелось спасти своих братьев, а ключа от Стекло́нной горы не оказалось. Взяла тогда добрая сестрица нож, отрезала себе мизинец, сунула его в ворота и легко их открыла. Входит она, а навстречу ей карлик, и говорит ей:

— Девочка, ты что здесь ищешь?

— Ищу я своих братьев, семерых воронов.

А карлик ей говорит:

— Воронов нету дома. Если хочешь их подождать, пока они вернутся, то входи.

Потом карлик принёс воронам пищу на семи тарелочках; отведала сестрица из каждой тарелочки по крошке и выпила из каждого кубочка по глоточку, и в последний кубочек опустила колечко, взятое с собой в дорогу.

Вдруг слышит в воздухе шум крыльев и свист. И говорит ей карлик:
— Это летят домой вороны.

Вот прилетели они, есть-пить захотели, стали искать свои тарелочки и кубочки. А ворон за вороном и говорит:

— Кто это ел из моей тарелочки? Кто пил из моего кубочка? Никак человечесьи уста?

Допил седьмой ворон до дна свой кубок, тут и выкатилось колечко. Посмотрел он на него и узнал, что то колечко отца-матери, и говорит:

— Дай боже, чтобы наша сестрица тут оказалась, тогда мы будем расколдованы.

А девочка стояла тут же за дверью; она услышала их желанье и вошла к ним, — и вот обернулись вороны опять в людей. И целовались они, миловались и весело вместе домой воротились.

Умная Эльза

ЖИЛ-БЫЛ человек, и была у него дочь, звали её Умной Эльзой. Вот выросла она, а отец и говорит:

— Пора бы отдать её замуж.

— Да, — сказала мать, — если только найдётся такой человек, что захочет её взять.

И вот пришёл, наконец, из дальних мест человек, звали его Ганс; стал он к ней свататься, но поставил условие, чтобы Умная Эльза была к тому же и весьма рассудительной.

— О, — сказал отец, — смекалка у неё в голове имеется.

А мать добавила:

— Ах, да уж что и говорить-то: она всё понимает, видит даже, как ветер по улице гуляет, и слышит, как мухи кашляют.

— Ну, — сказал Ганс, — а если она окажется не очень смыслённой; то я на ней не женюсь.

Вот сидят они за столом, обедают, а мать и говорит:

— Эльза, сходи-ка в погреб да принеси нам пива.

Взяла Умная Эльза с полки кувшин и спустилась в погреб, весело постукивая крышкой, чтобы время шло побыстрее. Пришла она в погреб, поставила перед пивной бочкой скамейку, чтобы не надо было нагибаться, и спина чтоб не заболела, и чтоб не слишком устать. Поставила она перед собой кувшин, отвернула кран и, чтобы глаза не оставались без дела, пока пиво нальётся, стала она стену разглядывать; вот смотрит она да разглядывает, и заметила вдруг над собой кирку на стене, что забыли там по ошибке каменщики.

И вот начала Умная Эльза плакать и причитать: «Коли выйду я замуж за Ганса, и родится у нас ребёнок, и вырастет он, и пошлём мы его

в погреб пива нацедить, вдруг упадёт ему на голову кирка и убьёт его насмерть». Вот сидит она и плачет, изо всех сил причитает по поводу предстоящего несчастья. А в доме наверху ждут в это время пива, а Умная Эльза всё не возвращается. Хозяйка и говорит работнице:

— Сходи-ка ты в погреб да погляди, что там с Эльзой случилось.

Пошла работница, видит — сидит Эльза перед бочкой и плачет-заливается.

— Эльза, чего ты плачешь? — спрашивает работница.

— Ох, — отвечает она, — да как же мне не плакать? Коли выйду я замуж за Ганса, и родится у нас ребёнок, вырастет он большой, и придётся ему пойти в погреб пива нацедить, то вдруг невзначай может упасть ему на голову кирка и убить его насмерть...

И сказала работница:

— Вот какая у нас Эльза умная!

Подсела она к ней и начала тоже горе оплакивать. А в доме всё пива ждут не дождутся, а работница не возвращается. Тогда отец и говорит работнику:

— Сходи-ка ты в погреб да погляди, что там Эльза с работницей делают.

Спустился работник в погреб, видит — сидит Умная Эльза с работницей, и обе плачут. Спрашивает он у них:

— Чего вы плачете?

— Ох,— отвечает Эльза,— да как же мне не плакать? Коли выйду я замуж за Ганса, и родится у нас ребёнок, вырастет он большой, и придётся ему пойти в погреб пива нацедить, то вдруг упадёт ему на голову кирка и убьёт его насмерть...

Работник и говорит:

— Вон какая у нас Эльза умная!— подсел к ней и тоже заплакал. А в доме ждут работника, а он всё не возвращается. Тогда отец говорит матери:

— Сходи-ка ты сама в погреб да погляди, что там с Эльзой случилось.

Спустилась мать в погреб, видит — все трое плачут. спрашивает она у них, чего это они плачут; и рассказала ей Эльза, что её будущего ребёнка, когда он подрастёт, может убить кирка,— будет он наливать пиво, а кирка вдруг и упадёт ему на голову. И сказала мать:

— Ох, какая же у нас умная Эльза!— и под села к ним и тоже заплакала.

Подождал отец немного, видит — мать тоже не возвращается, а выпить пива всё больше и больше хочется. Вот он и говорит:

— Надо будет мне самому в погреб сходить да посмотреть, что это там с Эльзой случилось.

Спустился он в погреб, видит — сидят все рядышком и горько плачут; узнал он, что причиной тому эльзин ребёнок, которого она, пожалуй, когда-нибудь родит, и что может его убить кирка, если, нацеживая пиво, он будет сидеть как раз под киркой, а в это время она может упасть, и он воскликнул:

— Какая же у нас, однако, умная Эльза!— сел и тоже вместе с ними заплакал.

Долго дожидался жених в доме один, но никто не возвращался, и подумал он: «Пожалуй, они меня внизу ждут, надо будет и мне тоже туда сходить да поглядеть, что они там делают». Спустился он вниз, видит — сидят они все впятером и плачут-рыдают, да так жалобно — один пуще другого.

— Что у вас за беда случилась?— спрашивает он.

— Ах, милый Ганс,— ответила Эльза,— когда мы с тобой поженимся и будет у нас ребёнок, вырастет он большой, то может случиться, что пошлём мы его в погреб пива нацедить, а кирка, что торчит на стене, может, чего доброго, упасть и разбить ему голову и убить его насмерть. Ну, как же нам не плакать об этом.

— Ну,— сказал Ганс,— большего ума для моего хозяйства и не надо. Эльза, ты такая умная, что я на тебе женюсь,— и взял её за руку, повёл наверх и отпраздновал с ней свадьбу.

Пожила она с Гансом немного, а он и говорит:

— Жена, я пойду на заработки. Надо нам деньгами разжиться, а ты ступай на поле жать пшеницу, чтоб был у нас в доме хлеб.

— Хорошо, милый Ганс, я так и сделаю.

Ушёл Ганс, наварила она себе вкусной каши и взяла с собой на поле. Пришла туда и сама себя спрашивает:

— Что мне делать? Жать ли сначала, или сперва поест? Э, пожалуй, поем я сначала.

Она съела целый горшок каши, наелась доотвала и опять спрашивает:

— Что мне делать? Жать ли, или, может, сперва поспать? Пожалуй, посплю я сперва.— Легла она в пшеницу и уснула.

А Ганс в это время давно уже домой воротился, а Эльзы всё нету, и нету. Вот он и говорит:

— Какая у меня умная Эльза, она такая прилежная — и домой не возвращается, и ничего не ест.

А её всё нету и нету. Вот уже и вечер наступил, вышел Ганс в поле поглядеть, сколько она пшеницы нажала; видит, что ничего не сжато и лежит Эльза в пшенице и спит. Побежал Ганс поскорее домой, принёс с собой птицеловную сеть с бубенцами и накинул её на Эльзу; а она всё продолжает спать. Побежал он домой, запер двери, уселся на лавку и принялся за работу.

Наконец совсем уж смерклось, проснулась Умная Эльза, и только она поднялась, а бубенцы на ней и зазвенели, и что ни сделает она шаг, а бубенцы всё звенят и звенят. Испугалась она и призадумалась: а вправду ли она Умная Эльза? И стала сама себя спрашивать: «Я ли это, или не я?» И сама не знала, как ей на это ответить, и стояла она некоторое время в сомненьи; наконец она подумала: «Пойду-ка я домой да спрошу, я ли это, или не я, — они уж, наверное, знают».

Прибежала она домой, а двери заперты. Она постучала в окошко и спрашивает:

— Ганс, дома ли Эльза?

— Да,— ответил Ганс,— она дома.

Она испугалась и говорит:

— Ах, боже мой, значит это не я!— и кинулась к другим дверям. А люди услышали звон бубенцов и не захотели ей отпирать, и нигде не нашлось ей приюта. И убежала она тогда из деревни; и никто её с той поры больше не видел.

Столик-накройся, золотой осёл и дубинка из мешка

ДАВНО тому назад жил на свете портной. Было у него три сына и одна-единственная коза; она их всех молоком кормила, и потому приходилось за ней ухаживать как следует и каждый день гонять её на пастбище.

Сыновья пасли козу каждый по очереди. Погнал её раз старший сын пастись на кладбище, а трава росла там высокая да сочная, — вот коза щипала траву и прыгала. Вечером, когда надо было уже домой возвращаться, он у неё спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

Ответила коза:

Я уж так сыта,
Что не съесть мне больше ни листа.
Ме-ме!

— Ну, так ступай домой, — сказал мальчик. Взял её за верёвочку, привёл в стойло и крепко привязал.

— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.

Но захотелось отцу самому в этом убедиться, и он пошёл в стойло, погладил любимую свою козочку и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

И ответила ему коза:

С чего же быть мне сытой?
Скакала я через могилочку
И съела лишь былиночку.
Ме-ме!

— Что я слышу! — воскликнул портной, выскочил из стойла и говорит сыну:

— Эх ты, лгунишка, что же ты говоришь, что коза наша сыта, а она-то совсем голодная! — и, разгневавшись, он взял со стены свой аршин, побил сына и прогнал его со двора.

На другой день настал черёд пасти козу среднему сыну. Вот нашёл он в саду возле забора местечко, где трава была хорошая, и коза всю её поела. Вечером он собрался домой и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

А коза отвечает:

Я уж так сыта,
Что не съесть мне больше ни листа.
Ме-ме!

— Тогда ступай домой, — сказал мальчик, повёл её и крепко привязал к стойлу.

— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.

Но портной решил сам в этом убедиться. Он пошёл в стойло и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

И ответила коза:

Да как же мне быть сытою?
Скакала я через могилочку
Да съела лишь былиночку.
Ме-ме!

— Ах ты, этакий злодей!— крикнул портной.— Такую смирную козу да ещё заставлять голодать!— И он выбежал из стойла, схватил аршин, отчесал им сына и прогнал его со двора.

Пришёл черёд младшему сыну козу пасти, и порешил он дело поставить лучше: нашёл заросль с густою листвою и стал пасти там козу. Вечером, когда подошло время домой возвращаться, спрашивает он козу:

— Сыта ли ты нынче, коза моя?

И ответила коза:

Я уж так сыта,
Что не съесть мне больше ни листа.
Ме-ме!

— Ну, так ступай домой,— сказал мальчик, повёл её в стойло и крепко-накрепко привязал.

— Ну,— спросил старик-портной,— наелась ли коза наша досыта?

— О,— ответил сын,— она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.— Но портной тому не поверил, пошёл в стойло и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза наша, нынче?

И ответила злая коза:

С чего же быть мне сытою?
Скакала я через могилочку
Да съела лишь былиночку.
Ме-ме!

— Ах ты, лживая тварь!— воскликнул портной.— Все вы тут лентяи да негодяи! Ну, теперь уж в дураках меня не оставите! — и, разгневанный, он выскочил из стойла да так отчесал по спине бедного мальчика, что тот еле из дому выскочил.

И остался старик-портной один со своею козой. На другое утро зашёл он в стойло, начал ласкать и гладить козу и говорит:

— Иди, моя милая козочка, я уж сам тебя поведу на пастбище.— Взял он её за верёвку и завёл в зелёные кусты, где росла трава-деревей и другие растения, которые так любят щипать козы.

— Тут уж ты хоть раз, а вдосталь наешься,— сказал он и оставил её пастись до самого вечера. А потом спрашивает её:

— Сыта ли ты, коза моя?

И она ответила:

Я уж так сыта,
Что не съесть мне больше ни листа.
Ме-ме!

— Ну, так ступай тогда домой,— сказал портной, отвёл её в стойло и привязал крепко-накрепко. Он ушёл, а потом вернулся опять и спрашивает:

— Ну, что, а теперь-то ты сыта?

Но коза ответила то же, что и сыновьям:

С чего же быть мне сытою?
Скакала я через могилочку
Да съела лишь былиночку.
Ме-ме!

Услыхал это портной да так и остолбенел; он понял, что понапрасну выгнал своих трёх сыновей из дому.

— погоди уж,— закричал он,— неблагодарная ты тварь! Тебя мало со двора прогнать, я тебе ещё такую отметину сделаю, что ты честным портным и на глаза не покажешься!

Выскочил он из хлева, принёс свою бритву, нагнул козе голову и выбрил её наголо. Потом взял плётку и так отчесал козу, что пустилась она бежать от него со всех ног.

И остался портной один-одинёшенек в своём доме. Стало ему очень грустно и захотелось теперь вернуть своих сыновей, да никто не знал, куда они девались.

Старший из них поступил в обучение к одному столяру и учился у него прилежно и старательно, и когда срок ему вышел и пришло время итти странствовать и работу искать, подарил ему мастер столик, с виду совсем неказистый, и сделан он был из простого дерева; но было у него одно свойство — если поставить его и сказать: «Столик, накройся!», то добрый столик тотчас накрывался чистой маленькой скатертью, и стояли на нём тарелки, а рядом нож и вилка, и столько варёного и жареного, сколько места хватало, да ещё большой стакан красного вина искрился так, что сердце прямо радовалось.

Вот молодой подмастерье и подумал: «Ну, этого-то тебе, пожалуй, на целую жизнь хватит!» и, довольный и весёлый, отправился странствовать по свету; и его мало огорчало, хороша ли, плоха ли гостиница и можно ли там найти что поесть. Иногда он в неё и вовсе не заходил, а ставил свой столик перед собой, где ему было любо, будь то в поле, в лесу или на лугу, и говорил: «Столик, накройся!» — и тотчас являлось всё, что его душе было угодно.

Наконец подумал он, что пора бы ему и домой к отцу воротиться,— гнев у него, пожалуй, уже поостыл, а с таким столиком старик примет его назад охотно. Но случилось так, что по пути домой забрёл он под вечер в гостиницу, а гостей там было полным-полно. Они поздоровались с ним и пригласили его присесть с ними вместе за стол и поужинать, а то трудно-де будет ему здесь что-нибудь получить.

— Нет,— ответил молодой столяр,— зачем я буду вас ещё объедать, уж лучше вы будьте моими гостями.

Посмеялись они и подумали, что он над ними шутит. Но он поставил свой деревянный столик посреди комнаты и сказал: «Столик, накройся!» И вмиг появились на нём кушанья, да такие вкусные, что подобных и сам хозяин гостиницы не мог бы им предложить, и запах пищи приятно щекотал нос гостям.

— Ну, давайте начнём, дорогие друзья,— сказал столяр.

И гости поняли его как должно и не заставили себя долго упрашивать, подсели к столу, достали свои ножи и смело принялись за еду. И что удивило их больше всего — это то, что когда они съедали одно кушанье, то вмиг появлялось само собой на его место другое. А хозяин стоял в сторонке и всё это видел; он не знал, что ему и сказать, и подумал: «Да, такого повара и мне в хозяйстве неплохо бы иметь».

Столяр и его гости веселились до самой поздней ночи и наконец улеглись спать, а с ними и молодой подмастерье, а столик свой волшебный он поставил к стене. Но хозяину гостиницы мысли о нём не давали покоя; он вспомнил, что у него в кладовой стоит старый столик, точь-в-точь похожий на этот, и он его принёс и тихонько подменил волшебный столик своим.

На другое утро столяр уплатил деньги за ночлег, взял столик, не подозревая, что его подменили, и отправился своим путём-дорогой дальше. К полудню пришёл он к отцу, и тот встретил его с большой радостью.

— Ну, дорогой сынок, чему же ты научился?— спросил он его.

— Стал я, батюшка, столяром.

— Что ж, это хорошее ремесло,— ответил старик,— а что ты принёс домой, что заработал во время странствий?

— Батюшка, самое дорогое, что я принёс с собой,— это вот этот столик.

Осмотрел его портной со всех сторон и говорит:

— Что ж, сделан-то он неважно, столик старый и плохой.

— Но ведь это «столик-накройся»,— ответил сын,— если поставить его да сказать, чтоб он накрылся, то появятся на нём тотчас самые прекрасные блюда, да ещё и вино, чтоб сердцу было веселей. Вы вот пригласите всех родных и друзей, пусть попируют и попьют,— столик их всех накормит.

Вот собрались гости. Взял он свой столик, поставил его посредине комнаты и говорит: «Столик, накройся!» Но столик даже и не пошеве-

лился и остался таким же пустым, как и всякий другой, который слов не понимает. Понял тогда бедный подмастерье, что столик-то ему подменили, и стыдно стало ему, что оказался он перед гостями лгуном.

Посмеялись над ним родственники, и пришлось им не солоно хлебавши домой возвращаться. Достал портной опять своё тряпье и принялся снова за шитьё, а сын поступил к мастеру на работу.

Средний сын попал к мельнику и поступил к нему в обучение. Когда ему вышел срок, мастер сказал:

— Ты работал хорошо, и вот за это дарю я тебе осла не простого, а особенного, — в упряжку он не годится и мешков тоже таскать не станет.

— Да на что же он мне тогда нужен? — спрашивает молодой подмастерье.

— Он золото выплёвывает, — ответил мельник, — ежели поставить его на платок и сказать: «Бриклебрит!», то доброе животное станет выплёвывать золотые и сзади и спереди.

— Дело это хорошее, — сказал подмастерье, поблагодарил мастера и отправился странствовать по свету. Когда он нуждался в деньгах, то стоило ему только сказать своему ослу: «Бриклебрит!», и тотчас сыпался дождь золотых, и одна была лишь работа — поднимать их с земли.

И куда ни приходил молодой мельник, подавали ему самое что ни на есть лучшее и самое дорогое, ведь денег-то у него был полон кошелёк.

Насмотрелся он всего на свете и подумал: «Что ж, надо бы, пожалуй, теперь и отца проведать, если явиться к нему с золотым ослом, то он,

наверно, и гнев свой позабудет и встретит меня хорошо». И случилось так, что попал он в ту же самую гостиницу, в которой его брату подменили столик. Он вёл своего осла под уздцы, и хозяин хотел было взять у него осла и привязать его к стойлу, но молодой подмастерье сказал:

— Вы, пожалуйста, не трудитесь, своего серого я уж сам отведу в стойло и сам привяжу, я должен знать, где он будет находиться.

Хозяину это показалось странным; он подумал, что у того, кто должен сам ухаживать за своим ослом, денег-то, пожалуй, не очень густо; но когда незнакомец сунул руку в карман и достал оттуда два золотых и велел дать ему поесть чего получше, то хозяин от удивленья глаза вытаращил, побежал и достал самое лучшее, что у него было.

После обеда гость спросил, сколько он должен заплатить; ну, тут уж хозяин мелу не пожалел, подсчитал вдвое больше, чем следует, и сказал, что надо доложить ещё два золотых. Сунул подмастерье руку в карман, а золота в нём больше не оказалось.

— Хозяин, вы подождите маленько, — сказал он, — я пойду и принесу вам золотые, — и взял с собой скатерть.

Хозяин не знал, что бы это должно значить; стало ему любопытно, и он пробрался следом за гостем, и когда тот закрыл двери конюшни на засов, стал он подглядывать в щёлку. Гость разостлал под ослом платок, крикнул: «Бриклебрит!» — и вмиг посыпалось золото из осла и сзади и спереди, и нападало его на землю немало.

— Вот она чертовщина какая! — сказал хозяин. — Да ведь это всё новенькие дукаты! Таких и целый кошелёк бы неплохо!

Гость оплатил свой трактирный счёт и улёгся спать. А хозяин пробрался ночью на конюшню, вывел оттуда монетных дел мастера, а на его место привязал другого осла.

На другое утро, только стало светать, отправился подмастерье дальше со своим ослом, думая, что это и есть его золотой осёл. К полудню явился он к своему отцу; тот очень ему обрадовался и принял его ласково.

— Ну, скажи, сынок, что ж из тебя вышло? — спросил старик.

— Стал я мельником, милый батюшка, — ответил он.

— А что же принёс ты домой из своих странствий?

— Да вот одного лишь осла.

— Ослов-то и здесь достаточно, — заметил отец, — лучше бы ты привёл хорошую козу.

— Так-то оно так, — ответил сын, — но ведь это осёл не простой, а золотой, — скажу я ему: «Бриклебрит!», и навалит он вам на платок целую кучу золота. Вот созовите родных, я всех их сделаю богачами.

— Это дело подходящее, — сказал портной, — теперь незачем мне будет с иглой мучиться, — и побежал тотчас сам и созвал всех родичей в гости. Собрались гости, и вот просит мельник очистить место, расстилает свой платок и приводит осла в комнату.

— Теперь смотрите, — сказал он и крикнул: «Бриклебрит!», но было то не золото, что на пол упало; и стало всем ясно, что этот осёл искусству

такому не обучен; да оно и верно, что не всякий осёл на это способен бывает.

У бедного мельника лицо так и вытянулось; он понял, что его обманули; и стал он просить у родных прощенья, что придётся им домой возвращаться такими же бедными, как и раньше. И ничего больше не оставалось, как взяться старику опять за свою иглу, а подмастерью поступить на работу к мельнику.

Младший брат попал в обучение к одному токарю, а ремесло это тонкое, вот и пришлось ему дольше всех учиться. Но братья написали ему письмо и сообщили, какая беда с ними приключилась и как в самый последний вечер хозяин гостиницы украл у них их волшебные вещи.

Вот обучился токарь своему ремеслу, и настала пора ему странствовать, работу искать, и подарил ему мастер за хорошее поведение мешок и сказал:

— А лежит в этом мешке дубинка.

— Ну, мешок-то я могу положить себе на плечи, он может мне, пожалуй, и пригодиться, но дубинка на что? От неё только тяжесть одна.

— А вот я тебе объясню, — ответил мастер: — ежели тебя кто обидит, то стоит тебе только сказать: «Дубинка, из мешка!» — и тотчас выскочит она и бросится на людей и станет так весело по их спинам отплясывать, что целую неделю им нельзя будет ни двинуться, ни пошевелинуться; и не остановится она до тех пор, пока ты не скажешь: «Дубинка, в мешок!»

Поблагодарил подмастерье своего хозяина, повесил мешок за плечи, и если кто-либо подходил к нему близко, собираясь на него напасть, то он говорил: «Дубинка, из мешка!» — и мигом дубинка выскакивала и начинала у одного за другим кафтан или куртку на спине выколачивать, да не ожидая, пока

её тот снимет; и так она это делала проворно, что не успеет один и оглянуться, как тут черёд и другому подходит.

Пришёл молодой токарь под вечер в ту самую гостиницу, где братьев его обманули. Положил свой мешок на стол и стал рассказывать про всякие диковины, которые пришлось ему повидать на свете.

— Да, — сказал он, — бывают такие столики-самобранки, а бывают ещё и ослы золотые и всякая всячина; вещи-то они хорошие, что и говорить, смеяться над этим не приходится, но всё это ничего не стоит перед богатством, что удалось мне добыть, а лежит оно у меня в мешке.

Тут хозяин и наострил уши: «Что же оно может быть такое? — подумал он. — Должно быть, мешок полон драгоценных камней. Неплохо бы мне и его заполучить, ведь хорошее-то случается всегда трижды.

Вот подошло время ложиться спать, и завалился гость на скамью и положил себе под голову свой мешок вместо подушки. Хозяин, решив, что гость спит глубоким сном, подошёл к нему, ухватился за мешок и ну его тащить тайком да поосторожней, чтоб подменить его другим.

А токарь только этого и ждал; только хозяин хотел было мешок вытащить, токарь крикнул: «Дубинка, из мешка!» И как выскочит дубинка, да прямо на хозяина и здорово-таки намяла ему бока. Стал хозяин просить пощады, но чем громче кричал он, тем сильнее, да ещё в такт, колотила дубинка его по спине, пока, наконец, не упал он без чувств наземь.

И сказал тогда токарь:

— Если ты не вернёшь «столика-накройся» и золотого осла, то дубинка начнёт плясать снова.

— Ой, нет! — застонал еле слышно хозяин. — Я всё охотно верну назад, скажи только своему домовому, чтобы он убрался опять в мешок.

И ответил ему подмастерье:

— Ладно, я тебя помилую, но смотри, берегись!

Он крикнул: «Дубинка, в мешок!» — и дубинка оставила хозяина в покое.

На другое утро отправился токарь со «столиком-накройся» и золотым ослом домой к своему отцу. Обрадовался портной, увидев снова своего сына, и спросил его тоже, чему он в чужих краях научился.

— Дорогой батюшка, — ответил тот, — я токарем сделался.

— Это тонкое ремесло, — сказал отец, — ну, а что же принёс ты с собой из странствий?

— Дорогую вещицу, милый батюшка, — ответил сын, — дубинку в мешке.

— Что, — закричал отец. — Дубинку? Стоило ещё трудиться! Да ведь её же можно из каждого дерева вытесать.

— Да, но, пожалуй, не такую, милый батюшка; стоит мне только сказать ей: «Дубинка, из мешка!», и вмиг выскочит она и заставит того, кто плохо со мной обращается, так заплясать, что на земле лежать будет да просить о пощаде. Вот видите, благодаря этой дубинке я вернул назад и столик и золотого осла, которых отнял вороватый хозяин гостиницы у

моих братьев. Теперь позовите их обоих и пригласите всех родных, я всех досыта и угощу, и напою, и полные карманы им золотом набью.

Старик-портной не поверил было тому, однако ж созвал всю родню. Вот разостлал токарь в комнате платок, привёл золотого осла и сказал своему брату:

— Ну, милый братец, поговори-ка с ним.

И сказал мельник: «Бриклебрит!» — и тотчас стали падать на платок дождём червонцы; и осёл делал это до тех пор, пока у всех золота стало столько, что его еле можно было дотащить.

(А по тебе видать, что и ты непрочь был бы там побывать!)

Потом токарь принёс столик и сказал:

— Ну, братец, поговори-ка ты с ним.

И только столяр вымолвил: «Столик, накройся!», — он уже и скатертью был покрыт и богато уставлен самыми прекрасными блюдами. Тут начался пир, — и не было за всю жизнь у портного в доме такого обеда, и вся родня засиделась до поздней ночи, и все были веселы и довольны.

И запер портной в свой шкаф иглу и нитки, аршин и утюг и стал жить да поживать вместе со своими сыновьями в радости и в богатстве.

— Ну, а куда же девалась коза, что была причиной тому, что прогнал портной из дому своих сыновей?

— Это я тебе сейчас расскажу. Стыдно ей стало, что бритая у неё голова, вот и забежала она в лисью нору да там и спряталась. Вернулась лиса домой, видит — поблескивают в темноте ей навстречу два больших глаза, — испугалась она и убежала. Встретился ей по дороге медведь, видит, что лиса в большом смущении, и спрашивает у неё:

— Что это с тобой, лисичка-сестричка, чего это у тебя такой испуганный вид?

— Ох, — отвечает рыжая, — страшный зверь засел у меня в норе и таращит на меня огненные глазища.

— Да мы его враз выгоним, — говорит медведь, и пошёл с ней к норе и заглянул туда; но как увидел огненные глазища, тут страх на него и напал: что тут со страшным зверем поделаешь? И давай медведь из норы хόδучу. Тут повстречалась ему пчела; заметила она, что медведю как-то не по себе, и спрашивает:

— Медведь, чего это у тебя вид такой мрачный, куда девалась твоя весёлость?

— Тебе-то хорошо рассуждать, — ответил медведь, — а вот у лисы в доме засел страшный зверь, глаза выпучил, и выгнать его мы никак не в силах.

И сказала пчела:

— Жаль мне тебя, медведь; хоть я существо слабое и бедное и вы на меня и глядеть не хотите, но я всё-таки могу вам помочь.

И она влеглась в лисью нору, села козе на бритую голову и так больно её ужалила, что та так и подпрыгнула, да как закричит: «Ме-ме!» и как угорелая выскочила оттуда. И никто до сих пор так и не знает, куда она забежала.

Мальчик-с-пальчик

ИЛ когда-то на свете крестьянин-бедняк. Сидел он раз вечером у печки и разгребал жар, а жена сидела и пряла. Вот и говорит он жене:

— Как жаль, что нет у нас детей. Уж так у нас тихо, а вон в других домах, погляди, как шумно да весело!

— Да,— ответила жена и вздохнула,— если бы был у нас хоть один, даже такой маленький, как мизинец, и то я была бы довольна. И как бы мы его любили!

И вот случилось, что жена забеременела и спустя семь месяцев родила ребёнка, и был он здоровый и сложен хорошо, но ростом был всего с палец.

И они сказали:

— Вот так оно и случилось, как мы хотели: дитячко наше мы будем любить,— и назвали его за его рост Мальчик-с-пальчик.

Они хорошо его кормили, но ребёнок всё не рос и не рос и оставался таким же, как и родился; но глаза были у него умные, и вскоре он показал себя понятливым и прилежным, и всё, что он ни делал, ему удавалось.

Собрался раз крестьянин в лес дрова рубить и сказал про себя: «Хорошо, если б кто приехал за дровами с повозкой».

— Батюшка,— говорит Мальчик-с-пальчик,— повозку я привезу, уж ты на меня положишься, и доставлю её в лес как раз вó-время.

— Да как же ты с этим делом справишься, ведь ты слишком мал, чтоб лошадей править?

— Это, батюшка, ничего! Если мать запряжёт, то я заберусь лошади в ухо и буду кричать ей, куда ей следует ехать.

— Ладно,— ответил отец,— один раз, пожалуй, попробуем.

Пришло время, запрягла мать лошадь и посадила Мальчика-с-пальчик лошади в ухо, и стал мальчонка покрикивать, куда ей ехать: «Но! Но! Левей, правей!»

Всё шло как следует, словно у опытного кучера, и повозка ехала верной дорогой прямо в лес. И случилось, что на повороте, когда Мальчик-с-пальчик крикнул: «Левей, левей!», показалось навстречу двое незнакомцев.

— Глянь,— сказал один из них,— что это такое? Едет повозка, возница на лошадь покрикивает, а самого его не видать.

— Тут что-то неспроста,— заметил другой,— давай-ка пойдём вслед за повозкой и посмотрим, где она остановится.

Но повозка всё ехала дальше в глубь леса и прямёхонько туда, где рубили деревья. Увидел Мальчик-с-пальчик отца и говорит ему:

— Вот, батюшка, я и приехал с повозкой. А теперь ты меня сними и спусти на землю.

Взял отец левой рукой лошадь под уздцы, а правой достал из лошадиного уха своего сыночка, который и уселся весело на былинку.

Увидели двое незнакомцев Мальчика-с-пальчик и не знали, что и сказать им от удивленья. Отвёл один другого в сторону и говорит:

— Послушай, этот малыш мог бы нам принести счастье, мы бы показывали его в большом городе за деньги,— давай-ка купим его.

Они подошли к крестьянину и говорят:

— Продай нам своего маленького человечка, ему у нас будет неплохо.

— Нет,— говорит крестьянин,— это мой любимец, я ни за какое золото на свете его не продам.

Но Мальчик-с-пальчик услышал, что его покупают, взобрался по складкам платья к отцу на плечи и стал нащёптывать ему на ухо:

— Батюшка, ты меня продай, а назад я уж к тебе вернусь.

И вот продал его отец за большие деньги двум незнакомцам.

— А куда тебя посадить?— спросили они малютку.

— Да уж посадите меня на поля вашей шляпы, там мне можно будет прогуливаться и рассматривать окрестности, я оттуда не упаду.

Они исполнили его желание. Мальчик-с-пальчик попрощался с отцом, и они двинулись в путь-дорогу.

Так шли они некоторое время, а тут стало уже смеркаться, вот и говорит малютка:

— Спустите меня вниз по надобности.

— Да оставайся там наверху,— сказал человек, на голове у которого он сидел,— это ничего, от птиц тоже иной раз попадает.

— Нет,— ответил Мальчик-с-пальчик,— я уж знаю, как надо себя вести, скорей спустите меня вниз.

Снял человек шляпу и посадил малютку на придорожное поле. Тут он прыгнул и стал пробираться между комьями земли, заметил мышиную норку и вдруг скользнул в неё.

— До свиданья, господа, до свиданья, ступайте себе домой без меня,— крикнул он им из норки и стал над ними смеяться.

Подбежали те к мышиной норе, стали тыкать в неё палками, но напрасно,— Мальчик-с-пальчик заползал всё глубже и глубже, а становилось уже темно, и пришлось им воротиться домой с досадой да с пустою сумой.

Когда Мальчик-с-пальчик заметил, что они ушли, он выбрался из подземного хода наружу. «В потёмках идти по полю, пожалуй, будет опасно,— сказал он,— чего доброго, шею или ногу себе сломаешь!» К счастью, попалась ему по дороге пустая раковина улитки. «Слава богу,— сказал он,— теперь я смогу провести ночь спокойно»,— и забрался в раковину.

Только хотел он было уже уснуть, вдруг слышит — идут мимо два человека, и один из них говорит:

— Как бы это нам выкрасть у богатого пастора деньги и серебро?

— Я бы тебе сказал, как это сделать!— крикнул Мальчик-с-пальчик.

— Что это?— спросил испуганный вор.— Я слышу, кто-то говорит.— Они остановились и стали прислушиваться. Тогда Мальчик-с-пальчик снова сказал:

— Возьмите меня с собой, я вам помогу.

— А где же ты?

— А вы поищите меня на земле и слушайте, откуда голос идёт,— ответил он.

Наконец воры отыскали его и подняли наверх.

— Ах ты, малышка, чем же ты нам можешь помочь?— сказали они.

— А вот чем,— ответил он,— я пролезу через решётку в кладовую пастора и достану вам то, что нужно.

— И то дело,— сказали они,— посмотрим, как ты с этим справишься!

Они пришли к дому пастора, и Мальчик-с-пальчик забрался в кладовую да как закричит оттуда во всё горло:

— Вы всё хотите забрать, что тут есть?

Испугались воры и говорят:

— Да ты говори потише, а то ещё кто-нибудь проснётся.

Но Мальчик-с-пальчик будто их не понял и как закричит опять во всю глотку:

— Вы что хотите: всё забрать, что тут есть?

Услыхала это кухарка,— она спала в соседней комнате,— приподнялась на постели и стала прислушиваться. Но воры перепугались и со страху отбежали от дома, но потом приободрились и подумали: «Наш парнишка хочет нас, видно, подразнить». Они вернулись и шепнули ему:

— Ну, довольно баловаться, достань-ка нам что-нибудь из кладовой.

Но Мальчик-с-пальчик опять закричал, да так громко, как только мог:

— Да я вам всё подам, вы только руки протяните!

А служанка прислушивалась и услышала всё, что они говорили; тут соскочила она с постели и, спотыкаясь, подбежала к двери кладовой. Воры пустились наутёк, точно за ними гнался волшебный стрелок, а служанка, никого не найдя, пошла зажечь свечу. Вошла она в кладовую, а Мальчик-с-пальчик тем временем незаметно пробрался в амбар.

Служанка, обшарив все углы, улеглась опять в постель, думая, что всё это ей почудилось во сне. А Мальчик-с-пальчик забрался в сено и, найдя там укромное местечко для сна, решил отдохнуть до утра, а потом уж вернуться домой к отцу-матери.

Но суждено ему было испытать иное! Да, много случается на свете горя и несчастья...

Когда стало светать, служанка встала с постели, чтобы задать немного корму скотине. Она пошла на сеновал, взяла охапку сена, и случилось, что захватила она как раз клочок сена, в котором лежал и спал бедный Мальчик-с-пальчик. Но он спал так крепко, что ничего не заметил, и проснулся уже во рту у коровы, которая схватила его заодно с сеном.

«А, господи, — воскликнул он, — я точно на сукновальню попал!», — но он вскоре сообразил, где очутился. И он старался как-нибудь проскользнуть между зубами коровы, чтоб не оказаться раздавленным, и ему пришлось, наконец, сползти вниз, в желудок. «А в каморке-то окна прорубить, должно быть, позабыли, — сказал он, — вишь, и солнце в неё не светит, да и огня здесь не зажигают». Правду сказать, квартирка эта ему мало понравилась, и что было хуже всего — в дверь вползало всё новое и новое сено, а места становилось меньше и меньше. И он вскрикнул от страха так громко, как только мог:

— Не надо мне больше свежего корму, не давайте мне больше свежего корму!

А служанка в это время как раз доила корову; она услышала что кто-то кричит, а никого не видать, и показался ей голос похожим на тот, что слышала она ночью, и она так испугалась, что упала со скамейки и разлила всё молоко. Она побежала, запыхавшись, к своему хозяину и говорит:

— Ах, боже мой, господин пастор, а корова-то наша заговорила!

— Ты что это, с ума спятила? — сказал пастор, однако же отправился в коровник — поглядеть, что там случилось. Но только вошёл он туда, а Мальчик-с-пальчик как закричит снова:

— Не давайте мне больше свежего корму, не давайте мне больше свежего корму!

Тут и сам пастор испугался и подумал, что в корову вселился злой дух, и он велел её зарезать. Зарезали корову, а желудок, где спрятался Мальчик-с-пальчик, бросили в навозную кучу.

Мальчику-с-пальчик пришлось с большим трудом выбираться из коровьего желудка, и немало ему пришлось повозиться; и вот он почти уже было выбрался и даже голову высунул, как приключилась новая беда: бежал мимо голодный волк, увидел требуху, схватил её и проглотил. Но Мальчик-с-пальчик не растерялся. «Пожалуй, — подумал он, — с волком можно будет сговориться», — и он закричал ему из волчьего брюха:

— Милый волк, а я знаю для тебя лакомый кусок.

— А где же он? — спросил волк.

— Да в том вон доме, но пробраться в него можно через сточную канаву; там найдётся для тебя и пирогов, и сала, и колбасы, всего, всего вдоволь. — И он подробно описал волку дом своего отца.

Волк, не долго раздумывая, забрался в дом через водосточную канаву и нажрался там в кладовой всего, чего только ни нашлось, вдоволь. Наевшись доотвала, он хотел было назад возвращаться, но брюхо у него так раздулось, что прежней дорогой он выбраться уже не мог! На это и рассчитывал Мальчик-с-пальчик и, подняв в волчьем брюхе страшный шум, стал кричать и барахтаться изо всех сил.

— Да замолчи ты там, — сказал волк, — а то, чего доброго, людей разбудишь!

— Да чего там, — ответил малютка, — ведь ты же наелся, дай и мне теперь повеселиться, — и стал снова кричать во всё горло.

Тут от шума проснулись, наконец, отец с матерью, подбежали к кладовой и заглянули в щёлку. Как увидели они, что забрался туда волк, кинулись прочь; схватил отец топор, а мать косу.

— Ты иди следом за мной,— сказал муж, когда они входили в кладовую,— когда я его ударю, а он будет ещё живой, ты его добивай и брюхо косою вспарывай.

Услыхал Мальчик-с-пальчик голос своего отца и как закричит:

— Милый батюшка, я здесь, здесь, я спрятался в волчьем брюхе!

И воскликнул отец на радостях:

— Слава тебе, господи, дитятко наше нашлось!— и велел жене убрать косу, чтоб Мальчика-с-пальчик не поранить. Потом он размахнулся да как ударит волка топором по голове, тот и упал замертво. Нашли они нож и ножницы и вспороли волку брюхо и вытащили оттуда малышку.

— А мы-то,— говорит отец,— сколько горя натерпелись из-за тебя.

— Да, батюшка, немало я постранствовал, но, слава богу, снова выбрался на божий свет!

— Где же ты пропадал?

— Ах, батюшка, был я и в мышинной норке, и в коровьем желудке, и в волчьем брюхе, а теперь уж останусь у вас, никуда не уйду.

— А мы не продадим тебя ни за какие сокровища на свете,— сказали отец и мать и ласкали и миловали своего милого Мальчика-с-пальчик. Накормили его, напоили, пошили ему новое платье,— прежнее-то всё в странствиях у него поистрепалось.

Снегурочка

ТО было в середине зимы. Падали снежинки, точно пух с неба, и сидела королева у окна, — рама его была из чёрного дерева, — и королева шила. Когда она шила, загляделась на снег и уколола иглою палец, — и упало три капли крови на снег. И красное на белом снегу выглядело так красиво, что подумала она про себя: «Вот, если б родился у меня ребёнок, белый, как этот снег, и румяный, как кровь, и черноволосый, как дерево на оконной раме!»

И родила королева вскоре дочку, и была она бела, как снег, румяна, как кровь, и такая черноволосая, как чёрное дерево, — и прозвали её потому Снегурочкой. А когда ребёнок родился, королева умерла.

Год спустя король взял себе другую жену. Это была красивая женщина, но гордая и надменная, она терпеть не могла, когда кто-нибудь превосходил её красотой. Было у неё волшебное зеркальце, и когда становилась она перед ним и глядела в него, то спрашивала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И зеркало отвечало:

Вы, королева, красивее всех в стране.

И она была довольна, так как знала, что зеркало говорит правду.

А Снегурочка за это время подросла и становилась всё краше, и когда ей исполнилось семь лет, была она такая прекрасная, как ясный день, и красивей самой королевы. Когда королева спросила у своего зеркальца:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

Зеркальце ответило так:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но Снегурочка в тысячу раз богаче красой.

Тогда королева испугалась, пожелтела, позеленела от зависти. Увидит, бывало, Снегурочку — и сердце у ней разрывается, так невзлюбила она девочку. И зависть и высокомерие разрастались, как сорные травы, в её сердце всё выше и выше, и не было ей отныне покоя ни днём, ни ночью.

Тогда она позвала одного из своих егерей и сказала:

— Заведи эту девочку в лес, — я больше видеть её не могу. Ты должен её убить и принести мне в знак доказательства её лёгкие и печень.

Егерь послушался и завёл девочку в лес; но когда он вытащил свой охотничий нож и хотел было уже пронзить ни в чём не повинное сердце Снегурочки, та стала плакать и просить:

— Ах, милый егерь, оставь меня в живых! Я убегу далеко-далеко в дремучий лес и никогда не вернусь домой.

И оттого, что была она такая красивая, егерь над ней сжалился и сказал:

— Так и быть, беги, бедная девочка!

И подумал про себя: «Всё равно там тебя скоро съедят дикие звери», — и будто камень свалился у него с сердца, когда не пришлось ему убивать Снегурочку.

И как раз в это время подбежал молодой олень, егерь его заколол, вырезал у него лёгкие и печень и принёс их королеве в знак доказательства, что её приказание исполнено. Повару было велено сварить их в солёной воде, и злая женщина их съела, думая, что это лёгкие и печень Снегурочки.

Осталась бедная девочка в дремучем лесу одна-одинёшенька, и в страхе она оглядела все листики на деревьях, не зная, как ей быть дальше, как своему горю помочь.

Она пустилась бежать, и бежала по острым камням, через колючие заросли; и прыгали около неё дикие звери, но её не трогали. Бежала она сколько сил хватило, но вот стало, наконец, смеркаться. Вдруг она увидела маленькую избушку и зашла в неё отдохнуть. И было в той избушке всё таким маленьким, но красивым и чистым, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Стоял там накрытый белой скатертью столик, а на нём семь маленьких тарелочек, возле каждой тарелочки по ложечке, а ещё семь маленьких ножей и вилок и семь маленьких кубков. Стояли у стены в ряд семь маленьких кроваток, и были они покрыты белоснежными покрывалами.

Захотелось Снегурочке поесть и попить, она взяла из каждой тарелочки понемногу овощей и хлеба и выпила из каждого кубочка по капельке вина, — ей не хотелось пить всё из одного. А так как она очень устала, то легла в одну из постелек, но ни одна из них для неё не подходила: одна была слишком длинной, другая слишком короткой; но седьмая оказалась, наконец, ей как раз впору; она в неё улеглась и, отдавшись на милость господню, уснула.

Когда уже совсем стемнело, пришли хозяева избушки; были то семеро карликов, которые в горах добывали руду. Они зажгли семь своих лампочек, и когда в избушке стало светло, они заметили, что у них кто-то был, потому что не всё оказалось в том порядке, в каком было раньше. И сказал первый карлик:

— Кто это на моём стуле сидел?

Второй:

— Кто это из моей тарелочки ел?

Третий:

— Кто взял кусок моего хлеба?

Четвёртый:

— А кто мои овощи ел?

Пятый:

— Кто моей вилочкой брал?

Шестой:

— А кто моим ножичком резал?

Седьмой спросил:

— Кто это пил из моего маленького кубка?

Оглянулся первый и заметил на своей постельке маленькую складочку, и спросил:

— А кто это лежал на моей кровати?

Тут сбежались остальные и стали говорить:

— И в моей тоже кто-то лежал.

Глянул седьмой карлик на свою постель, видит — лежит в ней Снегурочка и спит. Кликнул он тогда остальных; подбежали они, стали от удивленья кричать, принесли семь своих лампочек и осветили Снегурочку.

— Ах, боже мой! Ах, боже мой! — воскликнули они. — Какой, однако, красивый ребёнок!

Они так обрадовались, что не стали её будить и оставили её спать в постельке. А седьмой карлик проспал у каждого из своих товарищей по часу, — так вот и ночь прошла.

Наступило утро. Проснулась Снегурочка, увидела семь карликов и испугалась. Но они были с ней ласковы и спросили её:

— Как тебя звать?

— Меня зовут Снегурочкой,— ответила она.

— Как же ты попала в нашу избушку?— продолжали спрашивать карлики.

И она рассказала им о том, что мачеха хотела её убить, но егерь над ней сжалился, и что она бежала целый день, пока, наконец, не нашла их избушку.

Карлики спросили:

— Хочешь вести у нас хозяйство? Стряпать, постели взбивать, стирать, шить и вязать, всё содержать в чистоте и порядке,— если ты на это согласна, то можешь у нас остаться, и будет у тебя всего вдосталь.

— Хорошо,— сказала Снегурочка,— с большой охотой,— и осталась у них.

Она содержала избушку в порядке. Утром карлики уходили в горы копать руду и золото, а вечером возвращались домой, и она должна была к их приходу готовить им ужин. Целый день девочке приходилось оставаться одной, и потому добрые карлики её предостерегали и говорили:

— Берегись своей мачехи: она скоро узнает, что ты здесь. Смотри, никого не впускай в дом.

А королева, съев лёгкие и печень Снегурочки, стала опять думать, что она теперь самая первая красавица в стране. Она подошла к зеркалу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И зеркало ответило:

Вы, королева, красивы собой,
Но Снегурочка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Тогда королева испугалась, — она ведь знала, что зеркальце говорит правду, и поняла, что егерь её обманул, что Снегурочка ещё жива. И она стала снова думать и гадать, как бы её извести. И не было ей от зависти покоя, оттого что не она самая первая красавица в стране.

И вот под конец она кое-что надумала: она наредила себе лицо, переделалась старой торговкой, и теперь её никак нельзя было узнать. Направилась она через семь гор к семи карликам, постучалась в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Глянула Снегурочка в окошко и говорит:

— Здравствуй, голубушка! Ты что продаёшь?

— Хорошие товары, прекрасные товары,— ответила та,— шнурки разноцветные,— и достала ей один из них показать, и был он сплетён из пёстрого шёлка.

«Эту почтенную женщину можно, пожалуй, и в дом пустить»,— подумала Снегурочка, она отодвинула дверной засов и купила себе красивые шнурки.

— О, как они тебе идут, девочка,— молвила старуха,— дай-ка я зашнурую тебе лиф как следует.

Снегурочка, не предвидя ничего дурного, стала перед нею и дала затянуть на себе новые шнурки. И начала старуха шнуровать, да так быстро и так туго, что Снегурочка задохнулась и упала замертво наземь.

— Это за то, что ты самой красивой была,— сказала королева и быстро исчезла.

А вскоре, к вечеру, семь карликов вернулись домой, и как они испугались, когда увидели, что их милая Снегурочка лежит на полу — не движется, не шелохнется, словно мёртвая! Они подняли её и увидели, что она крепко-накрепко зашнурована; тогда разрезали они шнурки, и стала она понемногу дышать и постепенно пришла в себя.

Когда карлики услышали о том, как всё это случилось, они сказали:

— Старая торговка была на самом-то деле злой королевой. Берегись, не впускай к себе никого, когда нас нет дома.

А злая женщина возвратилась тем временем домой, подошла к зеркальцу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

Ответило ей зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Снегурочка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Когда она услышала такой ответ, вся кровь прилила у ней к сердцу, так она испугалась,— она поняла, что Снегурочка ожила снова.

— Ну, уже теперь,— сказала она,— я придумаю такое, что погубит тебя наверняка,— и, зная разное колдовство, она приготовила ядовитый гребень. Потом переделалась она и притворилась другою старухой. И отправилась за семь гор к семи карликам, постучалась в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Снегурочка выглянула в окошко и говорит:

— Проходи себе дальше, в дом пускать никого не велено!

— Поглядеть-то, пожалуй, можно,— молвила старуха, достала ядовитый гребень и, подняв его вверх, показала Снегурочке.

Он так понравился девочке, что она дала себя обмануть и открыла дверь. Они сошлись в цене, и старуха сказала:

— Ну, а теперь дай-ка я тебя как следует причешу.

Бедная Снегурочка, ничего не подозревая, дала старухе себя причесать; но только та прикоснулась гребешком к её волосам, как яд стал тотчас действовать, и девочка упала без чувств наземь.

— Ты, писаная красавица,— сказала злая женщина,— уж теперь-то пришёл тебе конец!— И сказав это, она ушла.

Но, по счастью, дело было под вечер, и семеро карликов вскоре вернулись домой. Заметив, что Снегурочка лежит на полу мёртвая, они тотчас

заподозрили в этом мачеху, стали доискиваться, в чём дело, и нашли ядовитый гребень; и как только они его вытащили, Снегурочка опять пришла в себя и рассказала им обо всём, что случилось. Тогда карлики ещё раз предупредили её, чтоб она была поосторожней и дверь никому не открывала.

А королева возвратилась домой, села перед зеркалом и говорит:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И зеркало ответило, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Снегурочка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Услыхав, что говорит зеркало, она вся задрожала-затрепетала от гнева.

— Снегурочка должна погибнуть, — крикнула она, — даже если бы это мне самой стоило жизни!

И она отправилась в потайную комнату, куда никто никогда не входил, и приготовила там ядовитое-преядовитое яблоко. Было оно на вид очень красивое, белое с красными крапинками, и всякий, кто его бы увидел, захотел бы его съесть; но кто съел хотя бы кусочек, тот непременно бы умер.

Когда яблоко было готово, королева нарисовала себе лицо, переоделась крестьянкой и отправилась в путь-дорогу — за семь гор, к семи карликам. Она постучалась; Снегурочка высунула голову в окошко и говорит:

— Пускать в дом никого не велено — семь карликов мне это запретили.

— Оно правильно, — ответила крестьянка, — но куда же я дену свои яблоки? Хочешь, я тебе одно из них подарю?

— Нет, — сказала Снегурочка, — мне брать ничего не велено.

— Ты, что ж, отравы боишься? — спросила старуха. — Погляди, я разрежу яблоко на две половинки: румяную съешь ты, а белую я.

А яблоко было сделано так хитро, что только румяная его половинка была отравленной. Захотелось Снегурочке отведать прекрасного яблока, и когда она увидела, что крестьянка его ест, девочка не удержалась, высунула из окошка руку и взяла отравленную половинку. Только откусила она кусок, как тотчас упала замертво наземь. Посмотрела на неё своими страшными глазами королева и, громко захохотав, сказала:

— Бела, как снег, румяна, как кровь, черноволоса, как чёрное дерево! Уж теперь-то твои карлики не разбудят тебя никогда!

Она вернулась домой и стала спрашивать у зеркала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало наконец:

Вы, королева, красивей во всей стране.

Успокоилось тогда её завистливое сердце, насколько может подобное сердце найти себе покой.

Карлики, возвратясь вечером домой, нашли Снегурочку лежащей на земле, бездыханной и мёртвой. Они подняли её и стали искать отраву: они расшнуровали её, причесали ей волосы, обмыли её водой и вином, но ничего не помогло, — бедная девочка, как была мёртвой, так мёртвой и осталась.

Они положили её в гроб, уселись все семеро вокруг неё, стали её оплакивать, и проплакали так целых три дня. Потом они решили её похоронить, но она выглядела, как живая, — щёки у неё были попрежнему красивые и румяные.

И они сказали:

— Как можно её такую в землю закапывать?

И они велели сделать для неё стеклянный гроб, чтоб можно было её видеть со всех сторон, и положили её в тот гроб, написали на нём золотыми буквами её имя и что была она королевской дочерью. Отнесли они гроб на гору, и всегда один из них оставался при ней на страже. И явились

также звери и птицы оплакивать Снегурочку: сначала сова, потом ворон и, наконец, голубок.

И долго-долго лежала в своём гробу Снегурочка, и казалось, что она спит,— была она бела, как снег, румяна, как кровь, и черноволоса, как чёрное дерево.

Но однажды случилось, что заехал королевич в тот лес и попал в дом карликов, чтобы там переночевать. Он увидел на горе гроб, а в нём прекрасную Снегурочку, и прочёл, что было написано на нём золотыми буквами. И сказал он тогда карликам:

— Отдайте мне этот гроб, я дам вам за это всё, что вы пожелаете.

Но карлики ответили:

— Мы не отдадим его даже за всё золото на свете.

Тогда он сказал:

— Так подарите мне его,— я не могу жить, не видя Снегурочки, я буду её глубоко уважать и почитать, как свою возлюбленную.

Когда он это сказал, добрые карлики сжалились над ним и отдали ему гроб; и велел королевич своим слугам нести его на плечах. Но случилось так, что они споткнулись в кустах, и от сотрясения кусок отравленного яблока выпал из горла Снегурочки. Тут открыла она глаза, подняла крышку гроба, а потом встала из него и ожила снова.

— Ах господи, где ж это я? — воскликнула она.

Королевич, обрадованный, ответил:

— Ты со мной,— и рассказал ей всё, что произошло, и молвил:— Ты мне милее всего на свете; пойдём вместе со мной в замок моего отца и ты будешь моею женой.

Снегурочка согласилась и пошла вместе с ним; и отпраздновали они свадьбу с большой пышностью.

Но на свадебный пир была приглашена и злая мачеха Снегурочки. Нарядилась она в красивое платье, подошла к зеркалу и сказала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И зеркало ответило:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но королева в тысячу раз богаче красой!

И вымолвила тогда злая женщина своё проклятье, и стало ей так страшно, так страшно, что она не знала, как ей с собой совладать. Сначала она решила совсем не идти на свадьбу, но не было ей покоя—ей хотелось пойти и посмотреть на молодую королеву. Она вошла во дворец и узнала Снегурочку, и от страха и ужаса — как стояла, так на месте и застыла.

Но были уже поставлены для неё на горящие угли железные туфли, их принесли, держа щипцами, и поставили перед нею. И она должна была ступить ногами в докрасна раскалённые туфли и плясать в них до тех пор, пока, наконец, не упала бы мёртвая наземь.

Шиповничек

МНОГО лет тому назад жили король с королевой, и каждый день они говорили:

— Ах, если б родился у нас ребёнок! — Но детей у них всё не было и не было.

Вот случилось однажды, что королева сидела в купальне, и вылезла из воды на берег лягушка и говорит ей:

— Твоё желание исполнится: не пройдёт и года, как родишь ты на свет дочь.

И что лягушка сказала, то и случилось, — родила королева девочку, и она была такая прекрасная, что король не знал, что и придумать ему на радостях, и вот он устроил большой пир. Созвал он на этот пир не только своих родных, друзей и знакомых, но и ведуний, чтобы были те к его ребёнку милостивы и благосклонны. А было их в его королевстве счётом тринадцать; но так как золотых тарелок, из которых они должны были есть, было у него всего лишь двенадцать, то одна из них осталась неприглашённой.

Праздник отпраздновали с великой пышностью, и под конец ведуньи одарили ребёнка чудесными дарами: одна — добродетелью, другая — красотой, третья — богатством и всем, что только можно пожелать на свете.

Когда одиннадцать произнесли уже свои предсказания, вдруг явилась на пир тринадцатая. Ей хотелось отомстить за то, что её не пригласили. И вот, ни с кем не здороваясь и ни на кого не глядя, она воскликнула громким голосом:

— Королевна на пятнадцатом году должна уколется о веретено и от этого помереть!

И, не сказав больше ни слова, она повернулась и вышла из зала. Все были испуганы, но выступила тогда двенадцатая ведунья, она ещё не сказала своего пожелания; и так как отменить злое заклятье она была не в силах, а могла только его смягчить, то она сказала:

— Но то будет не смерть, а только вековой глубокий сон, в который впадёт королевна.

Король, желая уберечь свою любимую дочь от несчастья, издал указ: все веретена во всём королевстве сжечь.

Вот и исполнились все предсказания, данные девочке ведуньями: она была так красива, так скромна, приветлива и так разумна, что всякий, кто её видел, невольно ею любовался.

Случилось, что в тот день, когда исполнилось ей пятнадцать лет, король и королева не было дома и девушка осталась в замке одна. Она пошла бродить всюду по замку, осматривать покои и кладовушки — всё, что вздумается; и подошла она, наконец, к старой башне. Она взошла по узкой витой лесенке в ту башню и очутилась у небольшой двери. А в замке торчал заржавленный ключ; повернула она его, дверь распахнулась,

видит — сидит там в маленькой светёлке у веретена старуха и прилежно прядёт пряжу.

— Здравствуй, бабушка, — молвила королевна, — что ты тут делаешь?

— Пряжу пряду, — отвечала старуха и кивнула ей головой.

— А что это за штука такая, что так весело вертится? — спросила девушка, взяла веретено и хотела было тоже приняться за пряжу.

Но только она прикоснулась к веретену, как исполнился наговор, и она уколола веретеном палец. И в тот миг, когда она почувствовала укол, она упала на постель, что стояла в светёлке, и погрузилась в глубокий сон.

И сон этот распространился по всему замку; король и королева, которые только что вернулись домой и вошли в зал, тоже уснули, а вместе с ними и все придворные. Уснули и лошади в стойлах, и собаки на дворе, голуби на крыше, мухи на стенах; даже огонь, пылавший в печи, и тот замер и уснул, и жаркое перестало шипеть и поджариваться, а повар, схвативший было за волосы поварёнка за то, что тот чего-то недоглядел, отпустил его и тоже уснул. И ветер утих, и не шелохнулся ни один листик на деревьях около замка.

И стала расти вокруг замка колючая терновая заросль; с каждым годом она становилась всё выше и выше и окружила, наконец, весь замок. Она выросла выше самого замка, и в этой заросли его стало совсем не видно, и даже флага на вышке нельзя было заметить.

И пошла по стране молва о прекрасной спящей королевне, которую прозвали Шиповничек, и вот стали наезжать туда от времени до времени разные королевичи и пытались пробраться через густую заросль в замок. Но было это невозможно, так как шипы держались крепко один за один, точно взявшись за руки, — и юноши запутывались в заросли и, зацепившись о шипы, не могли больше из них вырваться и погибали мучительной смертью.

После многих и долгих лет явился опять в ту страну один королевич, и услышал он от одного старика о колючей заросли и о замке, где вот уже сто лет как спит сказочная красавица-королевна, по прозванию Шиповничек; и спят с ней заодно король и королева и все придворные. Старик ещё рассказал ему о том, что слышал от своего деда, будто приходило уже немало королевичей, которые пытались пробиться сквозь колючую заросль, но все они остались там, зацепившись за шипы, и погибли жалкою смертью. И сказал тогда юноша:

— Я этого не боюсь, я хочу отправиться туда и увидеть прекрасную королевну Шиповничек.

Добрый старик стал его отговаривать, чтобы он туда не ходил, но он совета его не послушался.

А к тому времени как раз минуло сто лет, и настал день, когда королевна Шиповничек должна была снова проснуться. Подошёл королевич к колючей заросли, поглядел, видит — растут там вместо терновника красивые цветы, — они сами раздвинулись перед ним, и опять сомкнулись, и стали снова изгородью. Он увидел на дворе лошадей и рыжих гончих, что лежали и спали; сидели на крыше голуби, спрятавши головы под крыло.

Он вошёл в замок и увидел, что спят на стене мухи, а повар на кухне всё ещё протягивает руку, будто собирается схватить за волосы поварёнка, и сидит стряпуха перед чёрной курицей, которую она должна ощипать.

Пошёл он дальше и увидел, что в зале лежат и спят все придворные, а наверху возле трона лежат король с королевой. И пошёл он дальше, и всё было так тихо, что слышно было ему даже его собственное дыхание.

Подошёл он, наконец, к башне и отворил дверь маленькой светёлки, где спала Шиповничек. Она лежала и была так прекрасна, что он не мог оторвать от неё глаз; и он нагнулся к ней и поцеловал её. И только он к ней прикоснулся, открыла Шиповничек глаза, проснулась и ласково на него поглядела. И они сошли вместе с башни.

И вот проснулись король с королевой и все придворные, и они удивлённо посмотрели друг на друга. Поднялись лошади на дворе и стали отряхиваться. Вскочили гончие собаки и замахали хвостами. Голуби подняли на крыше свои головки, огляделись и полетели в поле. Мухи стали ползать по стене. Огонь в кухне поднялся тоже, запылал и стал варить обед; жаркое начало снова жариться и шипеть. А повар дал такую затрещину поварёнку, что тот так и вскрикнул; а стряпуха стала поскорей ощипывать курицу.

И отпраздновали тогда пышную свадьбу королевича с королевной Шиповничек, и жили они счастливо до самой смерти.

Ранец, шапочка и рожок

ИЛИ когда-то три брата. Стали они всё беднеть и беднеть, и, наконец, так обеднели, что пришлось им совсем голодать, — не было у них даже и куска хлеба на пропитание. Вот они и говорят:

— Так жить больше нельзя; уж лучше мы пойдём по свету счастья искать.

Они собрались в путь и прошли уже далеко, много дорог и тропок происходили, но счастья нигде так и не нашли. Вот попали они раз в дремучий лес, а посреди него стояла гора; подошли ближе, видят — а гора-то вся из серебра. И говорит старший:

— Ну вот я и нашёл своё счастье желанное, а большего я не хочу. — Набрал он серебра столько, сколько был в силах нести, повернул назад и домой воротился.

А двое других говорят:

— От счастья мы хотим большего, чем одно лишь серебро, — и они не взяли его и двинулись дальше.

Шли они несколько дней и пришли к горе, была она вся золотая. Остановился второй брат, подумал и не знал, как ему поступить.

— Что мне делать? — говорит он. — Взять ли мне золота, чтоб на всю жизнь хватило, или дальше идти?

Наконец он решился и набил все карманы золотом, простился со своим братом и домой воротился.

А третий сказал:

— Что мне серебро да золото! Не хочу я отказываться от своего счастья, — может, выпадет мне на долю что-нибудь получше.

Он двинулся дальше, прошёл ещё три дня и попал в лес, был он куда побольше, чем прежние, и не было ему ни конца, ни края; и не мог он там ничего найти, чтоб поесть и попить, и начал уже из сил выбиваться.

Тогда он взобрался на высокое дерево — поглядеть, не будет ли видно сверху, где тому лесу конец; но куда он ни смотрел, видны были одни лишь вершины деревьев. Тогда он спустился с дерева, но его мучил голод, и он подумал: «Ах, если б поесть мне ещё хоть разок». Только он слез с дерева, видит, что стоит под деревом стол, и на нём поставлены разные кушанья, и поднимается от них пар.

— Ну, на этот раз, — сказал он, — моё желание исполнилось вовремя, — и, не допытываясь, кто это принёс еду, кто её приготовил, он сел за стол и ел с удовольствием, пока не утолил голод.

Он кончил есть и подумал: «Жаль, что такая хорошая скатёрка пропадёт здесь в лесу», — он сложил её и сунул в карман.

Он пошёл дальше, и к вечеру, когда он опять почувствовал голод, ему захотелось испробовать свою скатерть. Вот разложил он её и говорит:

— Хочу, чтоб ты была опять вся уставлена хорошими кушаньями!

И только он вымолвил своё желанье, как появилось на ней множество блюд с прекраснейшими кушаньями, сколько места хватило.

— Теперь я вижу, — сказал он, — в какой кухне варят мне пищу; ты мне дороже, чем целая гора серебра и золота. — Он понял, что это скатерть-самобранка.

Но чтоб вернуться домой спокойно, скатерти-самобранки ему было мало: ему хотелось постранствовать ещё по белу свету и попытать счастья. Встретил он раз вечером в дремучем лесу чумазого угольщика; тот обжигал уголь, и варилась у него на огне к ужину картошка.

— Добрый вечер, чёрный дрозд, — сказал он, — как ты тут один живёшь-поживаешь?

— Да изо дня в день одно и то же, — ответил угольщик, — каждый вечер — картошка; хочешь со мною поесть — будешь гостем моим.

— Спасибо, — ответил странник, — но я не хочу отнимать у тебя твоего ужина: на гостя ты не рассчитывал; а вот если тебе угодно, то я тебя приглашаю на ужин.

— А кто же тебе приготовит ужин? — спросил угольщик. — Я вижу, что у тебя с собой ничего нету; а тут и два часа пройдёшь — никого не встретишь, кто мог бы дать тебе что-нибудь поесть.

— А еда всё-таки будет, — ответил странник, — да ещё такая вкусная, какой ты ни разу не пробовал.

И вот достал он из ранца свою скатерть, разложил её на земле и говорит:

— Скатерть, накройся! — И тотчас появилось жареное и варёное, и было оно горячее, словно только что из кухни принесено.

Угольщик вытаращил глаза, но долго просить себя не заставил, подсел к еде и стал запихивать в свой чёрный рот куски, какие побольше. Когда они поели, ухмыльнулся угольщик и говорит:

— Послушай, а скатёрка-то твоя мне нравится; она была бы мне в лесу подходящей, ведь тут никто не сварит тебе никогда чего-нибудь вкусного. Давай меняться. Вон висит у меня в углу солдатский ранец; хоть он и старый и на вид неказистый, зато таятся в нём чудесные силы; мне он, пожалуй, больше не нужен, и я готов обменять его на скатёрку.

— Но сперва мне надо узнать, какие в нём чудесные силы таятся, — сказал странник.

— А я тебе расскажу, — ответил угольщик: — вот как ударишь ты по нему рукой, то явится тотчас ефрейтор с шестью солдатами, вооружёнными с ног до головы, и что ты им ни прикажешь, то они и сделают.

— Что ж, — сказал странник, — я, пожалуй, готов поменяться, — и он отдал угольщику скатерть, снял со стены ранец, повесил его себе на спину и попрощался.

Прошёл он часть пути, и захотелось ему испытать чудесную силу своего ранца, он хлопнул по нему рукой, и вмиг перед ним явилось семеро воинов, и ефрейтор сказал:

— Что прикажете, мой сударь и господин начальник?

— Отправляйтесь ускоренным маршем к угольщику и потребуйте у него назад мою скатерть-самобранку.

Они сделали «налево кругом» и вскоре принесли то, что он приказал,— они отобрали у угольщика, не долго спрашивая, скатерть-самобранку.

Затем он приказал им вернуться назад в ранец и отправился дальше, надеясь, что счастье ему улыбнется ещё больше. На заходе солнца пришёл он к другому угольщику, который готовил себе на костре ужин.

— Хочешь поужинать вместе со мной,— спросил его чумазый парень,— с солью картошки, а сала ни крошки, так подсаживайся ко мне ближе.

— Нет,— ответил странник,— уж будь ты у меня на этот раз гостем,— и он разостлал свою скатёрку; и появились на ней тотчас самые прекрасные кушанья. Сели они рядом, стали пить, и развеселились.

Угольщик поел и говорит:

— Да, вот лежит у меня наверху на полке старая, поношенная шапка, но у неё чудесные свойства: стоит её надеть да повернуть на голове, и вмиг явятся пушки, и будет наведено их целых двенадцать в ряд, и они всё перестреляют,— никто перед ними не устоит. Шапка-то эта мне не нужна, а за твою скатерть я бы охотно её тебе отдал.

— Что ж, это, пожалуй, подходит,— ответил парень, взял шапку, надел её, а угольщику оставил свою скатёрку.

Прошёл он часть дороги и ударил о свой ранец, и его солдаты доставили ему назад скатёрку. «Одно к одному подходит,— подумал он,— но

мне кажется, что счастье моё ещё впереди». И надежды его не обманули.

Прошёл он ещё день и пришёл к третьему угольщику; этот тоже пригласил его, как и те, отвесть его картошки без сала. Но он пригласил его поесть с ним на скатерти-самобранке, и это так пришлось угольщику по вкусу, что он предложил ему рожок, который обладал совсем иными свойствами, чем шапочка. Если на этом рожке заиграть, то рухнут все стены и крепости и обратятся все города и деревни в развалины. И вот, хотя он и отдал угольщику за рожок скатёрку, но тотчас велел своим солдатам её снова вернуть. Наконец оказались у него и ранец, и шапочка, и рожок.

— Теперь, — сказал он, — у меня, пожалуй, есть всё; пора и домой возвращаться и поглядеть, как моим братьям живётся.

Воротился он домой, а братья тем временем выстроили себе за серебро и золото прекрасный дом и жили в нём припеваючи. Он вошёл к ним в дом в потрёпанной куртке, на голове старая, поношенная шапчёнка да старый ранец за плечами, — они его и за брата своего признать не хотели. Стали над ним насмехаться и говорят:

— Ты вот себя нашим братом считаешь, а серебром да золотом пренебрёг и пожелал себе бóльшего счастья. Нет, наш брат явится окружённый пышностью и богатством, уж наверняка могущественным королём, а не каким-то нищим, — и прогнали они его со двора.

Тут разгневался он и начал бить по своему ранцу до тех пор, пока не стали перед ним в шеренгу сто пятьдесят солдат. Он велел им окружить дом своих братьев, а двум солдатам приказал взять прутья и начесать кожу двум гордецам, пока те не признают, кто он такой. Поднялась сильная суматоха, посбежались люди, чтобы помочь братьям в беде, но с солдатами никак не могли справиться. Наконец доложили о том королю, и был король недоволен и велел выслать своего начальника с отрядом солдат, чтобы выгнать из города нарушителей порядка; но у человека, обладавшего францем, оказался вскоре куда больший отряд, и он заставил отступить королевского начальника и его солдат с разбитыми носами назад. И король сказал:

— Этого беглого вора надо, однако, поймать.

На другой день он выслал против него бóльший отряд, но успех был ещё меньший. Тот выставил против него солдат ещё больше и, чтобы поскорее покончить с королевским отрядом, он повернул на голове раз-другой свою шапчонку — и начали палить тяжёлые пушки, и королевские солдаты были разбиты и обращены в бегство.

— А теперь я не заключу мира, — сказал он, — пока король не отдаст мне дочь свою в жёны и пока не буду я управлять всей страной.

Об этом он велел известить короля, и тот сказал своей дочери:

— Что теперь делать? Придётся выполнить то, что от требует. Если желать сохранить мир и корону на голове, то мне ничего не остаётся другого, как выдать тебя за него замуж.

И вот отпраздновали свадьбу; но молодой королеве было обидно, что муж у неё простой человек, носит потрёпанную шапчонку, за плечами

старый ранец. Ей очень хотелось от него избавиться, и она думала день и ночь, как бы это ей сделать.

И вот она надумала: «А не в этом ли ранце кроется вся его чудесная сила?» — и она притворилась такой ласковой, разжалобила его и говорит:

— Снял бы ты свой старый ранец, он тебя так безобразит, что мне приходится за тебя краснеть

— Моя любушка, — ответил он, — этот ранец и есть самое моё большое сокровище; пока он у меня, я не боюсь ничего на свете, — и он объяснил ей, какой волшебною силой тот обладает.

Тут бросилась она ему на шею, будто желая его расцеловать, а в это время ловко сняла у него с плеч ранец и, схватив его, убежала.

Когда она оказалась одна, она ударила по ранцу и приказала солдатам схватить и связать их прежнего хозяина и выгнать его из королевского дворца. Они повиновались, и тогда коварная жена вызвала ещё солдат, чтобы прогнали они его вовсе из королевства. И пришлось бы ему погибнуть, если б не осталось у него шапочки. Только удалось ему освободить руки, повернул он на голове несколько раз шапочку, — и тотчас начали гроыхать пушки, всё было разгромлено, и пришлось самой королеве идти к нему и просить у него пощады. Она так ласково его просила и обещала исправиться, что, наконец, уговорила его заключить мир. И притворилась она такой любящей, что сумела вскоре его одурачить, и он рассказал ей, что если кто и захватит у него ранец, то всё же его одолеть нельзя до тех пор, пока находится у него эта старая шапочка.

Узнав эту тайну, она выждала, пока он уснул, забрала у него шапочку и велела вытолкать его на улицу. Но остался у него ещё рожок; и вот, сильно разгневавшись, стал он дуть в него изо всех сил. И вмиг рухнуло всё — стены и крепость, города и деревни, и были убиты при этом король с королевой. И не перестань он дуть в свой рожок, обратилось бы всё в развалины и не осталось бы и камня на камне.

И вот с той поры никто уже больше не осмеливался выступить против него, и стал он королём над всей страной.

Веретёнце, челнок и иголка

ЖИЛА-БЫЛА девушка; отец и мать у неё умерли, когда она была ещё совсем маленьким ребёнком. А на краю деревни жила в избушке её крестная мать; она зарабатывала себе на хлеб тем, что пряла, ткала и шила. Старуха приняла к себе в дом сироту, научила её работать и воспитала в скромности и послушании. Когда девушке исполнилось пятнадцать лет, старуха заболела; она подозвала к постели девушку и говорит:

— Милая моя дочка, я чувствую, что близок мой конец. Я оставляю

тебе эту избушку, — будет где от ветра и непогоды укрыться; да ещё веретёнце, челнок и иголку, — вот и сможешь ты всегда на хлеб заработать.

Она возложила руки на голову дочери, благословила её и сказала:

— Помни в сердце своём всегда о боге, и будет тебе хорошо.

Затем она закрыла глаза и умерла. Когда её хоронили, девушка шла за пробом, горько плача, и воздала ей последний долг.

Стала девушка с той поры жить одна-одинёшенька в маленькой избушке; к работе она была прилежна: пряла, ткала и шила; и во всём, что она делала, было благословение доброй старухи. И было так, что лён у неё в каморке никогда не переводился, а становилось его всё больше; если соткёт она кусок полотна, или ковёр сделает, или рубашку сошьёт, то тотчас находился и покупатель, плативший ей щедро, и она никогда не испытывала нужды и могла ещё кое-чем с другими людьми поделиться.

На ту пору по той земле путешествовал королевич, ища себе невесту. Бедную девушку брать ему не полагалось, но и богатой он тоже не хотел. И он сказал:

— Та будет моею женой, кто самая бедная, и в то же время и самая богатая.

Приехав в деревню, где жила девушка, он стал расспрашивать, как делал это он всюду, кто тут самая бедная и самая богатая. Ему сначала называли богатую; а самая бедная, это та, мол, девушка, что живёт на краю деревни. Богатая сидела на пороге дома в праздничном наряде, и когда королевич подошёл к ней, она встала, пошла к нему навстречу и низко ему поклонилась. Он её оглядел, ни слова не молвил и поскакал дальше. Когда он подъехал к избушке бедной девушки, то её у дверей не было, она сидела в своей комнатке.

Он остановил коня и увидел в окошке, в которое светило яркое солнце, девушку, что сидела за прялкой и усердно работала. Она посмотрела и, заметив, что на неё загляделся королевич, вся зарделась, опустила глаза и продолжала прясть. Уж не знаю, не ведаю, была ли на этот раз нитка ровная, но она пряла до тех пор, пока королевич не уехал.

Потом она подошла к окошку, отворила его и сказала:

— А в комнате-то как жарко стало, — и она смотрела ему вслед, пока видны были белые перья на его шляпе.

Села девушка в своей каморке снова за работу и продолжала прясть. И пришли ей на память слова, которые не раз ей повторяла старуха, сидя за работой, и она стала тихо напевать:

Веретёнышко, скакни,
Женишка мне приведи!

И что же тогда случилось? — Вмиг выпрыгнуло веретёнце у неё из рук и покатилося прямо в дверь. Когда она от изумленья встала, чтоб поглядеть, куда оно укатилось, она увидела, что оно весело запрыгало по полю, таща за собой блестящую золотую нитку. И вскоре оно скрылось из виду. У девушки веретёнца больше не было, и она взяла тогда в руки челнок, села за ткацкий станок и принялась ткать.

А веретено запрыгало,
покатилось дальше, и
только нитка кончилась,
докатилось оно к короле-
вичу.

— Что я вижу? — воскликнул он. — Пожалуй, веретено хочет указать
мне дорогу?

Он повернул коня и поскакал за золотой ниткой назад. А девушка в
то время сидела за своей работой и пела:

Челночек мой, тки живей,
Жениха води скорей!

И тотчас выскочил челнок у неё из рук и прыгнул прямо к дверям.
На пороге он стал ткать ковёр, да красоты прямо невиданной. По краям
того ковра зацвели розы и лилии; посередине, на золотом поле, поды-
мались зелёные стебли, и прыгали меж ними зайцы да кролики, олени и
лани протягивали головы, а наверху сидели на ветвях пёстрые птицы, и
казалось, что вот-вот они запоют. А челночек бежал взад и вперёд, и всё
как будто росло само собой.

Но вот челнок убежал, и девушка принялась тогда за шитьё; она дер-
жала в руке иголку и пела:

Ты, иголочка, игла,
Дом укрась для женишка!

Вдруг выскользнула у неё из рук иголка и стала летать по комнате, да
так быстро, прямо как молния. Казалось, что никак не иначе, а работают
тут незримые духи; и покрылись вмиг стол и скамьи зелёным сукном, а
стулья — бархатом, а на окнах появились шёлковые занавески.

Только сделала иголка последний стежок, увидела девушка в окошке белые перья на шляпе у королевича, — его привело сюда веретено своей золотою нитью.

Он встал с коня, ступил по ковру в дом, и только зашёл он в комнату, встала девушка, одетая в бедное своё платье, но она пылала в нём, точно роза на кусте.

— Ты самая бедная, но ты самая богатая, — молвил он ей, — пойдём со мною, и будешь ты моей невестой.

Она молча протянула ему руку. Тогда он поцеловал её, вывел из дому, усадил на коня и привёз её в королевский дворец, где они отпраздновали весёлую свадьбу.

А веретёнце, челнок и иголка отданы были на сохранение в королевскую сокровищницу, где и находятся в великом почёте.

Умная Гретель

ЖИЛА-БЫЛА кухарка, звали её Гретель; носила она башмаки на красных каблуках, и как выйдет, бывало, в них из дому, повернётся то в одну, то в другую сторону, обрадуется и подумает: «А я, однако, девушка красивая». Вернётся домой, хлебнёт на радостях глоток вина, а после того, конечно, и есть захочется, вот и начнёт она пробовать самое вкусное, что готовит к обеду; всё поперепробует, пока не наестся вдоволь, а потом скажет:

— Ведь кухарка должна знать, вкусная ли пища.

Вот раз хозяин ей и говорит:

— Гретель, нынче ко мне гость придёт; зажарь мне две курицы, да смотри, чтоб повкусней вышло.

— Ладно, хозяин, я уж сготовлю, — ответила Гретель.

Зарезала она кур, обварила их кипятком, ощипала, насадила на вертел и понесла их в печь жариться, а дело было уже под вечер. Начали куры поджариваться и были совсем готовы, а гость всё не являлся. Вот и говорит Гретель хозяину:

— Если гость не придёт, то надо кур из печи вынуть, какая будет досада, если их тотчас не съесть, ведь они-то сейчас в самом соку!

Хозяин говорит:

— Ну, раз так, то я сам побегу за гостем.

Только хозяин ушёл, оставила Гретель вертел с курами в сторону, а сама подумала: «Если долго придётся стоять у печки, то ещё вспотеешь и пить захочется; почём знать, когда они там явятся, — сбегая-ка я в погреб и перехвачу глоточек».

Спустилась она в погреб, подставила кружку и говорит:

— Да поможет тебе господь бог, Гретель,— и хлебнула порядочный глоток.— Вино к вину тянет,— молвила она,— не хорошо отрываться,— и выпила ещё порядочный глоток. Пришла она и поставила кур снова на огонь, помазала их маслом и стала весело поворачивать вертел. А жаркое пахло так вкусно, что Гретель подумала: «Мне будто чего-то недостаёт, надо бы кур отведать!» — потрогала она пальцем, лизнула и говорит:

— Ой, какие вкусные куры! Прямотаки грешно не есть их теперь же!

Подбежала она к окошку поглядеть, не идёт ли хозяин с гостем, видит — нет никого. Подошла она снова к курам и подумала: «Одно крылышко подгорело, будет лучше, если я его съем». Отрезала она его, съела, и как же оно ей по вкусу пришлось! Съела она и подумала: «Надо будет и другое отрезать, а не то хозяин заметит, что чего-то недостаёт». Съела она оба крылыш-

ка, и пошла опять поглядеть, не идёт ли хозяин, но видит, что его нету. «Кто знает,— пришло ей в голову,— может, они и вовсе не придут; пожалуй, куда-нибудь зашли». Вот она и говорит:

— Эй, Гретель, будь веселей, одна уже начата, выпей-ка ещё добрый глоток вина и съешь всю её целиком, а как съешь всё, то и успокоишься: чего божьему дару пропадать!

Она сбегала ещё раз в погреб, хлебнула порядочный глоток и на радостях съела курицу. Не стало одной курицы, а хозяин домой всё не возвращается. Посмотрела Гретель на другую курицу и говорит:

— Где одно, там и другое,— одно к одному приходится. Что правильно для одного, то и для другого справедливо; я так полагаю: ежели выпить ещё разок, то от этого никакого вреда не будет.

Хлебнула она ещё порядочный глоток и вслед за первой покончила и со второй курицей.

Наелась она вволю, а тут приходит хозяин и говорит:

— Ну, Гретель, живей, сейчас гость придёт.

— Ладно, хозяин, я уж всё приготавливаю, — ответила Гретель.

Посмотрел хозяин, накрыт ли как следует стол, взял большой нож, чтобы кур разрезать, и начал его тут же точить. Приходит как раз в это время гость, стучится вежливо и тихонько в дверь. Гретель бежит посмотреть, кто там такой; увидела она гостя, приложила палец к губам и говорит ему:

— Тише! Тише! Скорей убирайтесь отсюда; если хозяин вас поймает, то плохо вам придётся. Он хотел вас пригласить на ужин, но у него одно на уме: как бы вам уши отрезать. Слышите, вот он и нож для этого точит.

Услыхал гость, что нож натачивают, и давай бежать со всех ног с лестницы. А Гретель, не будь ленива, бросилась к хозяину с криком:

— Хорошего вы гостя пригласили, нечего сказать!

— Гретель, а что такое? Что ты говоришь?

— Да вот,— говорит,— выхватил он из миски обе курицы, которых я только что подавать собралась, и убежал с ними.

— Вот так-так! — сказал хозяин, и жаль ему стало хороших кур.— Хотя бы одну мне оставил на ужин.

И он крикнул вслед гостю, чтобы тот остановился, но гость сделал вид, будто ничего не слышит. Кинулся хозяин вслед за ним, как был, с ножом в руке, и закричал:

— Одну только! Одну только! — желая этим сказать, чтоб гость оставил ему хотя бы одну курицу и не брал бы обеих; а гостю показалось, что тот требует дать ему одно ухо, и как угорелый бросился домой, чтобы как-нибудь да спасти свои уши.

Фридер и Катерлизхен

ЖИЛ-БЫЛ человек, звали его Фридер, и была девушка, звали её Катерлизхен; вот поженились они и стали жить вместе, как молодые муж и жена. Однажды говорит Фридер:

— Я поеду на поле, а ты, Катерлизхен, приготовь к моему возвращению чего-нибудь поесть, чтоб голод заморить, да свежего пива глоток, чтоб жажду утолить.

— Ступай, Фридерхен,— отвечала Катерлизхен,— ступай, я всё тебе приготовлю.

Подошло время обедать, и достала она из трубы копчёную колбасу, взяла сковородку, положила на неё масла и поставила её на огонь. Начала колбаса поджариваться и шипеть, а Катерлизхен стоит, держит сковородку за ручку и думает: «Пока колбаса изжарится, надо бы сходить в погреб да пива нацедить». Поставила она сковородку на огонь, взяла кружку, спустилась в погреб и стала наливать пиво. Бежит пиво в кружку; смотрит Катерлизхен, и вдруг ей приходит в голову: «Эх, а собака-то ведь не привязана; чего доброго, она колбасу со сковородки стащит. Хорошо, что я ещё во-время вспомнила»,— и вмиг выбежала она из погреба.

Но дворняжка тем временем схватила уже колбасу и тащит её по двору. А Катерлизхен, не будь ленива, погналась за собакой; гонит она её по полю. А собака-то была куда попроворней, чем Катерлизхен: колбасы изо рта не выпускала и стала удирать со всех ног. «Ну, что пропало, то

пропало!»— сказала Катерлизхен, вернулась назад, а так как бежать она утомилась, то стала идти медленней, чтобы отдышаться.

А в это время пиво всё бежало и бежало из бочки,— кран-то ведь Катерлизхен завернуть позабыла; и когда кружка наполнилась до самого края, начало пиво литься на пол, и лилось оно до тех пор, пока вся бочка не вылилась. Уже на лестнице Катерлизхен увидела, что за беда приключилась. «Вот так-так! — воскликнула она. — Что же мне теперь делать, чтобы Фридер не заметил?» Она подумала и, наконец, вспомнила, что стоит у ней на чердаке мешок хорошей пшеничной муки, купленный ещё в прошлом году на ярмарке, и она решила снести его в погреб и посыпать мукой там, где разлилось пиво.

«Да,— сказала она,— кто во-время что берегает, тому оно в беде помогает»,— полезла она на чердак, притащила мешок с мукой и бросила его как раз на кружку с пивом; опрокинулась кружка, и разлилось пиво на пол. «Правильно говорится,— сказала Катерлизхен,— что беда беду погоняет»,— и стала она рассыпать муку по всему погребу. Сделав это, она осталась своей работой очень довольна и сказала: «Как стало здесь, однако, чисто и хорошо».

В полдень воротился Фридер домой.

— Ну, жена, что ж ты мне на обед приготовила?

— Ах, Фридерхен,— ответила она,— хотела я тебе колбасы изжарить, да стала пиво к обеду наливать, а собака колбасу со сковородки стащила; пока я за собакой гналась, всё пиво из бочки выбежало; хотела я пиво мукой присыпать, да кружку с пивом опрокинула; но ты будь спокоен — в погребе уже сухо.

И сказал Фридер:

— Ах, Катерлизхен, Катерлизхен, не надо было так делать! Можно ли было оставлять колбасу, чтоб собака её стащила, а пиво из бочки выбежало, да ещё засыпать его самой лучшей мукой.

— Да ведь я же, Фридерхен, не знала, ты бы мне раньше об этом сказал.

Муж подумал: «Если и дальше будут с моей женой такие случаи приключаться, то придётся мне самому кое-что придумать».

Он скопил круглую сумму талеров, обменял их на золото и говорит Катерлизхен:

— Видишь, эти вот жёлтые кружочки спрячу я в кубышку и закопаю в хлеву под коровьими яслями. Но ты смотри, кубышки этой не трогай, а не то плохо тебе будет.

— Нет, Фридерхен, я трогать её не стану,— ответила Катерлизхен.

Вот раз мужа не было дома, а в это время явились в деревню купцы продавать глиняные горшки и миски, и они спросили молодую женщину, не купит ли она у них чего из их товара.

— Да вот, милые люди,— говорит им Катерлизхен,— денег-то у меня нету, купить мне не на что; если вам нужны жёлтые кружочки, то я, пожалуй, тогда и купила бы что-нибудь.

— Жёлтые кружочки пожалуй что и пригодятся, а покажи-ка их нам.

— А вы ступайте в хлев да поройтесь, они закопаны под коровьими яслями, вот там и найдёте жёлтые кружочки, а мне с вами вместе итти туда никак нельзя.

Вошли плуты-продавцы в хлев, стали там копать и нашли чистое золото. Схватили они его и убежали, а свои горшки да миски в доме оставили. Катерлизхен подумала, что новая-то посуда ей пригодится; а было её в кухне у неё достаточно, и вот повыбивала она у всех горшков доньшки и нацепила горшки на заборные столбы вокруг дома вместо украшения.

Воротился Фридер домой, увидел такую обнову и говорит:

— Катерлизхен, что это ты наделала?

— Да я купила их, Фридерхен, за те жёлтые кружочки, что спрятаны были под коровьими яслями; сама я туда не ходила, торговцы их сами выкопали.

— Ах, жена, жена,— говорит Фридер,— что же ты наделала! Да ведь это ж были не жёлтые кружочки, было то чистое золото — всё наше богатство; разве можно было так делать?

— Фридерхен, да ведь я,— говорит жена,— об этом не знала. Надо было мне раньше о том сказать.

Катерлизхен постояла, подумала и говорит:

— Послушай, Фридерхен, ведь золото можно назад вернуть, давай побежим за ворами.

— Что ж,— говорит Фридер,— давай попробуем; только захвати с собой хлеба и сыру, чтоб было чем в дороге закусить.

— Ладно, Фридерхен, я возьму.

Отправились они в погоню, и так как Фридер ходил быстрее, то и шёл он впереди Катерлизхен.

«А мне ещё лучше,— подумала она,— когда надо будет домой возвращаться, я окажусь впереди». Вот подошла она к горе, где по обеим сторонам дороги были глубокие рывины. «Гляди-ка,— молвила Катерлизхен,— как они землю-то всю поизрезали, поизрыли, измяли. За весь свой век она никогда не заживёт». А было сердце у неё жалостливое, взяла она масло и намазала им колеи справа и слева, чтоб колёса не так их давили; нагнулась она, их жалеючи, а сыр у неё из сумки и выпал и покатился с горы.

Говорит Катерлизхен: «Ну, раз уж взобралась я на гору, то вниз за тобой спускаться не стану, пусть уж другой за ним побежит и приведёт его назад». Взяла она другой сыр и скатила его вниз. Но сыры назад не вернулись. Тогда сбросила она и третий сыр и подумала: «Может быть, они ждут третьего,— одни не хотят возвращаться?» А три сыра всё не возвращаются и не возвращаются; вот она и говорит: «Не знаю, что тут и подумать. Пожалуй, третий не нашёл дороги да заблудился; надо будет послать за ним четвёртый, чтоб позвал он их назад». Но и с четвёртым сыром случилось то же, что и с третьим.

Рассердилась тогда Катерлизхен, сбросила вниз и пятый, и шестой, а они были у неё последние. Некоторое время стояла она и ждала, не вер-

нутя ли они назад, а они всё не возвращались; тогда она и говорит: «О, вас хорошо бы за смертью посылать; долго вы что-то ходите; небось, думаете, что я буду вас тут дожидаться? Я пойду, а вы уж меня сами нагоните, ноги-то у вас помоложе моих будут».

И Катерлизхен ушла и нашла Фридера; он стоял, её дожидался,— есть ему очень захотелось.

— Ну, дай-ка мне чего-нибудь поесть.— Она подала ему сухой хлеб.

— А где же масло и сыр?— спрашивает муж.

— Ах, Фридерхен,— говорит Катерлизхен,— маслом я колеи намазала, а сыры, те скоро вернутся; один у меня из сумки выкатился, я и послала за ним вдогонку другие, чтоб позвали они его назад.

Говорит Фридер:

— Не надо было, Катерлизхен, так делать! Не надо было маслом дорогу намазывать и сыры с горы скатывать.

— Это правда, Фридерхен; чего же ты мне раньше о том не сказал?

Поели они сухого хлеба, а Фридер и спрашивает:

— А заперла ли ты дом, когда уходила?

— Нет, Фридерхен; отчего ты мне раньше о том не сказал?

— Так ступай домой, сначала дом запри, а потом уж пойдём дальше; да принеси чего-нибудь поесть, а я подожду тебя здесь.

Пошла Катерлизхен домой и думает: «Надо будет принести Фридерхену поесть чего-нибудь другого, сыр и масло ему, видно, не нравятся,— принесу-ка ему мешок сушёных груш да кружку уксуса. Заперла она на засов верхнюю дверь в доме, а нижнюю сняла с петель, взвалила её на плечи и пошла, думая, что если дверь возьмёт с собой, то в дом никто уж не заберётся. Катерлизхен идёт себе медленно, не торопясь и думает: «Пусть Фридерхен отдохнёт подольше». Подошла она к нему и говорит:

— Вот, Фридерхен, тебе и дверь от дома; теперь ты можешь сам дом сторожить.

— Ах, господи,— сказал он,— какая у меня умная жена! Нижнюю дверь сняла, чтобы всякий мог в дом забраться, а верхнюю заперла на засов. Теперь поздно уже домой назад возвращаться, а раз ты дверь сюда принесла, то и тащи её теперь сама дальше.

— Дверь-то, Фридерхен, я потащу, а сушёные груши да кружку уксуса мне будет нести тяжело. Повешу я их на дверь, пускай она их несёт:

Пошли они в лес, стали разыскивать плутов-продавцов, но не нашли их. Стало уже, наконец, в лесу темнеть; взобрались они на дерево и решились там заночевать. Только уселись они на верхушке дерева, как подошли к дереву люди, которые уносят то, что за ними само идти не хочет, и находят вещи, прежде чем кто-нибудь их потеряет. Они уселись как раз под дерево, на котором сидели Фридер и Катерлизхен, развели костёр, собираясь делить между собой добычу. Тогда Фридер спустился с дерева на другую сторону и набрал камней, а затем снова взлез на дерево и хотел убить воров насмерть. Стал он бросать в них камни, но всё не попадал, а

воры и говорят: «Скоро, пожалуй, начнёт светать, вот ветер сбивает уже с елей шишки».

А Катерлизхен всё держала дверь на плечах, но стало ей под конец тяжело, и подумала она, что виной тому сушёные груши, и говорит:

— Фридерхен, сброшу-ка я сушёные груши вниз.

— Нет, Катерлизхен, сейчас делать этого не надо, а то воры могут нас заметить.

— Ах, Фридерхен, я не могу, очень уж мне тяжело.

— Ну, так бросай, чёрт возьми!

И посыпались груши вниз сквозь ветки, а плуты-продавцы внизу и говорят: «Это птицы помёт сбрасывают». А дверь всё попрежнему давит плечи; тут вскоре Катерлизхен и говорит:

— Ах, Фридерхен, надо и уксус, пожалуй, вылить.

— Нет, Катерлизхен, не делай ты этого, не то они нас заметят.

— Ах, Фридерхен, я больше не могу, уж больно мне тяжело.

— Ну что ж, выливай, чёрт возьми!

Вылила она уксус и облила им плутов-продавцов. Вот они и говорят меж собой: «Это падает уже роса».

И подумала, наконец, Катерлизхен: «А не дверь ли это такая тяжёлая?» и говорит:

— Фридерхен, сброшу-ка я дверь.

— Нет, Катерлизхен, сейчас не надо этого делать, а то они нас заметят.

— Ах, Фридерхен, я не могу больше, уж больно мне тяжело.

— Нет, Катерлизхен, а ты держи покрепче.

— Ах, Фридерхен, я её уроню.

— Ну, — ответил Фридер сердито, — и роняй, чёрт возьми!

И упала дверь с грохотом вниз; а плуты-продавцы как закричат: «Чёрт спускается с дерева!» — да как бросятся бежать и всё, что было у них, побросали. На рассвете спустились Фридер и Катерлизхен с дерева и нашли внизу всё своё золото и понесли его домой.

Воротились они домой, а Фридер и говорит:

— Ну, Катерлизхен, теперь ты уж должна быть прилежной и хорошо работать.

— Ладно, Фридерхен, буду работать, — пойду на поле жать пшеницу.

Вышла Катерлизхен на поле и говорит про себя: «Поесть ли мне прежде, или жать, или сначала поспать, а потом уже жать? Э-э, поем я сначала». Поела Катерлизхен, а после еды ей спать захотелось; начала она жать, а была она сонная и порезала себе передник, юбку и рубашку. Вот очнулась ото сна Катерлизхен, встала полуголая и говорит про себя:

— Я ли это, или не я? Ах, нет, это не я.

А меж тем наступила ночь; побежала Катерлизхен в деревню, стала в окошко к мужу стучаться и кричать:

— Фридерхен!

— Что там такое?

— Скажи мне, дома ли Катерлизхен?

— Да, да,— ответил Фридер,— она дома, лежит и спит.

А она говорит:

— Хорошо, стало быть, я уж дома,— и убежала.

Встретила Катерлизхен на улице воров, они воровать собирались. Подходит она к ним и говорит:

— Я вам помогу воровать.

Воры подумали: «Она, должно быть, здешние места знает»,— и согласились. Катерлизхен подходила к домам и кричала:

— Люди добрые, есть ли у вас что? А то мы красть собираемся.

Подумали воры: «Так дело не пойдёт»,— и решили от Катерлизхен избавиться. Вот и говорят они ей:

— На краю деревни растёт у пастора в огороде репа, ступай туда и нарви нам её.

Пошла Катерлизхен на огород и начала рвать репу, села, и лень ей было подняться. А на ту пору шёл мимо прохожий, посмотрел он, остановился и подумал, что это сам чёрт, должно быть, тащит репу. Побежал он в деревню к пастору и говорит:

— Господин пастор, а в вашем огороде чёрт репу тащит.

— Ах, господи,— ответил пастор,— нога-то у меня хромая, не могу я пойти на огород и чёрта прогнать.

Прохожий предложил:

— А я вам вместо костыля буду,— и он повёл пастора на огород.

Приходят они на огород, а Катерлизхен в это время поднимается и встаёт во весь рост.

— Ох, да ведь это же чёрт!—закричал пастор, и как бросились они оба бежать! Ну, тут пастор со страху и хромать перестал, и бежал он со своей хромой ногой куда проворней, чем тот, кто привёл его на огород, на своих здоровых ногах.

Чёрт с тремя золотыми волосами

ЖИЛА однажды бедная женщина, вот родила она сыночка, родился он на свет в рубашке, и было ему предсказано, что на четырнадцатом году он женится на королевской дочери. И случилось, что вскоре после того прибыл в эту деревню король; но никто не знал, что это король, и когда он стал расспрашивать у людей, что тут у них нового, ему ответили:

— Да вот родился у нас на этих днях ребёнок в рубашке; что он ни задумает, во всём ему будет удача. И предсказано ему ещё, что на четырнадцатом году будто женится он на королевской дочери.

А было у короля сердце злое; разгневался он, узнав о таком предсказании, и пошёл к родителям ребёнка, прикинулся таким ласковым, таким добрым и говорит:

— Вы люди бедные, отдайте мне ребёнка, уж я о нём позабочусь.

Поначалу они отказывались, но когда этот чужой человек предложил им немало золота, они порешили: «Уж раз он родился счастливец, то будет это для него к лучшему», и они согласились и отдали ребёнка.

Положил король ребёнка в походный ларец и поскакал с ним на коне дальше. Подъехал он к глубокому омуту, бросил ларец в воду и подумал: «Вот я и спас свою дочь от непростого жениха». Но ларец не утонул, а поплыл, словно кораблик, и ни одна капля воды в него не просочилась. И отплыл он на две мили от королевской столицы, приплыл к мельнице и остановился у плотины. К счастью, стоял поблизости работник с мельницы, он заметил ларец и вытащил его багром на берег, думая найти в нём немалые сокровища; но когда он его открыл, то увидел, что лежит в нём красивый мальчик, здоровый и весёлый. Он принёс его к мельнику и его жене, и так как детей у них не было, то мельничиха обрадовалась и говорит:

— Это сам господь бог послал нам дитячко.— Стали они о найдёныше заботиться, и он вырос, воспитанный во многих добродетелях.

Но вот случилось однажды, что король, желая укрыться от грозы, зашёл на мельницу и, заметив рослого мальчика, спросил у мельника и его жены, не их ли это сын.

— Нет,— ответили они,— это найдёныш. Четырнадцать лет тому назад его принесло в ларце к нашей плотине, и работник вытащил его из воды.

Тогда король понял, что это не кто иной, как тот самый счастливец, которого он бросил в воду, и он сказал:

— А нельзя ли будет, люди добрые, послать его с моим письмом к королеве? Я дам ему за это в награду два золотых.

— Как прикажет король,— ответили мельник и мельничиха и велели юноше приготовиться в путь-дорогу.

И написал король письмо королеве, а было в нём сказано: «Как только этот мальчик прибудет с моим письмом, я приказываю его убить и закопать в землю; и сделать всё это надо до моего возвращения».

Отправился мальчик с этим письмом в дорогу, но в пути заблудился и попал под вечер в дремучий лес. В темноте он заметил огонёк, пошёл навстречу ему и очутился около избушки. Вошёл он туда, видит — сидит у очага старуха, а больше в избушке никого нету. Она увидела юношу, испугалась и говорит:

— Ты откуда и куда направляешься?

— Я иду с мельницы,— ответил он,— направляюсь к королеве, несу ей письмо; да вот заблудился в лесу и хотел бы у тебя переночевать.

— Бедный ты мальчик,— молвила старуха,— ведь ты попал в разбойничий притон; когда разбойники вечером вернутся домой, они тебя убьют.

— Ну, что ж, пускай приходит кто угодно,— сказал юноша,— я никого не боюсь; я так устал, что идти дальше не в силах.— И он лёг на лавку и уснул.

Вскоре явились разбойники и гневно спросили, почему тут лежит какой-то чужой мальчик.

— Ах,— сказала старуха,— да ведь это ж ещё совсем невинный младенец, он заблудился в лесу, и я из жалости его приютила; он должен доставить письмо королеве.

Распечатали разбойники письмо, прочитали его, а написано в нём было, что как только он явится, его надо немедленно убить. И вот почувствовали жестокие разбойники жалость, их атаман разорвал письмо и написал вместо него другое, где сказано было, что как только он явится, его тотчас должно обвенчать с королевской дочерью. Они оставили его спокойно спать на лавке до самого утра, а когда он проснулся, дали ему письмо и показали дорогу.

Королева, получив письмо и прочитав его, поступила так, как было в нём указано: она велела устроить пышную свадьбу, и королевна была повенчана со счастливецом. А так как юноша был красивый и ласковый, то жила она с ним в радости и довольстве.

Спустя некоторое время король вернулся в свой замок и увидел, что исполнилось предсказание и счастливец повенчан с его дочерью.

— Как же это случилось?— спросил он.— Ведь я в своём письме дал совсем другой указ.

Тогда королева подала ему письмо и сказала: пусть, мол, сам поглядит, что в нём написано. Прочитал король письмо и сразу заметил, что его подменили другим. Он спросил юношу, куда девалось доверенное ему письмо и почему он принёс вместо него другое.

— Я ничего об этом не знаю,— ответил он,— должно быть, его ночью подменили, когда я спал в лесу.

И сказал разгневанный король:

— Ну, это тебе не так-то легко удастся! Кто хочет получить дочь мою в жёны, тот должен добыть мне из ада три золотых волоса с головы чёрта, если принесёшь, что я требую, то останется моя дочь твоею женой.

Так думал король отделаться от него раз навсегда. Но счастливец ответил:

— Что ж, золотые волосы я вам добуду, чёрта я не боюсь.— На том он простился с королём и начал своё странствие.

И привела его дорога к одной столице. Городской привратник начал его выспрашивать, какое он ремесло знает и что умеет делать.

— Я всё умею делать,— ответил счастливец.

— Тогда окажи нам услугу,— сказал привратник,— объясни, отчего наш фонтан на рыночной площади, из которого прежде било вино, ныне иссяк и даже вода из него не течёт.

— Это я вам объясню,— ответил юноша,— подождите только, пока я назад вернусь.

И он отправился дальше и подошёл к другому городу; и опять спросил его привратник, какое ремесло он знает и что умеет делать.

— Я всё умею делать,— ответил он.

— Тогда окажи нам услугу и скажи, отчего дерево в нашем городе раньше давало золотые яблоки, а теперь на нём даже и листьев нету.

— Это я вам объясню,— ответил он,— только подождите, пока я назад вернусь.

Пошёл он дальше и пришёл к большой реке, и надо было ему через ту реку переправиться. Перевозчик спросил его, какое он ремесло знает и что умеет делать.

— Я всё умею делать,— ответил он.

— Тогда окажи мне услугу,— сказал перевозчик,— растолкуй мне, почему я должен всё время заниматься перевозом и никто меня никогда не сменит?

— Я это тебе объясню,— ответил он,— только подожди, пока я назад вернусь.

Переправился он через реку и отыскал вход в преисподнюю. А было там черным-чёрно и копотью всё покрыто, а чёрта на ту пору дома не оказалось, и только сидела там его бабушка в широком, большом кресле.

— Чего тебе надобно?— спросила она у него, и показалась она ему не такой уж злой.

— Да вот хотелось бы мне добыть три золотых волоса с головы чёрта,— ответил он,— а не то придётся мне со своей женой разлучиться.

— Однакож ты многого требуешь,— сказала она,— когда чёрт вернётся домой и увидит тебя здесь, то придётся тебе с жизнью своей расстаться. Но мне жалко тебя, я посмотрю — может, чем и смогу тебе помочь.— И она обратила его в муравья и сказала:— Заберись в складки моей юбки, там будет тебе безопасно.

— Да это-то хорошо,— ответил юноша,— но я хотел бы ещё получить ответ на три вопроса: почему фонтан, из которого прежде било вино, нынче иссяк и даже вода из него не течёт; почему на дереве, на котором прежде росли золотые яблоки, теперь даже листьев нету; и почему должен перевозчик всё время перевозить с берега на берег и никто его никогда не сменит?

— Это вопросы трудные,— ответила бабка,— но ты сиди смирно и слушай внимательно, что скажет чёрт, когда я стану вырывать у него три золотых волоса.

Вот наступил вечер, и воротился чёрт домой. Только вошёл он и, видно, сразу ж заметил, что воздух что-то нечистый.

— Чую, чую мясо человечье!— сказал он.— Тут что-то неладно.— Он заглянул во все углы, стал искать и обшаривать, но найти ничего не мог.

Тут стала бабушка его бранить:

— Да ведь здесь только что подметено,— говорит,— и всё в должный порядок приведено, а ты всё снова раскидываешь,— вечно ты чуешь носом человечье мясо. Садись-ка ты лучше да поужинай.

Поел он и попил, — видно, сильно устал, — и склонил голову на колени бабушке и попросил вшей в голове у него поискать. Тут вскоре он задремал, засопел и захрапел. Схватила тогда старуха один золотой волос, вырвала его и положила около себя.

— Ой! — вскрикнул чёрт. — Ты что делаешь?

— Да это мне дурной сон приснился, — ответила чёртова бабушка, — вот я и схватила тебя за волосы.

— Что ж тебе такое приснилось? — спрашивает чёрт.

— Приснился мне фонтан на рыночной площади, било из него прежде вино, а теперь он иссяк, и даже вода из него не течёт. Скажи, что причиной тому?

— Эх, если б знали они! — ответил чёрт. — Там сидит жаба под камнем, если её убить, то вино потечёт снова.

Стала чёртова бабушка опять в голове у чёрта вшей искать, тут он снова заснул и так захрапел, что даже стёкла в окнах задрожали. И вырвала она у него второй волос.

— Ух! Да что это ты делаешь? — вскрикнул разгневанный чёрт.

— Ты не сердись, — ответила она, — это я спросонок.

— А что ж тебе опять приснилось? — спрашивает он.

— Да приснилось мне, будто растёт в одном королевстве яблоня, прежде приносила она золотые яблоки, а теперь даже листьев на ней нету. Что причиной тому?

— Эх, если б они знали!— ответил чѣрт.— Её корни мышь подтачивает; если её убить, будет она снова родить золотые яблоки, а будет мышь и дальше прызть корни, то и вовсе она засохнет. Но оставь ты меня в покое со своими снами! Если ты ещё раз помешаешь мне спать, получишь пощёчину.

Тут стала бабушка ласково его успокаивать и принялась опять искать у него в голове, пока он не заснул и не захрапел. Тогда она схватила третий золотой волос и вырвала у него из головы. Тут чѣрт как подскочит, как закричит, хотел было уже с нею расправиться, но она снова его успокоила и сказала:

— Что с дурными снами поделаешь!

— Да что же тебе приснилось?— спросил он с любопытством.

— Снился мне перевозчик; жаловался он, что должен всё перевозить с берега на берег и никто его никогда не сменит. Что причиной тому?

— Эх, дурак же он!— ответил чѣрт.— Если кто подойдёт, чтоб через реку переправиться, пускай даст он ему в руки шест,— вот и должен будет другой стать перевозчиком, а он освободится.

Чѣртова бабушка, вырвав три золотых волоса и получив ответ на все три вопроса, оставила старого чѣрта в покое, и он проспал до самого утра.

Вот чѣрт снова ушёл, достала тогда старуха из складок своей юбки муравья и вернула счастливцу опять его человеческий образ.

— Вот тебе три золотых волоса,— сказала она,— а что ответил чѣрт на твои три вопроса, ты, пожалуй, и сам уже слышал.

— Да,— ответил счастливец,— я всё слышал и хорошо запомнил.

— Ну, вот я тебе и помогла,— сказала она,— а теперь ступай своей дорогой.

Поблагодарил он старуху за помощь в беде, вышел из ада и был доволен, что во всём ему так посчастливилось. Пришёл он к перевозчику и должен был дать ему обещанный ответ.

— Сперва перевези меня на тот берег,— сказал счастливец,— тогда я тебе скажу, как освободиться.— И когда они переправились на другой берег, он дал ему чѣртов совет: «Когда кто подойдёт опять к берегу и попросит его перевезти, ты сунь ему шест в руки».

Пошёл он дальше и пришёл в город, где росло бесплодное дерево и где городской привратник тоже ждал ответа. И сказал он ему то, что слышал от чѣрта: «Убейте мышь, грызущую корни дерева, и оно опять будет родить золотые яблоки». Поблагодарил его привратник и дал ему в награду за это двух навьюченных золотом ослов, которые должны были следовать за ним.

Наконец пришёл он в город, где перестал бить фонтан. И он передал привратнику то, что посоветовал чѣрт. «Надо найти жабу,— а сидит она под камнем в фонтане,— и её убить, и опять зайдёт из фонтана вино». Поблагодарил его привратник и дал ему тоже двух навьюченных золотом ослов.

Наконец счастливец воротился домой к своей жене, и она обрадовалась от всего сердца, что снова его увидела и узнала о том, что всё хоро-

шо ему удалось. И он принёс королю то, что тот от него требовал,— три золотых волоса с головы чёрта; и когда увидел король четырёх ослов, нагружённых золотом, то был и совсем доволен и сказал:

— Теперь все условия выполнены — пускай моя дочь остаётся твоею женой. Но скажи мне, любезный зятёк, откуда у тебя столько золота? Ведь это ж богатства немалые!

— Да переправлялся я через реку,— ответил он,— и лежало оно, словно песок на берегу, я и забрал его с собой.

— А нельзя ли и мне его добыть?— спросил король, и одолела его великая жадность.

— Да сколько вам будет угодно!— ответил счастливец.— Есть на той реке перевозчик, вы попросите его перевезти вас на другой берег, а там уж и набьёте себе полные мешки золотом.

И отправился жадный король второпях в путь-дорогу, прибыл к реке и дал знак перевозчику, чтобы тот перевёз его. Подъехал перевозчик и предложил ему сесть в лодку, и когда подъехали они к другому берегу, сунул тот ему в руки свой шест, а сам выскочил из лодки.

И с той поры должен был король в наказание за свои грехи сделаться перевозчиком.

— Что ж, перевозит он ещё и поныне?

— А то как же! Ведь никто шеста из рук у него не возьмёт.

Старый Султан

БЫЛ у одного крестьянина верный пёс; звали его Султаном. Вот состарился он, повыпали у него зубы, и нечем ему было теперь кусать. Стоял раз крестьянин со своею женой у порога и говорит:

— А завтра я старого Султана пристрелить собираюсь, стал он уже никуда негоден.

А жена пожалела верного пса и говорит:

— Да ведь он же нам честно служил столько лет, и нам надо бы кормить его теперь из милости.

— Э, что ты говоришь,— сказал муж,— видно, у тебя ума нехватает. У него ведь и зубов-то нету, ни один вор его не боится; службу он свою уже отслужил, может себе и убираться. Когда он служил нам, мы ведь его неплохо кормили.

А бедный пёс лежал в это время, растянувшись на солнышке, и всё это слышал, и стало ему грустно, что завтра его последний день наступает. А был у него добрый товарищ, и был то волк. Вот пробрался к нему пёс вечером в лес и стал на судьбу свою жаловаться.

— Послушай, куманёк,— сказал ему волк,— успокойся, уж я тебя

из беды выручу. Я кое-что надумал. Завтра на рассвете твой хозяин пойдёт с женой сено косить, а так как дома некому будет остаться, то возьмут они с собой и своего маленького ребёнка. Во время работы они кладут ребёнка всегда в тень за кустами. А ты ложись с ним рядом, будто сторожить его собираешься. Я выйду из лесу и утащу ребёнка; а ты кинься за мной, будто его отбить у меня хочешь. Я ребёнка выроню, и ты принесёшь его опять родителям, и они подумают, что ты его спас, и уж так будут тебе благодарны, что не то чтобы злое тебе что-нибудь сделать, а напротив, будешь ты у них в большой милости, и ни в чём тебе с той поры отказа не будет.

Этот совет псу понравился; задумано — сделано.

Как отец увидел, что волк утащил ребёнка и бежит с ним по полю, он стал кричать; но когда старый Султан принёс его назад, начал пса гладить и говорит:

— Теперь я в обиду тебя не дам, будешь ты до самой смерти кормиться у меня из милости.

И говорит он жене:

— Ступай скорее домой да навари старому Султану вкусной похлёбки, ведь кусать-то ему трудно, да возьми с моей постели подушку, я дарю её Султану, пускай он на ней спит.

И с той поры стало жить старому Султану так хорошо, что лучшего и желать было нечего.

Приходит после того вскоре волк его навестить, и обрадовался он, что всё так хорошо обошлось.

— Ну, куманёк, — говорит он, — придётся тебе разок прикинуться, будто ты ничего не видишь, а я уж найду случай и утащу у твоего хозяина жирную овечку. Если нынче жить особняком, нам туго придётся.

— Нет, уж на это ты не рассчитывай, — ответил пёс, — моему хозяину я останусь верен, на такое дело я не согласен.

Подумал волк, что это он просто так говорит, и подкрался ночью, чтоб овцу утащить. Но верный Султан разгласил хозяину про замысел

волка, и тот подстерёг его и здорово намял ему цепом бока. Но волку удалось вырваться, и он крикнул псу:

— погоди, скверный товарищ, ты в этом ещё расквесишься!

На другое утро волк послал дикую свинью и велел ей вызвать пса в лес, чтобы там порешить дело. И никого не нашёл старый Султан себе в помощь, кроме кошки, да и та была без одной ноги. Вот вышли они вместе, и ковыляла бедная кошка в лес и от боли подняла свой хвост вверх.

А волк с товарищем был уже на месте. Увидели они, что противники идут к ним навстречу, и показалось им, будто пёс с собой саблю несёт, — это они поднятый хвост кошки за саблю приняли. А ковыляла несчастная кошка на трёх ногах, и они подумали, что это она подымает каждый раз камень, чтобы в них бросить. И стало им страшно: забралась дикая свинья в листья, а волк на дерево вспрыгнул.

Подошли собака с кошкой, видят — никого нету, и они очень удивились. Но дикая свинья не могла вся в листву запрятаться — уши у неё торчали наружу. Огляделась кошка внимательно по сторонам, а тут свинья вдруг ушами задвигала. Подумала кошка, что это мышь шевелится, и как прыгнет на неё, и сильно-пресильно её укусила. Поднялась свинья с великим воем, бросилась со всех ног бежать и кричит:

— Вон на дереве сидит всему делу виновник!

Глянули кошка и собака наверх и увидели там волка, и стало ему стыдно, что он себя таким трусом показал, и заключил он тогда с псом мир.

Шесть лебедей

ХОТИЛСЯ раз король в большом дремучем лесу; он безустали гонялся за зверем, и никто из его людей не мог за ним поспеть.

А уже наступил вечер; тогда король придержал своего коня, оглянулся и видит, что заблудился. Стал он искать дорогу, но найти её никак не мог.

И вот он увидел в лесу старуху с трясущейся головой; она шла к нему прямо навстречу, а была то ведьма.

— Бабушка, — сказал он ей, — не можете ли вы указать мне дорогу из лесу?

— О, да, господин король, — ответила она, — это я могу, но с одним условием, если вы его не выполните, то не выйти вам из лесу никогда и пропадёте вы тут с голоду.

— А какое же условие? — спрашивает король.

— Есть у меня дочь, — говорит старуха, — она такая красавица, какой вам и на свете нигде не сыскать, и заслуживает она вполне того,

чтобы стать вашей женой; если вы согласны сделать её королевой, то я укажу вам дорогу из лесу.

Король в страхе согласился, и старуха привела его в свою избушку, где у очага сидела её дочь. Она приняла короля так, будто его и ждала; и он увидел, что она очень красива, но, однакоже, она ему не понравилась, и он не мог глядеть на неё без затаённого страха. Когда король посадил девушку на коня, старуха указала ему дорогу, и король воротился снова в свой королевский замок, где они и отпраздновали свадьбу.

А король был уже однажды женат, и от первой жены было у него семеро детей — шесть мальчиков и одна девочка, и любил он их больше всего на свете. Но он боялся, как бы не стала мачеха плохо с ними обращаться, как бы не сделала она им какого зла, и вот он отвёз их в потаённый замок, который находился в самой середине леса. Он был так скрыт в лесной чаще и дорогу к нему найти было так трудно, что и сам бы он не нашёл её, если бы не подарила ему одна ведунья клубок волшебных ниток; а был тот клубок такой, что стоило бросить его перед собой, как он сам разматывался и указывал путь-дорогу.

Король очень часто уезжал к своим любимым детям в лес; и вот, наконец, на частые его отлучки обратила внимание королева; ей захотелось узнать, что он делает там один в лесу. Она дала много денег своим слугам, и они выдали его тайну, рассказали также и о клубке ниток, который один только и может указать туда путь. И не было у неё покоя до тех пор, пока не выведала она, где король хранит тот клубок; затем сшила она из шёлка маленькие белые рубашки; и так как она была обучена своей матерью колдовству, то зашила она в них чары.

Вот уехал однажды король на охоту, а она взяла те рубашки и отправилась в лес, и клубок указал ей путь-дорогу. Дети, увидав издали, что кто-то идёт, подумали, что это идёт к ним их любимый отец, и на радостях выбежали к нему навстречу. И вот набросила она на каждого из них рубашку; и только прикоснулись те рубашки к их телу, как обратились они в лебедей, поднялись над лесом и улетели.

Вернулась королева домой очень довольная, думая, что она избавилась от своих пасынков; но девочка не выбежала ей навстречу вместе с братьями, а королева этого не заметила. На другой день пришёл король, чтоб навестить своих детей, но нашёл одну только дочку.

— А где же твои братья? — спросил он у неё.

— Ах, милый отец, — отвечала она, — они улетели и оставили меня одну. — И она рассказала ему, что видела из окошка, как братья пролетели лебедями над лесом, и показала ему перья, что обронили они во дворе, которые она подобрала. Король опечалился, но не знал, что это злое дело совершила королева; он стал бояться, что у него похитят и дочку, и вот решил он взять её с собой. Но она боялась мачехи и упростила короля оставить её ещё на одну ночь в лесном замке.

Бедная девочка подумала: «Мне оставаться тут недолго придётся, пойду я на поиски своих братьев».

Вот наступила ночь, и выбежала она из замка и пошла прямо в чащу

лесную. Пробродила она там целую ночь и целый день, пока, наконец, от усталости идти больше уже не могла. И увидела она охотничий домик, вошла в него, видит — комната, а в ней шесть маленьких кроваток, но она ни в одну из них не решилась лечь, а забралась под одну из кроваток и легла прямо на жёстком полу и решила там заночевать.

Вскоре и солнце зашло, и услышала она шум и увидела, что прилетело к окну шесть лебедей. Они уселись на окошко и стали дуть друг на друга, стали перья свои сдувать, и вот все перья с них послетели, и лебединое оперенье снялось с них, словно рубашка. Глянула на них девочка и узнала своих братьев, обрадовалась и вылезла из-под кровати. Братья, увидав свою сестрицу, не меньше неё обрадовались, но радость их была недолгой.

— Здесь оставаться тебе нельзя, — сказали они ей, — это разбойничий притон. Если разбойники вернутся и найдут тебя тут, они тебя убьют.

— А вы разве не сможете меня защитить? — спросила у них сестрица.

— Нет, — ответили они, — мы можем снимать своё лебединое оперенье только по вечерам на четверть часа, тогда мы становимся людьми, а затем снова обращаемся в лебедей.

Сестрица заплакала и говорит:

— А неужто нельзя вас расколдовать?

— Ах, нет, — ответили они, — выполнить это слишком трудно. Ты не

должна будешь шесть лет ни говорить, ни смеяться и должна сшить нам за это время шесть рубашек из звездоцвета. А если ты вымолвишь хоть одно слово, то вся твоя работа пропала.

Пока братья рассказывали ей об этом, прошло четверть часа, и они снова вылетели в окно лебедями.

Но девочка твёрдо решила освободить своих братьев, даже если бы это стоило ей жизни. Она покинула охотничий домик и ушла в самую чащу лесную, взобралась на дерево и провела там ночь. Наутро она спустилась с дерева, собрала звездоцветы и принялась шить. Говорить ей было не с кем, а смеяться ей не было охоты. Она всё сидела да на свою работу глядела. Так прошло много времени, и случилось, что король той страны охотился в эту пору в лесу, и его егеря подъехали к дереву, на котором сидела девочка. Они её окликнули:

— Кто ты такая?

Но она ничего не ответила.

— Спустись к нам вниз, — сказали они, — мы тебе ничего дурного не сделаем.

Но она только головой покачала.

Когда они стали её допрашивать, она сбросила им вниз золотое ожерелье, думая, что они будут этим довольны. Но они всё продолжали задавать ей вопросы; тогда она сбросила им свой пояс; но когда и это не помогло, сбросила им свои подвязки, и так мало-помалу она отдала им всё, что было на ней, и осталась в одной рубашке. Но егеря и тогда от неё не отстали; они влезли на дерево, сняли её оттуда и привели к королю. Король спросил:

— Кто ты такая? Что ты там делаешь на дереве? — Но она ничего не ответила.

Он стал спрашивать её на всех языках, какие только были ему известны, но она оставалась как рыба немой. А была она красивая, и вот король сильно влюбился в неё. Он укутал её в свой плащ и посадил её впереди себя на коня и привёз её в свой замок. И велел он одеть её в богатые платья, и она сияла своей красотой, словно ясный день; но невозможно было добиться от неё ни слова. Он сел у стола рядом с нею, и робость на её лице и её скромность так ему понравились, что он сказал:

— Вот на этой хочу я жениться и ни на какой другой на свете, — и через несколько дней он с ней обвенчался.

Но была у короля злая мать — она была недовольна его женитьбой и стала о молодой королеве злословить.

— Кто знает, откуда взялась эта девка, — говорила она, — и слова вымолвить не может; она недостойна быть женой короля.

Спустя год, когда королева родила на свет первого ребёнка, старуха унесла его, а королеве во время сна вымазала рот кровью. Затем она пошла к королю и обвинила её в том, что она людоедка. Король верить этому не хотел и не позволил причинить королеве зло. И вот сидела она всё время да шила рубашки и ни на что другое внимания не обращала.

Когда она снова родила прекрасного мальчика, лживая свекровь

опять совершила такой же обман, но король не хотел верить её злым речам. Он сказал:

— Она слишком скромна и добра, чтобы могла совершить подобное; если б не была она немая, то доказала бы свою невиновность.

Но когда старуха и в третий раз похитила новорождённого младенца и обвинила королеву, которая не сказала ни слова в свою защиту, то королю оставалось только одно — отдать её на суд; и её присудили сжечь на костре.

Наступил день исполнения приговора, а был то как раз последний день из тех шести лет, в течение которых она не могла ни говорить, ни смеяться; и вот она освободила своих милых братьев от злого заклятья. Она уже сшила за это время шесть рубашек, и только на последней рубашке ещё не было левого рукава.

Когда её повели на костёр, то взяла она с собой рубашки, и когда взвели её уже на помост и вот-вот должны были развести огонь, она оглянулась и видит — летят к ней шесть лебедей. И поняла она, что близко её освобождение, и забилося у неё сердце от радости.

С шумом подлетели к ней лебеди и спустились так низко, что она смогла кинуть им рубашки; и только те рубашки к ним прикоснулись, спало с них лебединое оперенье, и стояли перед ней её братья, живы, здоровы и попрежнему прекрасны, только у младшего нехватало левого рукава, и потому у него на спине осталось лебединое крыло. Стали они обнимать да целовать друг друга, и пришла королева к королю, и он был сильно удивлён; но вот заговорила она и сказала:

— Мой возлюбленный супруг, отныне я могу говорить и открою тебе, что я ни в чём не повинна и ложно обвинена, — и она рассказала ему про обман старухи-свекрови, которая забрала и спрятала её троих детей. И принесли их в замок к великой радости короля, а злую свекровь в наказание сожгли на костре, и остался от неё один лишь пепел.

А король и королева вместе с шестью своими братьями жили мирно и счастливо долгие-долгие годы.

Птица-Найдёныш

ЖИЛ-БЫЛ на свете лесник. Вышел он однажды в лес на охоту и забрался в самую чащу лесную; вдруг слышит он крик, будто маленький ребёнок плачет. Пошёл он навстречу и пришел, наконец, к высокому дереву; видит — сидит на верхушке маленький ребёнок.

А дело было так: мать, должно быть, уснула под деревом вместе с ребёнком, а хищная птица заметила, что лежит он на коленях у матери; прилетела та птица, схватила его и унесла на высокое дерево.

Взобрался лесник на верхушку, достал оттуда ребёнка и подумал про себя: «А не взять ли его мне к себе домой на воспитание, чтоб рос он вместе с моей Ленхен?» Сказано — сделано: принёс он ребёнка домой, и стало у него теперь двое детей. И прозвали ребёнка, что был унесён птицей и найден на дереве, Птицей-Найдёнышем.

Птица-Найдёныш и Ленхен полюбили друг друга, да так сильно, что если, бывало, и разлучались, то всегда скучали один без другого.

А жила у лесника старуха-стряпуха. Взяла она однажды вечером два ведра и стала носить воду; и не раз ходила она к колодцу, а много-много раз. Увидела это Ленхен и говорит:

— Послушай, старая Занна, зачем ты так много воды носишь?

— Если ты никому не расскажешь, то я, так уж и быть, тебе скажу.

И ответила Ленхен, что никому не скажет, никому не расскажет об этом, и сказала старуха-стряпуха:

— Завтра поутру, когда лесник уйдёт на охоту, я вскипачу воду, и когда она в котле закипит, брошу в него Птицу-Найдёныша и сварю его живьём.

На другое утро, раным-рано, встал лесник и отправился на охоту; дети ещё лежали в постели. Вот и говорит Ленхен Птице-Найдёнышу:

— Если ты меня не покинешь, то и я тебя не оставлю.

И сказал ей в ответ Птица-Найдёныш:

— Никогда!

Тогда Ленхен и говорит:

— Только тебе одному я и расскажу: вчера вечером притащила старая Занна в дом много ведер воды; я и спрашиваю у неё, зачем это столько воды, а она мне отвечает: «Если ты никому не скажешь, я уж тебе расскажу». А я ей говорю: «Никому не скажу». Тогда она мне и сказала, что рано утром, когда отец уйдёт на охоту, вскипятит она полный котёл воды и кинет тебя туда и сварит живьём. Так вот, давай поскорей подыматься, оденемся и убежим вместе.

Вот дети встали, быстро оделись и ушли. Когда вода в котле закипела, пошла старуха-стряпуха в спальню за Птицей-Найдёнышем, чтоб взять его и бросить в котёл.

Вошла она в комнату, подходит к постели и видит, что дети ушли. Тогда она очень испугалась и говорит про себя: «Что мне сказать, когда вернёт-

ся лесник домой и увидит, что дети куда-то ушли? Надо скорее за ними побежать и привести их назад».

Посылает старуха-стряпуха вслед за детьми трёх работников, велит им бежать скорее и нагнать детей. А дети сидят себе на опушке лесной и издали видят, как бегут трое работников. Вот Ленхен и говорит Птице-Найдёнышу:

— Если ты меня не покинешь, то и я тебя не оставлю.

Отвечает ей Птица-Найдёныш:

— Никогда!

И сказала Ленхен:

— Обернись ты розовым кустом, а я — розой на нём.

Подходят трое работников к лесу и видят один только розовый куст да розу на нём, а детей нигде нет как нет. Вот они и говорят:

— Да что тут найдёшь?

Воротились они домой и рассказали старухе-стряпухе, что ничего не видали, кроме розового кусточка и розы на нём.

Стала бранить их старуха-стряпуха:

— Ах, вы, простофили, надо было вам разрубить надвое розовый куст, а розу сорвать и принести мне домой. Ну, живей, да сделайте так, как я вам велю.

И пришлось им снова идти на поиски. А дети увидели работников издали, и говорит Ленхен:

— Птица-Найдёныш, если ты не покинешь меня, то и я тебя не оставлю.

И ответил Птица-Найдёныш:

— Никогда!

Тогда Ленхен сказала:

— Так стань же ты церковкой, а я в ней венцом!

Вот подходят трое работников и видят одну только церковь да венец внутри. И говорят между собой: «Да что нам тут делать, давай вернёмся домой». Приходят они домой, и спрашивает у них старуха-стряпуха, нашли ли они детей; и ответили они, что ничего, мол, не нашли, кроме церкви да венца внутри.

— Ах, дураки вы, дураки,— стала бранить их старуха-стряпуха,— отчего же вы не разломали ту церковь и не принесли мне венца?

Вот собралась тогда в дорогу сама старуха-стряпуха, и пошла она вместе с тремя работниками разыскивать детей. А дети издали увидели, что идут трое работников и вслед за ними ковыляет старуха-стряпуха. И говорит Ленхен:

— Птица-Найдёныш, если ты меня не покинешь, и я тебя не оставлю.

Отвечает ей Птица-Найдёныш:

— Никогда!

И сказала Ленхен:

— Обернись ты озером, а я уткой на нём!

Вот подходит старуха-стряпуха и видит перед собой озеро; ложится она на землю и хочет всё озеро выпить. Но тут подплыла быстро к ней утка, ухватила её своим клювом за голову и стала тащить в воду, — и утонула старая ведьма.

Вернулись тогда дети вместе домой, и стало им весело-весело; и если они ещё не умерли, то живут, пожалуй, ещё и до сих пор.

Король-Дроздовик

БЫЛА у одного короля дочь; она была необычайно красивая, но притом такая гордая и надменная, что ни один из женихов не казался для неё достаточно хорош. Она отказывала одному за другим да притом над каждым ещё смеялась.

Велел однажды король устроить большой пир и созвал отовсюду, из ближних и дальних мест, женихов, которые хотели бы за неё посвататься. Расставили их всех в ряд по порядку, по чину и званию; впереди стояли короли, потом герцоги, князья, графы и бароны, и, наконец, дворяне.

И повели королевну по рядам, но в каждом из женихов она находила какой-нибудь изъян. Один был слишком толст: «Да этот, как винный бо-

чонок»! — сказала она. Другой был слишком длинного роста: «Долговязый, слишком тонкий, да и статной нет походки!» — сказала она. Третий был слишком низкого роста: «Ну, какая в нём удача, если мал и толст впридачу?» Четвёртый был слишком бледен: «Этот выглядит, как смерть». Пятый был слишком румян: «Это прямо какой-то индюк!» Шестой был слишком молод: «Этот юн и больно зелен, он, как дерево сырое, не загорится».

И так находила она в каждом, к чему можно было бы придраться, но особенно посмеялась она над одним добрым королём, что был выше других, и чей подбородок был чуть кривоват.

— Ого, — сказала она и рассмеялась, — да у этого подбородок, словно клюв у дрозда! — И с той поры прозвали его Дроздовиком.

Как увидел старый король, что дочка его только одно и знает, что над людьми насмехается и всем собравшимся женихам отказала, он разгневался и поклялся, что она должна будет взять себе в мужа первого встречного нищего, что к нему в дверь постучится.

Спустя несколько дней явился какой-то музыкант и начал петь под окном, чтоб заработать себе милостыню. Услыхал это король и говорит:

— Пропустите его наверх.

Вошёл музыкант в своей грязной, оборванной одежде и начал петь перед королём и его дочерью песню; и когда кончил, он попросил подать ему милостыню.

Король сказал:

— Мне твоё пение так понравилось, что я отдам тебе свою дочь в жёны.

Испугалась королевна, но король сказал:

— Я дал клятву выдать тебя за первого попавшегося нищего, и клятву свою я должен сдержать.

И не помогли никакие уговоры; позвали попа, и пришлось ей тотчас обвенчаться с музыкантом. Когда это сделали, король сказал:

— Теперь тебе, как жене нищего, в моём замке оставаться не подобает, можешь себе отправляться со своим мужем куда угодно.

Вывел её нищий за руку из замка, и пришлось ей идти с ним пешком. Пришли они в дремучий лес, и спрашивает она:

— Это чьи леса и луга?
— Это всё короля-Дроздовика.
Не прогнала бы его, было б всё тогда твоё.
— Ах, как жалко, что нельзя
Мне вернуть Дроздовика!

Проходили они по полям, и спросила она опять:

— Это чьи поля и река?
— Это всё короля-Дроздовика!
Не прогнала бы его, было б всё тогда твоё.
— Ах, как жалко, что нельзя
Мне вернуть Дроздовика!

Проходили они затем по большому городу, и спросила она опять:

— Чей прекрасный этот город?
— Короля-Дроздовика с давних пор он.
Не прогнала бы его, было б всё тогда твоё.
— Ах, как жалко, что нельзя
Мне вернуть Дроздовика!

— Мне вовсе не нравится, — сказал музыкант, — что ты всё хочешь себе в мужья кого-то другого: разве я тебе не мил?

Подошли они, наконец, к маленькой избушке, и она сказала:

— Боже мой, а домишко-то какой!
Чей же он, такой плохой?

И музыкант ответил:

— Это дом мой да и твой, мы будем жить здесь с тобой вместе.

И пришлось ей нагнуться, чтобы войти в низкую дверь.

— А где же слуги? — спросила королева.

— Какие-такие слуги? — ответил нищий. — Ты должна всё делать сама, если хочешь, чтоб было что-нибудь сделано. Ну-ка, живей растапливай печь и ставь воду, чтоб мне приготовить обед, я очень устал.

Но разводить огонь и стряпать королева совсем не умела, и пришлось нищему самому приняться за работу; и дело кое-как обошлось. Поели они кое-чего впроголодь и легли спать.

Но только стало светать, он согнал её с постели, и ей пришлось заняться домашней работой. Так прожили они несколько дней, ни плохо, ни хорошо, и все свои запасы поели. Тогда муж говорит:

— Жена, этак у нас ничего не получится, мы вот едим, а ничего не зарабатываем. Принимайся-ка ты за плетенье корзин.

Он пошёл, нарезал ивовых прутьев, принёс их домой, и начала она плести, но жёсткие прутья изранили её нежные руки.

— Я вижу, дело это у тебя не пойдёт, — сказал муж, — возьми-ка ты лучше за пряжу, пожалуй, ты с этим справишься.

Она села и попробовала было прясть пряжу; но грубые нитки врезались в её нежные пальцы, и из них потекла кровь.

— Видишь,— сказал муж,— ты ни на какую работу не годишься, трудненько мне с тобой придётся. Попробую-ка я приняться за торговлю горшками и глиняной посудой. Ты должна будешь ходить на рынок и продавать товар.

«Ах,— подумала она,— ещё чего доброго придут на рынок люди из нашего королевства и увидят, что я сижу и продаю горшки, то-то они надо мной посмеются!»

Но что было делать? Она должна была подчиниться, а не то пришлось бы им пропадать с голоду.

В первый раз дело пошло хорошо — люди покупали у неё товар, так как была она красивая, и платили ей то, что она запрашивала; даже многие платили ей деньги, а горшки ей оставляли. Вот так и жили они на это.

Накупил муж опять много новых глиняных горшков. Уселась она с горшками на углу рынка, а товар вокруг себя расставила и начала торговать. Но вдруг прискакал пьяный гусар, налетел прямо на горшки, — и остались от них одни лишь черепки. Начала она плакать и от страха не знала, как ей теперь быть.

— Ах, что мне за это будет!— воскликнула она,— что скажет мне муж?

И она побежала домой и рассказала ему про своё горе.

— Да кто ж на углу рынка с глиняной посудой садится? — сказал муж. — А плакать ты перестань; я вижу, ты к приличной работе не годишься. Вот был я давеча в замке у нашего короля и спрашивал, не нужна ли там будет судомойка, и мне пообещали взять тебя на работу; там будут тебя за это кормить.

И стала королевна судомойкой, пришлось ей помогать повару исполнять самую чёрную работу. Она привязывала к своей сумке две мисочки и приносила в них домой то, что доставалось ей на долю от объедков, — тем они и питались.

Случилось, что на ту пору должны были праздновать свадьбу старшего королевича, и вот поднялась бедная женщина наверх в замок и стала у дверей в зал, чтоб поглядеть. Вот зажглись свечи, и входили туда гости один красивей другого, и всё было полно пышности и великолепия. И подумала она с горестью в сердце про свою злую долю и стала проклинять свою гордость и надменность, которые её так унизили и ввергли в большую нищету. Она слышала запах дорогих кушаний, которые вносили и выносили из зала слуги, и они бросали ей иной раз что-нибудь из объедков, она складывала их в свою мисочку, собираясь унести всё это потом домой.

Вдруг вошёл королевич, был он одет в бархат и шёлк, и были у него на шее золотые цепи. Увидев у дверей красивую женщину, он схватил её за руку и хотел было с ней танцевать; но она испугалась и стала отказываться, — узнала в нём короля-Дроздовика, что за неё сватался и которому она с насмешкой отказала. Но как она ни упиралась, а он всё-таки

втащил её в зал; и вдруг оборвалась тесёмка, на которой висела у неё сумка, и выпали из неё на пол мисочки и разлился суп.

Как увидели это гости, стали все смеяться, над ней подшучивать, и было ей так стыдно, что она готова была лучше сквозь землю провалиться. Она бросилась к двери и хотела убежать, но на лестнице её нагнал какой-то человек и привёл её назад. Глянула она на него, и был то король-Дроздовик. Он ласково ей сказал:

— Ты не бойся, ведь я и музыкант, с которым ты вместе жила в бедной избушке,— это одно и то же. Это я из любви к тебе притворился музыкантом; а гусар, что перебил тебе все горшки,— это тоже был я. Всё это я сделал, чтобы сломить твою гордость и наказать тебя за твоё высокомерие, когда ты надо мной посмеялась.

Она горько заплакала и сказала:

— Я была так несправедлива, что недостойна быть твоею женой.

Но он ей сказал:

— Успокойся, трудные дни миновали, а теперь мы отпразднуем нашу свадьбу.

И явились королевские служанки, надели на неё пышные платья; и пришёл её отец, а с ним и весь двор; они пожелали ей счастья с королём-Дроздовиком; и настоящая радость только теперь и началась.

И хотелось бы мне, чтобы ты да я там побывали тоже.

Золотая птица

ЖИЛ в стародавние времена король. Был у него позади замка прекрасный сад для гулянья, и росло в том саду дерево, на котором были золотые яблоки. Когда яблоки поспевали, им вели счёт, но каждое утро одного яблока не доставало. Донесли о том королю, и он велел, чтобы каждую ночь под деревом ставили стражу.

Было у короля три сына, и вот с наступлением ночи послал он в сад старшего. Но к полуночи не мог он сна одолеть, и наутро опять не досчитались одного яблока. На другую ночь должен был сторожить средний сын, но и с тем случилось то же самое: когда пробило двенадцать часов, он уснул, а наутро не досчитались одного яблока. Вот настал черёд нести стражу младшему сыну; он уже было приготовился идти, но король не очень ему доверял и подумал, что этот справится с делом ещё меньше, чем его братья, но под конец он всё-таки его послал.

Вот улёгся юноша под деревом, начал сторожить, но не допустил, чтобы сон его одолел. Пробило двенадцать часов, и вот в воздухе что-то зашумело; и он увидел в лунном сиянии летящую птицу, все перья блистали у неё золотом. Опустилась птица на дерево, и только отклевала она яблоко, как пустил юноша в неё стрелу. Птица улетела, но попала стрела ей в оперенье, и одно из её золотых перьев упало наземь. Поднял

его юноша, принёс наутро королю и рассказал ему, что видел он ночью.

Собрал король тогда своих советников, и все в один голос решили, что такое перо, как это, дороже, пожалуй, целого королевства.

— Раз перо такое драгоценное, — сказал король, — то в таком случае мне одного будет мало, я хочу непременно иметь целую птицу.

И вот отправился в путь-дорогу старший сын; он полагался на свою рассудительность и думал, что золотую птицу он уж непременно добудет.

Прошёл он ни много, ни мало и увидел на лесной опушке лису; приложил он к плечу ружьё и нацелился в неё. Но лиса закричала:

— Не бей меня, дам я тебе за это добрый совет. Ты на пути за золотую птицей, и нынче под вечер ты придёшь в деревню, где находятся две харчевни, — они стоят одна на-

против другой. Одна будет освещена ярко, в ней весело и шумно; но ты в эту не заходи, а ступай в другую, хотя она и покажется тебе с виду неказистой.

«Как может такой глупый зверь дать мне разумный совет!» — подумал королевич и выстрелил, но в лису не попал, она распустила свой хвост и убежала в лес. Потом он отправился дальше и пришёл под вечер в деревню, где находились две харчевни — в одной плясали и пели, а у другой был вид убогий и мрачный.

«Был бы я дураком, — подумал он, — если бы пошёл в дрянную, нищенскую харчевню, а хорошей бы пренебрёг». И он направился в весёлую харчевню и стал проводить там время в пирушках и радостях, а про птицу и про отца и все его добрые наставления и позабыл.

Прошло некоторое время, а старший сын всё домой не возвращается; тогда собрался в путь-дорогу средний сын, — захотелось ему найти золотую птицу. Как и старшему брату, повстречалась ему лиса, дала ему добрый совет, но он тоже не обратил на него вниманья. Подошел он к двум харчевням, и стоял у окна одной из них его брат, неслись оттуда весёлые песни, и брат окликнул его. Не мог средний брат удержаться, зашёл в эту харчевню и стал там жить в своё удовольствие.

Снова прошло некоторое время, и захотелось младшему королевичу отправиться в путь-дорогу и попытать счастья. Но отец на это не соглашался.

— Это дело напрасное! — сказал он. — Куда уж ему найти золотую

птицу, старшие братья уже ходили. А случись с ним какая беда, не сможет он из неё выбраться; ведь ума-то ему нехватает.

Но младший всё не давал королю покоя, и тот позволил ему, наконец, отправиться в путь-дорогу. И сидела опять на лесной опушке лиса, стала его просить пощадить ей жизнь и дала ему добрый совет. Юноша был жалостлив и сказал:

— Лисичка, будь спокойна, зла я тебе не сделаю.

— Ты в этом не раскаешься, — ответила лиса, — а чтоб скорей тебе добраться до места, садись-ка ты ко мне на хвост.

И только он сел, как пустилась лиса бежать и понеслась через горы и доли, — только в ушах от ветра свистело. Прибыли они в деревню; простился юноша с лисой, послушался её доброго совета и зашёл, не оглядываясь, прямо в харчевню, которая поплосе, и спокойно там переночевал.

На другое утро, только он вышел на поле, видит — сидит там лиса и говорит:

— Я расскажу, что делать тебе дальше. Ступай всё напрямик, и подойдёшь ты наконец к замку; увидишь, что перед замком залёг целый отряд солдат, но ты не беспокойся, все они будут спать и храпеть; пройди между ними посередине и ступай прямо в замок, пройди через все комнаты; войдёшь потом в потайную комнату, и висит там деревянная клетка с золотой птицей, и стоит с ней рядом пустая золотая клетка, для пущей красоты. Но, смотри, берегись, не пересаживай птицу из простой клетки в дорогую, а не то тебе плохо придётся.

Только сказала это лиса, протянула опять свой хвост, и уселся на него королевич. Понеслась лиса через лес и горы, — только в ушах от ветра свистело. Прибыл он к замку и увидел всё, о чём говорила ему лиса. Вошёл королевич в потайную комнату, и сидела там золотая птица в деревянной клетке, а золотая с ней рядом стояла, и лежали в комнате по углам три золотых яблока. И он подумал, что было бы смешно, если бы он оставил такую прекрасную птицу в простой и некрасивой клетке. Он открыл дверцу, схватил птицу и пересадил её в золотую. Но в этот миг закричала птица пронзительным голосом. Проснулись солдаты, вбежали в комнату и отвели его в темницу.

На другое утро привели его на суд, и так как он во всём признался,

то присудили его к смертной казни. Но король сказал, что готов его помиловать, если он доставит ему золотого коня, что скачет быстрее ветра, и тогда он получит в награду золотую птицу.

Отправился королевич в путь-дорогу; вздохнул и запечалился, не зная, где ж ему отыскать золотого коня. И вдруг увидел он старого своего друга — лису; сидела она у дороги.

— Вот видишь, — сказала лиса, — так вышло оттого, что ты меня не послушался. Но духом не падай, я тебе помогу и скажу, как раздобыть тебе золотого коня. Ты должен идти всё напрямик, и подойдёшь ты к замку, там и стоит конь на конюшне. И будут лежать перед конюшней конюхи, но они будут спать и храпеть, и ты сможешь спокойно вывести золотого коня. Но ты должен запомнить хорошо одно: седлай его плохим седлом из дерева и кожи, а никак не золотым, что будет висеть рядом, а не то плохо тебе придётся.

Вытянула лиса свой хвост, сел на него королевич, и понесла его лиса через леса и горы, — только в ушах от ветра свистело.

Случилось всё так, как говорила лиса, — зашёл он на конюшню, где стоял золотой конь, хотел оседлать его плохим седлом, да подумал: «Стыдно не оседлать такую прекрасную лошадь дорогим седлом, как это ей подобает». Но только прикоснулось золотое седло к коню, как начал он громко ржать. Проснулись конюхи, схватили юношу и бросили его в темницу. На другое утро суд приговорил его к смертной казни. Но король пообещал его помиловать и подарить ему золотого коня, если он добудет ему из золотого замка прекрасную королевну.

С тяжёлым сердцем отправился юноша в путь-дорогу, но, по счастью, он повстречал вскоре свою верную лису.

— Следовало бы тебя в несчастьи покинуть, — сказала лиса, — но мне тебя жаль, и я ещё раз выручу тебя из беды. Дорога приведёт тебя как раз к золотому замку; туда ты придёшь вечером, а ночью, когда всё утихнет, выйдет прекрасная королевна в купальню купаться. Когда она будет туда входить, ты подскочи к ней и поцелуй её один раз, тогда она пойдёт за тобой, и ты сможешь её увести оттуда. Но только никак не соглашайся, чтоб она перед этим просталась со своим отцом-матерью, а не то плохо тебе придётся.

Протянула лиса свой хвост, сел на него королевич, и понесла она его через леса и горы, — только в ушах от ветра гудело.

Вот подъехал он к золотому замку, и было всё, как сказала ему лиса. Подождал он до полуночи, когда всё погрузилось в глубокий сон, и вышла прекрасная девушка в купальню; тут выскочил он и поцеловал её один раз. Она сказала ему, что охотно пойдёт за него замуж, но стала его со слезами на глазах умолять, чтоб дозволил он ей перед этим проститься с родителями. Сначала он противился её просьбам, но она горько заплакала, бросилась ему в ноги, и он, наконец, уступил. И только подошла девушка к постели своего отца, как он тотчас проснулся, а за ним и все остальные в замке, и юношу схватили и посадили в темницу.

На другое утро сказал ему король:

— Ты заплатишься за это своей жизнью и только тогда будешь по-милован, если сроешь гору, что находится перед моими окнами; из-за неё я не вижу, что делается кругом; и должен ты это выполнить в течение восьми дней. Удастся это тебе — ты получишь за это в награду мою дочь.

Принялся королевич за работу, стал рыть и копать лопатой без отдыха, но спустя семь дней он увидел, как мало он сделал и что вся его работа ничего не стоит, и он совсем пригорюнился, — все надежды его рухнули. А на седьмой день вечером явилась лиса и говорит:

— Ты не стоишь того, чтоб я о тебе заботилась; но ступай да ложись себе спать, я всю работу за тебя выполню.

Проснулся он на другое утро, глянул в окошко, видит — горы как не бывало. Поспешил юноша на радостях к королю и объявил ему, что условие его выполнено; и хотелось ли королю, или не хотелось, а пришлось ему слово своё сдержать и отдать ему свою дочь. Отправились они вместе из замка; прошло немного времени, и вот явилась к ним лиса.

— Хотя ты и обладаешь теперь самым дорогим, — сказала она, — но девушке из золотого замка принадлежит и золотой конь.

— А как же мне его добыть? — спрашивает юноша.

— Это я тебе объясню, — отвечала лиса. — Ты сперва отведи прекрасную девушку к королю, который послал тебя в золотой замок; будет там неслыханная радость, и они отдадут тебе охотно золотого коня и сами его выведут. Мигом садись на него и протяни им всем на прощанье руку, а напоследок прекрасной девушке; и как только ты возьмёшь её за руку, втащи её сразу на коня и скачи во весь дух оттуда, — и никто не сможет тебя догнать: тот конь летит быстрее ветра.

Всё удалось счастливо, и королевич увёз прекрасную девушку на золотом коне. Но лиса их не бросила и молвила юноше:

— А теперь я тебе помогу добыть и золотую птицу. Когда ты подъедешь к тому замку, где находится птица, то сними девушку с коня, а я уж за ней присмотрю. Затем въезжай на золотом коне во двор замка, — тебя увидят, и будет там великая радость; и они вынесут тебе золотую птицу. Когда клетка с птицей будет у тебя в руках, ты скачи во весь опор к нам назад и возьмёшь снова прекрасную девушку.

Когда всё счастливо исполнилось и королевич уже собирался ехать со своими сокровищами домой, говорит ему лиса:

— Теперь ты должен отблагодарить меня за помощь.

— А что ж ты за это от меня потребуешь? — спросил юноша.

— Когда мы будем в лесу, ты меня пристрели и отруби мне голову и лапы.

— Нечего сказать, хороша благодарность, — молвил королевич, — этого я уж никак выполнить не смогу.

Говорит лиса:

— Если ты этого сделать не хочешь, я должна буду тебя покинуть. Но прежде чем я от тебя уйду, я хочу дать тебе ещё один добрый совет: бойся двух вещей — не покупай мяса с виселицы и не садись на краю колодца.

Затем лиса убежала в лес.

Юноша подумал: «Что за диковинный зверь и какие странные у него причуды. Кто же станет покупать мясо с виселицы! А желания сидеть на краю колодца у меня никогда не было».

Поехал он вместе с прекрасной девушкой дальше; а дорога проходила через ту деревню, где остались его оба брата. И было там большое сборище и много шуму. Королевич спросил, что тут случилось; ему ответили, что здесь должны повесить двух людей. Подошёл он — видит, что это два его брата, которые совершили разные злые дела и прогуляли всё своё состояние. Он спросил, нельзя ли будет их освободить.

— Можно, если согласны за них уплатить, — ответили люди, — но за чем вам выбрасывать деньги понапрасну и их выкупать?

Но королевич не раздумывая за них уплатил, и вот они оказались на свободе и двинулись дальше все вместе. Попали они в тот самый лес, где повстречалась им впервые лиса. Солнце горячо припекало, а в лесу было прохладно и приятно, и вот говорят два брата:

— Давайте отдохнём у колодца, поедим и напьемся.

Он согласился, но за разговорами позабыл про совет лисы и сел на край колодца, не предчувствуя ничего дурного. Тогда двое братьев сбросили его в колодец, захватили девушку, коня и птицу и направились домой к своему отцу.

— Вот, — говорят они, — привезли мы не только золотую птицу, а достали ещё и золотого коня и девушку из золотого замка.

И была там великая радость, но конь ничего не ел, птица не пела, а девушка сидела и всё плакала.

Но младший брат не погиб. По счастью, колодец оказался сухим, он упал на мягкий мох, не причинив себе никакого вреда, но выбраться он оттуда не мог. Но и в этой беде его не покинула верная лиса. Она прибежала к нему, стала его бранить, что он забыл про её совет.

— Но всё-таки я не могу тебя покинуть, — сказала она, — и помогу тебе выбраться из колодца.

Она велела ему уцепиться за её хвост и держаться покрепче, и вытащила его наверх.

— Но ты ещё не совсем избавился от опасности, — сказала лиса. — Твои братья не уверены в твоей гибели, и они расставили по всему лесу сторожей, чтоб тебя убить, если тебя заметят.

А сидел у дороги нищий, и вот обменялся юноша с ним одеждой и явился, переодетый, к королевскому двору. Его никто не узнал, но птица начала петь, конь начал есть, а прекрасная девушка перестала плакать.

Король спросил в удивленье:

— Что это значит?

А девушка ему говорит:

— Не знаю, мне было прежде так грустно, а теперь стало радостно. Мне кажется, что явился мой настоящий жених.

И она рассказала королю обо всём, что случилось, хотя оба брата

и угрожали ей смертью, если она проговорится. Тогда король велел призвать к себе всех людей, бывших в замке, явился и юноша, переодетый нищим; но девушка тотчас его узнала и кинулась к нему на шею. Злых братьев схватили и казнили, а младшего повенчали с прекрасной девушкой, и он был назначен наследником короля.

А что же случилось с бедной лисой?

Прошло много времени, и отправился раз королевич снова в тот самый лес. Повстречалась ему лиса и говорит:

— Теперь у тебя есть всё, что ты мог себе пожелать, а вот моему несчастью никак не может наступить конец, но в твоих силах меня выручить,— и стала лиса опять его просить и умолять, чтобы он согласился её застрелить и отрубить ей голову и лапы. Так он и сделал; и только он выполнил её просьбу, как обернулась лиса юношей, а был то не кто иной, как брат прекрасной королевны, который наконец-то был освобождён от злого заклятья. И теперь у них было всё, чтобы быть всю свою жизнь счастливыми.

Три пёрышка

ЖИЛ-БЫЛ однажды король; было у него три сына. Из них двое умных да толковых, а третий и говорил-то мало, был и просто-ват, и звали его все Дурнем.

Вот король состарился уже и стал слаб; видит, что скоро ему помирать придётся, но никак он не мог решить, кому же из своих сыновей царство своё передать в наследство. Вот и говорит он сыновьям:

— Ступайте странствовать по белу свету, и кто принесёт мне самой лучшей работы ковёр, тот и будет после смерти моей королём.

А чтоб не было между ними никакого спора, повёл он их к замку, взял три пёрышка, дунул на них, и они взлетели вверх; а он и говорит:

— Куда они полетят, туда и вам итти.

Полетело одно пёрышко на восток, другое на запад, а третье взлетело, но далеко не улетело и опустилось вскоре на землю. Вот отправился

один брат направо, другой пошёл налево, — и посмеялись они над Дурнем, что остался он возле третьего пёрышка, там, где оно и упало.

Сел Дурень на землю и запечалился. Вдруг он заметил, что там, где лежит перо, находится ход в подземелье. Поднял он дверь, видит — идёт дальше лестница, и спустился он по ней вниз. Подошёл к другой двери, постучался, слышит — изнутри кто-то настойчиво кричит:

Девушка зелёная,
Ножка ты сушёная,
Костяной ноги собачка,
Погляди-ка поскорей,
Кто стоит там у дверей?

Отворилась дверь, видит он — сидит перед ним большая, толстая жаба, а вокруг неё много маленьких жаб. Спрашивает у него толстая жаба, чего он хочет. Он ей говорит:

— Хотел бы я получить самый красивый и самой тонкой работы ковёр.

Позвала та молодую жабу и говорит:

Девушка зелёная,
Ножка ты сушёная,
Костяной ноги собачка,
Эй, поди-ка поскорей,
Принеси ларец живей!

Принесла молодая жаба ларец. Открыла его толстая жаба, достала оттуда ковёр и дала его Дурню. И был тот ковёр такой прекрасный и такой тонкой работы, что подобного во всём свете никто и соткать не смог бы. Поблагодарил он её и выбрался снова наверх.

А те двое братьев считали своего младшего брата таким глупым, что подумали: ничего он, мол, никогда не найдёт и ничего не принесёт.

— Чего нам ещё стараться искать, — сказали они и взяли у первой попавшейся им пастушки грубый шерстяной платок и принесли его домой королю.

В это самое время воротился назад Дурень и принёс свой прекрасный ковёр. Как увидел это король, удивился и говорит:

— Уж если по справедливости поступать, то королевство должно принадлежать младшему сыну.

Но двое братьев не давали отцу покоя, стали говорить и доказывать, что невозможно-де Дурню, у которого и разума нехватает, быть королём, и стали просить его о новом уговоре.

Вот отец и говорит:

— Королевство получит тот, кто принесёт мне самое красивое кольцо, — и он вывел трёх братьев во двор замка, взял три пёрышка, дунул на них, — и поднялись они на воздух и полетели в разные стороны, куда и должны были отправиться братья.

Два старшие брата отправились снова на восток и на запад, а пё-

рышко Дурня упало наземь, как раз у самого входа в подземелье. Спустился он снова вниз к толстой жабе и сказал ей, что ему надо добыть самое красивое кольцо. Она тотчас велела принести свой большой ларец, достала оттуда кольцо и подала ему. И блестело оно, усыпанное драгоценными камнями, и было такое красивое, что подобного ни один золотых дел мастер на свете не смог бы никогда сделать.

Посмеялись два старших брата над Дурнем, что собрался он найти золотое кольцо, и не старались его вовсе искать, а взяли старый обод с колеса, посбивали с него гвозди и принесли его королю.

Когда Дурень показал своё золотое кольцо, отец и говорит опять:

— Ему принадлежит королевство.

Но двое старших всё докучали королю, пока, наконец, он не согласился на третий уговор и порешил, что тот должен получить королевство, кто приведёт домой самую красивую девушку.

Взял он три пёрышка, дунул на них, — и поднялись они на воздух и полетели так же, как и в прошлый раз.

Спустился Дурень, не долго думая, вниз к толстой жабе и говорит: — Я должен привести домой самую красивую девушку.

Но жаба ответила:

— Самую красивую? Ой, что ты! Такой сейчас нету, но ты её всё-таки получишь.

И она дала ему выдолбленную жёлтую репу, запряжённую шестью мышатами. И говорит, совсем запечалась, Дурень:

— А что же мне делать-то с ними?

Жаба ответила:

— А ты посади в неё одну из моих маленьких жаб.

Взял он, какая ему первая под руку попалась, и посадил её в жёлтый возок; но только села она в него, как тотчас обернулась волшебной красоты девицей, репа — каретой, а шестеро мышат — конями. Поцеловал он девицу, погнал коней и привёз её к королю.

Братья его явились позже, — они даже и не старались отыскать красивую девушку, а захватили с собой первых попавшихся им навстречу деревенских баб. Увидел их король и говорит:

— Младшему после смерти моей будет принадлежать королевство. Но двое старших снова прокричали все уши королю:

— Мы никак не можем допустить, чтобы Дурень стал королём, — и потребовали, чтобы предпочтение оказано было тому, чья жена прыгнет через кольцо, что висит посреди зала. Они думали так: «Деревенские бабы сумеют это сделать, ведь они куда посильней, чем эта нежная девушка, — она прыгнет и наверняка разобьётся насмерть».

Старый король и на это согласился. И вот прыгнули две деревенские бабы, проскочили через кольцо, но были они неуклюжи, упали и перешибли свои грубые руки и ноги. А затем прыгнула прекрасная девушка, которую привёз Дурень, и она проскочила легко, точно лань, — и спорить дальше было уж не о чем. Так и получил Дурень королевскую корону, и долгие годы правил он мудро.

Золотой гусь

ЖИЛ-БЫЛ человек. Было у него три сына, звали младшего Дурнем; его презирали, смеялись над ним и всегда обижали. Собрался раз старший итти в лес — дрова рубить, и дала ему мать на дорогу вкусный сдобный пирог и бутылку вина, чтоб не знал он ни голода, ни жажды. Он пришёл в лес и вот повстречал там старого седого человечка. Поздоровался с ним человечек и говорит:

— Дай мне кусок пирога, что у тебя в кармане, и глоток вина — я очень проголодался и хочу пить.

Но умный сын ответил:

— Если я отдам тебе пирог да вино, то мне самому ничего не останется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а умный сын пошёл себе дальше. Вот начал он рубить дерево; ударил топором, да угодил себе прямо в руку, — пришлось ему домой возвращаться и делать себе перевязку. А вышло всё из-за того седого человечка.

Потом пошёл в лес средний сын, и дала ему мать, как и старшему сыну, сдобный пирог и бутылку вина. Ему тоже повстречался старый се-

дой человек и попросил у него кусок пирога и глоток вина. Но и средний сын, тоже разумный, ответил:

— Дам я тебе — мне меньше достанется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человек ни с чем, а средний сын пошёл себе дальше. Но и он был наказан: ударил он несколько раз по дереву и попал топором в ногу, вот и пришлось его домой на руках относить.

Тогда Дурень и говорит:

— Дозволь мне, батюшка, хоть раз в лес пойти дров нарубить.

Ответил отец:

— Братья твои уже ходили, да только себе навредили, — куда уж тебе, ты в этом деле ничего не смыслишь.

Но Дурень всё просил да просил, и отец, наконец, сказал:

— Ну, ступай, авось в беде поумнеешь.

И дала ему мать пирог, а был он на воде замешен да в золе испечён, и бутылку кислого пива. Пришёл Дурень в лес; повстречался ему тоже старый седой человек, поздоровался с ним и говорит:

— Дай мне кусок пирога и глоток из твоей бутылки, — я так голоден и мне очень хочется пить.

Дурень ответил:

— Но у меня-то ведь пирог на золе испечён, а пиво кислое; но если это тебе по вкусу, давай присядем и вместе закусим.

Сели они; достал Дурень свой пирог, что был на золе испечён, а оказался он сдобным и вкусным, а кислое пиво стало хорошим вином. Поели они, попили, и сказал человек:

— Оттого, что у тебя сердце доброе и ты охотно со мной поделился, я награжу тебя счастьем. Вон стоит старое дерево, ты сруби его, и между корнями для тебя кое-что найдётся. — Потом человек попрощался и ушёл.

Пошёл Дурень, подрубил дерево, оно свалилось, вдруг видит он — сидит на корнях гусь, а перья у гуся все из чистого золота. Поднял он гуся, взял его с собой и пошёл в харчевню, где и решил заночевать. А у хозяина харчевни были три дочери; увидали они гуся, стало им любопытно, что это за диковинная птица такая, и захотелось им добыть одно из его золотых перьев. Старшая подумала: «Случай к тому, пожалуй, подвернётся, я вытащу себе золотое перо». Только Дурень отлучился, схватила она гуся за крыло, но тут пальцы её так к крылу и пристали. Пришла она гуся за крыло, но тут пальцы её так к крылу и пристали. Пришла вскоре вторая сестра, и было у неё одно на уме: как бы это вытащить и себе золотое перо; но только она прикоснулась к своей сестре, так тотчас к ней прилипла. А тут пришла и третья сестра, чтоб добыть себе золотое перо, но сёстры ей крикнули:

— Ради бога, не подходи к нам, отойди!

Но она не поняла, почему это нельзя подойти, и подумала: «Если сёстры мои там, то и я могу быть тоже с ними», — и только она подбежала и прикоснулась к одной из сестёр, так тотчас к ней и прилипла. Вот и пришлось им провести ночь возле гуся.

На другое утро взял Дурень гуся подмышку и ушёл, мало беспо-

коясь о том, что трое девушек тащатся за ним следом. Пришлось им всё время бежать следом за гусем то туда, то сюда, куда ноги Дурня надумают. Повстречался им в поле пастор; увидел он такое шествие и говорит:

— Постыдитесь, бесстыжие девушки! Чего бежите следом за парнем, куда это годится?— И он схватил младшую за руку, собираясь её оттащить. Но только он к ней прикоснулся, как тоже прилип, и пришлось ему самому бежать следом за ними.

Повстречался им вскоре на пути причётник; увидел он пастора, спешащего следом за тремя девушками, удивился и закричал:

— Эй, господин пастор, куда это вы так спешите? Не забудьте, что нынче надо ещё ребёнка крестить,— и он подбежал к пастору, схватил его за рукав и тоже прилип.

Когда они все впятером бежали следом друг за дружкой, повстречалось им двое крестьян, возвращавшихся со своими мотыгами с поля; пастор крикнул им, чтоб они освободили его и причётника. Но только прикоснулись крестьяне к причётнику, как тоже прилипли,— и стало их теперь семеро, бегущих следом за Дурнем и его гусем.

Вот пришёл Дурень в город, а правил в том городе король; и была у него дочка, такая строгая да мрачная, что ни один человек не мог её

никак рассмешить. И потому королём был объявлен указ, что кто, мол, её рассмешит, тот на ней и женится.

Услыхал Дурень об этом и отправился со своим гусем и целой ватагой спутников к королевне. Увидела та семерых, бегущих друг за дружкой, и так начала смеяться, что и остановиться ей было трудно. Потребовал тогда Дурень её себе в невесты, но королю будущий зять что-то не очень понравился. Стал король придумывать всякие отговорки и скавина выпить. Тут Дурень и вспомнил про седого человечка и подумал, что тот сможет, пожалуй, притти ему на помощь. Отправился Дурень в лес и увидел на том самом месте, где рубил он однажды дерево, какого-то человечка; тот сидел, и по лицу его было видно, что он сильно пригорюнился. Стал Дурень его расспрашивать, чего он горюет. Тот ответил:

— Мучит меня сильная жажда, никак не могу я её утолить. Холодной воды я не пью, бочку вина я уже опорожнил, но для меня это всё одно, что капля на раскалённый камень.

— Я могу в этом деле тебе помочь, — сказал Дурень. — Ступай за мной, и ты вдосталь напьёшься.

Повёл его Дурень в королевский подвал. Подсел человечек к огромным бочкам и стал пить; пил и пил, пока живот у него не раздулся, и не прошло и дня, как выпил он целый подвал.

Потребовал во второй раз Дурень себе невесту, но король рассердился, что такой простой парень, которого всяк величает Дурнем, может взять его дочь себе в жёны, и поставил тогда новое условие: должен Дурень сначала найти такого человека, который бы смог целую гору хлеба поест.

Не долго думая, отправился Дурень прямо в лес; и сидел на том самом месте какой-то человек; он подтянул свой пояс потуже, лицо у него было грустное, и он сказал:

— Я уж съел целую печь ситного хлеба, да что это для меня, когда у меня такой сильный голод! Утробы моей никак не насытишь, и приходится мне пояс подтягивать всё туже, чтоб с голоду не пропасть!

Обрадовался Дурень и говорит:

— Так вставай и ступай за мной: уж ты досыта наешься.

Привёл он его к королевскому двору, а туда свезли на ту пору всю муку со всего королевства и напекли огромную гору хлебов; ну, тут лесной человек подошёл и начал есть, — и в один день вся хлебная гора исчезла.

В третий раз потребовал Дурень себе невесту, но королю хотелось от него избавиться, и потребовал он у Дурня такой корабль, чтобы мог по воде и по суше плавать.

— Как только ты на том корабле ко мне подплывёшь, — сказал он Дурню, — тотчас получишь дочь мою в жёны.

Отправился Дурень прямою дорогой в лес; сидел там старый седой человечек, которому он отдал когда-то свой пирог, и сказал человечек:

— Это ты меня накормил, напоил, дам я тебе за это корабль; я это делаю потому, что ты меня пожалел.

И дал он ему корабль, что мог ходить и по суше и по морю. Увидел король тот корабль и не мог отказаться выдать дочь свою замуж за Дурня. Вот сыграли свадьбу, и после смерти короля наследовал Дурень всё королевство и жил долгие годы счастливо со своею женой.

Двенадцать охотников

ЖИЛ королевич, и была у него невеста; он сильно её любил. Раз сидел он у неё счастливый, и вдруг пришло известие, что отец его заболел и лежит при смерти и хочет перед своей кончиной с ним проститься.

Сказал тогда королевич своей возлюбленной:

— Я должен уехать, мне придётся тебя покинуть; так вот, даю я тебе на память кольцо. Когда я стану королём, то вернусь назад и увезу тебя вместе с собой.

Сел он на коня и поскакал; и когда он приехал к отцу, тот был уже при смерти. И сказал ему отец:

— Любезный мой сын, я хотел в последний раз повидаться с тобой перед смертью, обещаю тебе, что ты женишься по моей воле,— и назвал он одну королевну, что должна была стать его женой. Сын был так опечален, что, не подумав, сказал:

— Хорошо, дорогой мой батюшка, пусть будет по воле вашей. Затем король закрыл глаза и умер.

Прошло время поминок, и должен был сын исполнить обещанье, данное им отцу, и он велел отправить к той королевне сватов, и родители согласились выдать её за него замуж. Но услышала о том его первая невеста и так запечалилась из-за его неверности, что чуть было не умерла с горя. И сказал ей тогда отец:

— Доченька моя дорогая, чего ты так печалишься? Что ты захочешь, то и получишь.

Призадумалась она на минуту и сказала так:

— Дорогой мой батюшка, хочу я, чтобы было у меня одиннадцать девушек, похожих на меня и лицом, и станом, и ростом.

И ответил король:

— Если это сделать возможно, пусть желание твоё исполнится.

И он приказал искать по всему королевству девушек, пока не найдётся одиннадцать, совершенно похожих на его дочь и лицом, и станом, и ростом.

Вот привели их к королевне, и она велела сшить двенадцать охотничьих костюмов, похожих один на другой, и должны были одиннадцать

девушек нарядиться в эти охотничьи костюмы, а королева надела двенадцатый. Затем она простилась со своим отцом и ускакала вместе с девушками, и прибыла ко двору своего прежнего жениха, которого она так любила.

Она спросила, не нужны ли ему будут охотники и не возьмёт ли он всех их вместе к себе на службу. Посмотрел на неё король, но не узнал; а так как были они все красивые, то он и согласился и сказал, что примет их на службу охотно; и стали они двенадцатью охотниками у короля.

Но был у короля лев, и был он зверем волшебным, он ведал обо всём сокровище и тайном. И случилось так, что однажды вечером он сказал королю:

— Ты думаешь, что и вправду у тебя двенадцать охотников?

— Да, — ответил король, — это двенадцать охотников.

А лев говорит:

— Ты ошибаешься, — это двенадцать девушек.

А король ему говорит:

— Это уж никак не похоже на правду; ну, как ты мне это докажешь?

— О, вели только рассыпать в прихожей горох, — ответил лев, — и ты сразу увидишь. У мужчин шаг твёрдый, уверенный: если они пройдут по горошинам, то ни одна из них не сдвинется; а девушки — те ногами семенят да шаркают, ступают осторожно, — вот горошины и раскатываются у них под ногами.

Королю совет этот понравился, и велел он рассыпать в прихожей горох.

Но был у короля слуга, он к охотникам хорошо относился, и только он услышал, что хотят их испытать, пришёл к ним, рассказал обо всём и говорит:

— Лев хочет открыть королю, что вы девушки.

Поблагодарила слугу королева и обратилась затем к своим девушкам:

— Ну, теперь набирайтесь сил и ступайте по горошинам твёрдым, уверенным шагом.

Когда на другое утро король призвал к себе двенадцать охотников и они явились к нему в прихожую, где был рассыпан горох, то прошли они по гороху уверенно и твёрдо, и походка у них была крепкая и верная, и ни одна горошина не покатила, даже с места не сдвинулась.

Вот ушли они, а король и говорит льву:

— Ты мне наврал: они прошли, как мужчины.

Лев ответил:

— Они проведали, что их будут испытывать и понабрались сил. Ты вот поставь в прихожей двенадцать прялок; придут они, увидят их, обрадуются, а мужчины — те радоваться не станут.

Этот совет королю понравился, и он велел поставить в прихожей двенадцать прялок.

Но слуга, который желал охотникам добра, пошёл и открыл им и этот

замысел короля. И сказала королевна, оставшись наедине со своими одиннадцатью девушками:

— Держитесь как следует и на прялки вовсе не глядите.

И вот, когда на другое утро король призвал своих двенадцать охотников, то прошли они через прихожую, а на прялки и вовсе не глянули. Тогда говорит король снова своему льву:

— Ты мне солгал: это мужчины, на прялки они ведь и не посмотрели. Лев ответил:

— Они проведали о том, что хотят их испытать, и себя пересилили. — Но король льву больше верить не стал.

И двенадцать охотников всегда сопровождали короля на охоту, и чем дальше, тем больше они ему полюбились. И случилось так, что раз во время охоты пришло известие о том, что невеста короля уже в пути. Услыхала о том настоящая невеста, и стало ей так обидно и больно, что сердце у ней почти перестало биться, и она упала без чувств. Король, решив, что с его милым охотником случилось что-то недоброе, подбежал к нему, желая помочь, и сдёрнул с руки у него перчатку. И вдруг увидел он кольцо, подаренное им своей первой невесте, заглянул он ей в лицо и узнал её. И растрогалось его сердце, поцеловал он её, а когда она открыла глаза, он сказал:

— Ты — моя, а я — твой, и никто на свете не может нас разлучить.

И он послал навстречу другой невесте гонца и велел просить её вернуться назад в своё королевство, потому что, мол, есть у него уже жена, а кто старый ключ найдёт, тому нового не надо. Тут и свадьбу они сыграли. И лев снова попал к королю в милость, — ведь он ему всю правду сказал.

Вор и его учитель

ОБРАЛСЯ Ян отдать сына своего ремеслу обучаться; пошёл в церковь и стал богу молиться, чтоб узнать, что сыну будет полезней всего. А стоял у алтаря причётник и говорит: «Воровство, воровство!» Воротился Ян к своему сыну и объявил, что тот должен воровству обучаться, что это-де сказал ему сам господь бог. И пошёл он со своим сыном искать такого человека, который воровать мастер. Шли они долго и зашли, наконец, в глухой и дремучий лес, видят — стоит там маленькая избушка, и сидит в той избушке старая-престарая женщина. Ян ей и говорит:

— Не знаешь ли ты такого человека, что воровать умеет?

— Этому делу можно и здесь хорошо научиться, — ответила старуха, — сын мой на эти дела большой мастер.

Вот и спрашивает он у сына старухи, хорошо ли тот воровство знает. Говорит воровских дел мастер:

— Твоего сына я обучу как следует; придёшь сюда год спустя, и ежели сына своего узнаешь, то и денег за ученье я с тебя не возьму, а не узнаешь, то должен ты будешь заплатить мне двести талеров.

Воротился отец домой, а сын стал колдовству да воровству обучаться. Прошёл год, и отец отправился к воровских дел мастеру, да по дороге пригорюнился, не зная, сможет ли сына своего узнать. Идёт он, запечалился, вдруг навстречу ему маленький человечек. И тот человечек спрашивает его:

— Послушай, ты чего это так пригорюнился? Чего запечалился?

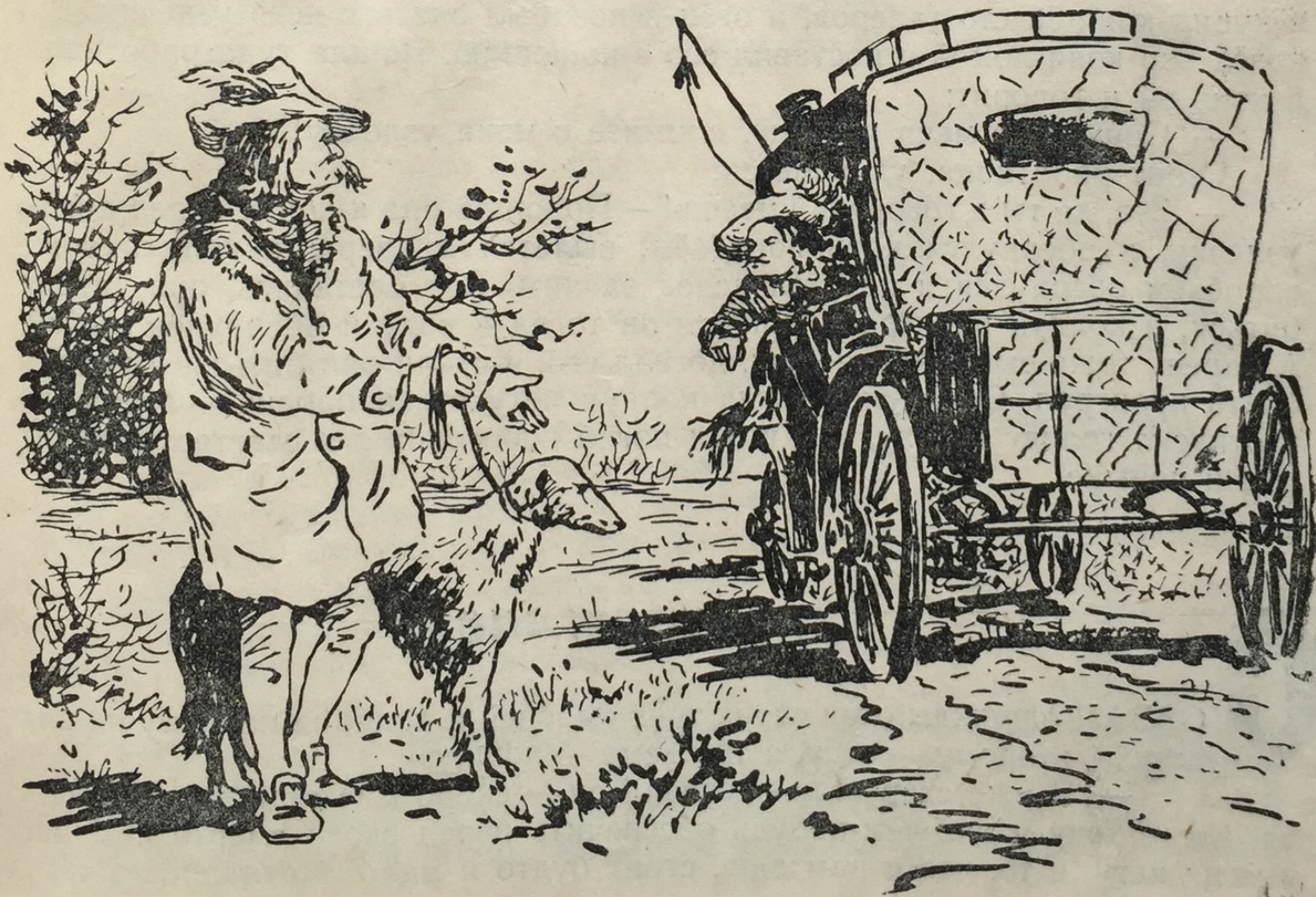
— Ох,— отвечает Ян,— год тому назад отдал я своего сына к воровских дел мастеру в обучение, велел он мне год спустя притти к нему снова, и если сына своего я не узнаю, то должен буду уплатить ему двести талеров, а если узнаю, то и платить ничего не придётся; вот мне и страшно, что я его не узнаю, а где мне тогда денег-то столько добыть?

И сказал ему человечек:

— Ты должен взять с собой лукошко с хлебом и стать под дымовую трубой; увидишь там на шесте клеточку, и выглянет оттуда птичка, это и будет твой сын.

Пошёл Ян туда, поставил лукошко с чёрным хлебом перед клеткой,— вылетела из неё птичка и смотрит на хлеб.

— Эй, сыночек, ты здесь?— спрашивает отец.

Обрадовался сын, что отца увидал. Но воровских дел мастер говорит:
— Это сам чёрт тебя надоумил, а то как бы ты своего сына узнал?
— Отец, нам надо отсюда поскорей уходить, — сказал юноша.
И отправился отец со своим сыном домой. Вдруг едет по дороге им навстречу карета, и говорит сын своему отцу:
— Обернусь я большою борзой, и вы сможете на мне заработать немало денег.

Высовывается из кареты господин:
— А не продадите ли вы мне эту собаку?
— Что ж, продам, — ответил отец.
— А сколько вы денег за неё хотите?
— Тридцать талеров.
— Это слишком много, но пёс, видно, очень породистый, я, пожалуй, согласен.

Забрал господин пса в карету, но только немного отъехал, а пёс как выскочит из неё через окошко, и вмиг обернулся юношей и снова очутился возле своего отца. И пошли они вместе домой. А была на другой день в соседней деревне ярмарка, вот парень и говорит своему отцу:

— А теперь обернусь я красивым конём, а вы меня продадите. Но прежде чем продать, вы должны снять с меня уздечку, а то не смогу я стать опять человеком.

Вывел отец коня на ярмарку, но пришёл туда и воровских дел мастер и купил коня за сто талеров, а отец и позабыл снять с него уздечку. Вот повёл вор коня домой и поставил его в конюшню. Вошла туда работница, а конь ей и говорит:

— Снимите с меня уздечку, снимите с меня уздечку!

Стоит работница, удивляется:

— Э-э, да ты и говорить умеешь! — Подошла она к коню, сняла с него уздечку, и обернулся конь воробьём, вылетел в дверь; а колдун тоже воробьём обернулся и полетел вслед за ним. Вот слетелись они, стали биться, и колдун проиграл; кинулся он тогда в воду и обернулся рыбой. А парень тоже рыбой обернулся, догнал его, и стали они биться, и колдун опять проиграл. Обернулся тогда колдун петухом, а парень — лисой, да и откусил голову петуху, так вот и погиб воровских дел мастер и лежит там и поныне.

Три счастливца

ОЗВАЛ однажды отец своих трёх сыновей и подарил первому из них петуха, второму — кошу, а третьему — кошку.

— Я уже стар стал, — сказал он, — скоро мне помирать придётся, вот и хочу я вас чем-нибудь обеспечить перед своей смертью. Денег у меня нету, и то, что я вам даю, стоит будто и мало, но главное в том,

чтобы с толком его применить к делу: стоит вам только найти такую страну, где подобных вещей ещё не знают, и счастье вам будет обеспечено.

Отец умер, и вот старший ушёл из дому со своим петухом, но куда он ни приходил, петух всюду был давно уже известен: в городах он видел его издали на башнях, где он вертелся флюгаркой под ветром на крышах; по деревням их немало горланило по дворам, — и никто, увидев его, не удивлялся, и было непохоже, чтобы благодаря петуху можно было счастье своё устроить. Но вот случилось ему, наконец, попасть на остров, где люди не только про петуха не слыхали, но и времени счёт вести не умели. Они, конечно, знали, когда утро, когда вечер, но если они просыпались ночью, то никто не знал, который час.

— Вот поглядите, — сказал он, — что за стройная да красивая птица. На голове у неё рубиново-красный венец, и носит она шпоры, точно какой-нибудь рыцарь; она окликает вас ночью трижды в положенное время, а когда кричит она в последний раз, это значит, что скоро взойдёт солнце. А когда запоёт она среди бела дня, этим указывает на верную перемену погоды.

Людям это понравилось, они решили целую ночь не спать и с великой радостью слушали, как петух отчётливо и громко пел в два, в четыре и в шесть часов, указывая время. Они спросили, не продаст ли он им петуха и сколько за него потребует денег.

— Столько золота, сколько осёл дотащить сможет, — ответил он.

— И деньги-то малые за такую драгоценную птицу, — обрадовались они и охотно заплатили ему то, что он потребовал.

Воротился он со своим богатством домой; братья его удивились, и сказал средний из них:

— Пойти, что ли, и мне? Может, и я сбуду свою косу так же удачно.

Но поначалу было оно как-то на то непохоже: повсюду встречал он крестьян, и у них тоже были косы за плечами, как и у него. Но, наконец, и ему посчастливилось попасть на остров, где люди о косе до той поры и понятия не имели. Когда у них созревали хлебá, они подвозили к полям пушки и выстрелами срезали хлеб. Но дело это было ненадёжное. Одно ядро стреляло слишком далеко, другое вместо стебля попадало в колосья, и от выстрела они разлетались, и много зёрен пропадало понапрасну, а кроме того, было много лишнего шума. И вот пошёл средний брат на поле и стал косить, да так бесшумно и быстро, что люди от изумленья так рты и пораскрывали. Они были согласны отдать ему за ту косу всё, что он потребует. И вот получил он лошадь, на которую золота навьючили столько, сколько она могла тащить.

Захотелось и третьему брату сбыть свою кошку подходящему человеку. Но и с ним, пока он ходил по нашей земле, вышло поначалу то же, что и с братьями; и ничего придумать он не мог, — повсюду кошек было так много, что новорожденных котят большей частью топили. Наконец удалось ему перебраться на один остров, и, по счастью, оказалось, что кошек там ни разу не видавали, а мышей там развелось так много и они так обнаглели, что прямо плясали по столам и скамьям, всё равно — дома

ли хозяин, или нет. Люди очень жаловались на такое бедствие, даже сам король не знал, как спастись от них в своём замке: во всех углах пищали мыши и грызли всё, что только им ни попадалось.

Вот вышла кошка на охоту и вскоре очистила несколько зал от мышей; стали люди просить короля, чтоб купил он этого чудесного зверя на пользу государству. Король охотно уплатил то, что было за неё потребовано, и дал мула, навьюченного золотом; и воротился домой третий брат с самыми большими богатствами.

Всласть наелась кошка в королевском замке мышами; передушила она их столько, что и счесть было невозможно. Наконец ей стало от такой работы жарко и захотелось ей пить; остановилась она, головой повертела и закричала: «мяу-мяу». Испугался король, услышав такой странный крик, а за ним и придворные, и в страхе бежали они все вместе из замка. И держал король в нижнем зале совет, как быть, как лучше всего поступить. Было, наконец, решено выслать к кошке герольда и потребовать, чтобы она покинула замок и предупредить её, что в противном случае к ней будет применена сила.

И советники сказали, что лучше уж от мышей мучиться,— к этому злу они, мол, привычны,— чем отдавать свою жизнь на произвол такому чудовищу.

Один из пажей должен был подняться в замок и спросить у кошки,

согласна ли она убраться отсюда подобру-поздорову. Но стала кошку жажда мучить пуще прежнего, и она ответила только: «мяу-мяу». А паж понял: «нет, мол, нет», и передал королю этот ответ.

— Ну,— сказали тогда советники,— в таком случае она должна будет уступить силе.— И были наведены пушки; открыли огонь, и загорелся от выстрелов замок. Когда огонь стал проникать в зал, где сидела кошка, она благополучно выскочила в окно; но осаждающие не прекращали пальбу до тех пор, пока весь замок не был разрушен до основания и не осталось от него и камня на камне.

Шестеро весь свет обойдут

ИЛ-БЫЛ на свете человек, и был он на все руки мастер; служил он на войне и был смел и отважен, но как кончилась война, получил он отставку да три гроша харчевых на дорогу. «Постой,— сказал он,— это мне не очень-то нравится. Найду-ка я нужных людей — вот и отдаст мне, пожалуй, король все сокровища целой страны».

И отправился он разгневанный в лес и увидел там человека; и вырвал тот человек с корнем шесть деревьев, точно были это соломинки какие. И говорит он ему:

— Хочешь стать моим слугой и везде следовать за мной?

— Ладно,— ответил тот,— но вот отнесу я сперва матери вязанку хвороста;— и он взял одно из деревьев, связал им остальные пять, взвалил их на плечи и понёс домой.

Затем он вернулся и пошёл вместе со своим хозяином, а хозяин ему и говорит:

— Мы с тобою вдвоём весь свет обойдём.

Прошли они немного, и повстречался им на пути охотник; стоял он, опустившись на колени, и, приложив ружьё, целился. И говорит ему хозяин:

— Охотник, ты что, стрелять собираешься?

Тот ему ответил:

— В двух милях отсюда сидит на ветке дуба муха,— вот и хочу я прострелить ей левый глаз.

— О, раз так, то ступай вместе со мной,— сказал человек.— Если мы будем троём, то весь свет обойдём.

Охотник согласился и пошёл за ним; и пришли они к семи ветряным мельницам; их крылья быстро вертелись, а ветер не дул ни слева, ни справа, даже листок на дереве, и тот не шевелился. Вот человек и говорит:

— Не понимаю, как движутся эти мельницы, ведь и ветерка-то нету.— И он двинулся дальше со своими слугами; прошли они две мили и увидели человека на дереве; он прижал одну ноздрю, а дул в другую.

— Послушай, что это ты там наверху делаешь?— спросил его человек.

А тот и говорит:

— Да вон в двух милях отсюда стоят семь мельниц, ну вот я и дую на них, а они и вертятся.

— О, раз так, то ступай за мной,— сказал человек.— Если будем мы вчетвером, то весь свет обойдём.

Тот слез с дерева и пошёл с ними вместе; а вскоре увидели они ещё одного; стоял он на одной ноге, а другую отстегнул и положил около себя.

Вот хозяин и говорит:

— Ты, однако, удобно на отдых расположился.

— Я скороход, — ответил тот, — а чтоб не бежать очень уж быстро, я одну ногу и отстегнул; а то, ежели побегу я на двоих, то будет, пожалуй, побыстрее, чем птица летит.

— О, раз так, то ступай за мной. Если будем мы впятером, то весь свет обойдём!

И пошёл скороход вместе с ними; вскоре повстречали они человека, — а у того шапчонка еле на голове держится, на самое ухо надвинута. Вот хозяин ему и говорит:

— Красиво, что и говорить, красиво! Поправь шапку-то, а то совсем дураком выглядишь.

— Этого никак сделать нельзя,— ответил тот.— Если надвину я шапку прямо, то наступит такой сильный мороз, что все птицы поднебесные на лету позамёрзнут и упадут замертво наземь.

— О, раз так, то ступай за мной!— сказал хозяин.— Если будем мы вшестером, то весь свет обойдём.

И пришли они все шестеро в город. А король объявил там во всеобщее сведенье, что тот, кто согласится бежать с его дочерью взапуски и в этом деле выйдет победителем, тот и станет её мужем, но кто окажется побеждённым, тому голову с плеч долой. Явился тогда человек и говорит:

— Я выставлю за себя своего слугу, он за меня побежит.

Король ответил:

— Раз так, ты должен отдать мне в залог и его жизнь; и если победит моя дочь, то не сносить вам обоим головы на плечах.

Так они и сговорились и порешили; пристегнул тогда человек скороходу вторую ногу и говорит ему:

— Ну, будь попроворней и помоги одержать нам победу.

А было сговорено, что кто первый принесёт воду из дальнего колодца, тот и будет победителем. Вот получили скороход с королевной по кружке и пустились бежать взапуски. Пробежала королевна совсем небольшое расстояние, а скороход уже из виду скрылся — помчался точно ветер. Вскоре добежал он до колодца, набрал полную кружку воды и повернул назад. На обратном пути напала на него усталость, и поставил он кружку, а сам лёг на землю и уснул. Но вместо подушки положил он себе под голову конский череп, чтоб спать было жёстко и чтоб поскорей проснуться. А королевна, та тоже бегать умела хорошо, но так, примерно, как всякий

человек бегать умеет. И вот прибежала она к колодцу и поспешила с полной кружкой воды назад. Заметив, что скороход лежит и спит, она обрадовалась и говорит:

— Теперь-то соперник в моих руках,— выплеснула она воду из его кружки и помчалась дальше.

Тут бы всё и пропало, если бы зоркий охотник, по счастью, не стоял на башне замка и не заметил бы всего, что случилось. И сказал он:

— А всё же королевне победить нас не придётся,— и, зарядив своё ружьё, он выстрелил так метко, что выбил конский череп из-под головы скорохода, не причинив ему никакого вреда.

Проснулся скороход, вскочил и увидел, что кружка его пуста и что королевна далеко его обогнала. Но он не растерялся, бросился с кружкой снова к колодцу, зачерпнул воды и прибежал всё же на десять минут раньше королевны.

— Вот,— сказал он,— только сейчас я и расправил как следует ноги, а раньше разве это был бег!

И королю стало обидно, а ещё больше того королевне, что какой-то простой отставной солдат может теперь увести её из дому. Посоветовались они между собой, как избавиться им от него, а заодно и от его товарищей; и король сказал королевне:

— Не бойся, средство такое я нашёл; они домой не вернутся.

И обратился он к ним с такими словами:

— Теперь надо будет всем вам вместе повеселиться, поесть да выпить как следует,— и повёл он их в комнату, а пол в ней был весь железный, двери были тоже железные, и на окнах были железные прутья. И был в комнате той накрыт стол, и стояли на нём разные вкусные яства; и король сказал:

— Добро пожаловать! Наслаждайтесь в своё удовольствие!

Только они туда вошли, велел король закрыть за ними двери на замки и на засовы. Затем он велел позвать повара и приказал ему развести огонь под комнатой, и чтоб горел он до тех пор, пока железо не раскалится докрасна. Так повар и сделал,— и согрелись шестеро как следует, пока за столом сидели, и подумали они, что это от еды стало им так жарко; но когда жара становилась всё больше и больше и им захотелось выйти из комнаты, они увидели, что все двери и окна заперты,— видно, король задумал что-то недоброе и порешил их удушить.

— Но это ему не удастся,— сказал тот, на котором была шапчонка,— я нагоню такой холод, что никакой жар перед ним не устоит.— И он надел свою шапчонку прямо,— и настал такой мороз, что всякая жара вмиг исчезла, и кушанья на блюдах начали подмерзать.

Прошло два часа, и король подумал, что они от жары уже погибли, и велел тогда открыть двери, чтоб самому на тех шестерых посмотреть. Открылась дверь, и увидел он, что все живы и здоровы да ещё говорят, что им приятно было бы выйти наружу погреться, что мороз-де в комнате такой, что замерзает даже еда на блюдах.

Тогда разгневанный король спустился вниз к повару, стал его ругать

на чём свет стоит да спрашивать, почему он не исполнил того, что было ему велено.

Но повар ответил:

— Жару-то ведь было довольно, вот поглядите хоть сами.

Король глянул и увидел, что под железной комнатой пылает сильный огонь; тут-то и понял король, что с этими шестерыми таким способом ничего не поделаешь.

И стал король думать да раздумывать снова, как бы ему от недобрых гостей избавиться. Он призвал главного из них и говорит:

— Хочешь, я дам тебе золота, сколько угодно, а ты откажись от моей дочери.

— О, я согласен, господин король!— ответил тот,— дайте мне золота столько, сколько слуга мой сможет донести, и я требовать вашей дочери не стану.— Королё это понравилось, а тот и говорит:

— Ну что ж, приду я за ним спустя две недели.

Тогда он созвал всех портных со всего королевства, и должны они были сидеть две недели подряд и шить мешок. А когда его сшили, то должен был тот силач, что деревья с корнем выворачивал, взять его на плечи и идти с ним к королю. И спросил король:

— Что это за силач, который может тащить на своих плечах целую грудку полотна?— Испугался и подумал: «Сколько же золота он утащит?»

И он велел принести целую бочку золота, несли его шестнадцать самых сильных людей королевства,— а силач сунул золото одной рукою в мешок и говорит:

— Чего же вы больше-то не принесли, этим ведь и дна мешка не покроешь.

Тогда король велел перетащить сюда мало-помалу всю свою казну. Силач и её засунул в мешок, но и после того он не наполнился даже наполовину.

— Тащите побольше!— кричал он,— а то этими крохами ничего не заполнишь.

И собрали тогда со всего государства семь тысяч повозок золота; но всё это, заодно с запряженными в них быками, засунул силач в свой мешок.

— Чего тут разглядывать,— сказал он,— надо брать всё, что под руку попадётся, а то этак и мешка не наполнишь.

Сунул всё это он в мешок, а в нём ещё немало места пустого осталось. Вот он и говорит:

— Ну, дело, однакож, надо кончать, ведь мешки завязывают иной раз, когда они бывают и неполные.— И он взвалил мешок себе на спину и ушёл вместе со своими товарищами.

Увидал король, что один человек унёс на спине всё богатство целой страны, разгневался и велел своим всадникам сесть на коней, догнать шестерых и отнять у того силача мешок. И вот два полка их вскоре нагнали, и крикнули всадники:

— Сдавайтесь в плен; бросайте мешок с золотом на землю, а не то мы вас всех перебьём!

— Да что вы говорите?— сказал тот, что в ноздрю здорово дуть умел.— Это мы-то сдадимся в плен? Скорей вы у нас все в воздухе заплаете,—и он зажал одну ноздрю и дунул в другую, да прямо на оба конных полка, — и рассыпалась конница и разлетелась по воздуху над горами, над долинами во все стороны.

Один из фельдфебелей закричал, прося о пощаде, стал объяснять, что ранен уже девять раз, и солдат-де он исправный, и оскорбленья такого никак не заслужил. Тогда тот стал дуть чуть потише, и фельдфебель благополучно спустился на землю; и сказал он фельдфебелю:

— Ну, а теперь возвращайся домой к королю да скажи ему, пусть вышлет конницы ещё больше, я и ту по воздуху всю размечу.

Услыхал о том король и сказал:

— Пусть они поскорей убираются, тут что-то неладное.

И вот принесли шестеро все богатства к себе домой, поделили их поровну и стали жить да поживать припеваючи до самой своей смерти.

Одноглазка, Двуглазка и Трёхглазка

ЖИЛА-БЫЛА женщина, и было у неё три дочери; старшую звали Одноглазкой, оттого что был у неё один только глаз на лбу; средняя звалась Двуглазкой, оттого что у неё, как и у всех людей, было два глаза; а младшую звали Трёхглазкой, потому что было у неё три глаза, и третий был у неё посреди лба. И оттого, что Двуглазка выглядела так же, как и все остальные люди, сёстры и мать очень её не любили. Они ей говорили:

— Уж ты со своими двумя глазами никак не лучше простого люда, ты совсем не нашего роду.

Они постоянно толкали её, давали ей платья поплоче, и приходи-

лось ей есть одни только объедки, а они ещё издевались над ней как только могли.

И вот пришлось Двуглазке однажды итти на поле пасти козу; но была Двуглазка очень голодна — поест дали ей сёстры совсем мало. Села она на меже и заплакала, да так стала плакать, что полились у неё из глаз слёзы ручьями. И вот в горе глянула она, вдруг видит — стоит перед нею женщина и спрашивает её:

— Двуглазка, чего это ты плачешь?

Двуглазка говорит:

— Как же мне не плакать? Очень уж не любят меня мои сёстры и мать за то, что у меня, как и у всех людей, два глаза; всё толкают меня, дают мне донашивать старые платья, и есть мне приходится только то, что от них остаётся. Сегодня дали они мне так мало поест, что я осталась совсем голодная.

И говорит ей ведунья:

— Двуглазка, вытри слёзы, я скажу тебе такое слово, что отныне ты никогда не будешь голодная, — стоит тебе только сказать своей козе:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне!—

и будет стоять перед тобой чисто убранный столик с самыми прекрасными кушаньями на нём, и сможешь ты есть, сколько твоей душе будет угодно. А когда наешься ты досыта и столик будет тебе не нужен, то скажешь ты только:

Козочка, ме-е,
Столик, на место!—

и он снова исчезнет.

И сказав это, ведунья ушла. А Двуглазка подумала: «Надо будет сейчас попробовать, правда ли то, что она говорит, уж очень мне есть хочется», и сказала:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне!

И только вымолвила она эти слова, как стал перед нею столик, накрытый белой маленькой скатертью, а на нём тарелка, нож и вилка, и серебряная ложка, а кругом самые прекрасные кушанья; и шёл от них пар, и были они ещё горячие, словно их только что принесли из кухни. Тогда Двуглазка прочитала самую короткую молитву, какую она знала: «Господи, не оставь нас во всякое время. Аминь», и села она к столу и стала есть. Наевшись досыта, она сказала, как научила её ведунья:

Козочка, ме-е,
Столик, на место!

И вмиг исчез столик и всё, что стояло на нём. «Славное, однако, хозяйство», — подумала Двуглазка, и стало ей хорошо и весело.

Вечером, возвратясь домой со своей козой, нашла она глиняную миску с едой, что оставили ей сёстры, но она к ней и не прикоснулась. На другой день вышла она снова со своею козой в поле и не стала есть тех крох, что ей оставили. В первый и во второй раз сёстры не обратили на это никакого внимания, но так как это случалось всякий раз, то, наконец, они это заметили и сказали: «Что-то неладное творится с нашей Двуглазкой: каждый раз она оставляет еду, а раньше ведь всё съедала, что ей давали: она, должно быть, что-то придумала». И вот, чтобы узнать правду, было решено, что когда Двуглазка погонит козу на пастбище, с нею пойдёт и Одноглазка, чтоб посмотреть, что она там делает и не приносит ли ей кто-нибудь еду и питьё.

Собралась Двуглазка идти на пастбище, а Одноглазка подходит к ней и говорит:

— Я пойду с тобой вместе, посмотреть хорошо ли ты пасёшь козу, пасётся ли она там как следует.

Но Двуглазка поняла, что задумала Одноглазка, загнала козу в высокую траву и говорит:

— Одноглазка, пойдём сядем, я тебе что-нибудь спою.

Села Одноглазка, устала она от непривычной ходьбы по солнцепёку, а Двуглазка запела:

Ты не спишь, Одноглазка?
Ты уж спишь, Одноглазка?

И закрыла свой глаз Одноглазка и уснула. Увидала Двуглазка, что Одноглазка крепко спит и узнать ничего теперь не сможет, и говорит:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне!—

и села она за столик, наелась-напилась досыта и молвила снова:

Козочка, ме-е,
Столик, на место!

И вмиг всё снова исчезло. Разбудила тогда Двуглазка Одноглазку и говорит:

— Одноглазка, что же ты, пасти козу собираешься, а сама-то уснула? Ведь она может вон куда забежать. Вставай, пора уж и домой возвращаться.

Пошли они домой, а Двуглазка опять к своей мисочке с едой так и не прикоснулась, и Одноглазка ничего не могла объяснить матери, почему та не хочет есть, и сказала в своё оправдание:

— А я-то на поле уснула.

На другой день и говорит мать Трёхглазке:

— На этот раз надо будет пойти тебе да повнимательней проследить, что ест на поле Двуглазка, не приносит ли ей кто еду и питьё, должно быть, она ест и пьёт тайком.

Подошла Трёхглазка к Двуглазке и говорит:

— Я пойду с тобой вместе, посмотреть хорошо ли ты пасёшь козу и ест ли она там как следует.

Но Двуглазка поняла, что задумала Трёхглазка, и загнала козу в высокую траву и говорит:

— Пойдём, Трёхглазка, да сядем, я тебе что-нибудь спою.

Села Трёхглазка, устала она идти по солнцепёку, а Двуглазка и затянула свою прежнюю песенку и начала петь:

Ты не спишь всё, Трёхглазка?

И вместо того, чтобы спеть дальше:

Ты уснула, Трёхглазка?

спела она по забывчивости:

Ты уснула, Двуглазка?

И всё пела она:

Ты не спишь всё, Трёхглазка?
Ты уснула, Двуглазка?

И закрылись у Трёхглазки два глаза и уснули, но третий глаз не был песенкой той заговорен, и не уснул он. Хотя из хитрости Трёхглазка его и закрыла, будто он спит, но он моргал и мог всё хорошо видеть. Подумала Двуглазка, что Трёхглазка уже крепко спит, и сказала она тогда свой заговор:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне!—

и напилась она и наелась досыта, а затем велела столику уйти:

Козочка, ме-е,
Столик, на место!

А Трёхглазка всё это видела. Тогда Двуглазка подошла к ней, разбудила её и говорит:

— Э, да ты, кажется, спала, Трёхглазка? Хорошо ты, однако, пасёшь козу! Давай-ка пойдём домой.

Пришли они домой, а Двуглазка опять ничего не стала есть; вот Трёхглазка и говорит матери:

— Ну, теперь я знаю, почему эта гордая девчонка ничего не ест; стоит ей только сказать:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне!—

и тотчас является перед нею столик, уставленный самыми прекрасными кушаньями,— куда лучше, чем то, что едим мы здесь; а как наестся она досыта, то стоит ей сказать:

Козочка, ме-е,
Столик, на место!—

и всё снова исчезает. Я всё в точности сама это видела. Два глаза она мне усыпила своим заговором, но тот, что у меня на лбу, к счастью, не спал.

Стала тогда завистливая мать кричать на Двуглазку:

— Ты что же это, хочешь есть лучше, чем мы? Я тебя от этого отучу! — Принесла она большой нож и ударила им козу прямо в сердце, и упала коза замертво наземь.

Увидала это Двуглазка, и ушла она с горя из дому, села в поле на меже и залилась горькими слезами. Вдруг смотрит она — стоит перед ней снова ведунья и говорит ей:

— Двуглазка, чего ты плачешь?

— Да как же мне не плакать!— отвечала она.— Заколола мать мою козочку, что, бывало, как скажу я ей ваш заговор, накрывала мне так чудесно каждый день столик; а теперь придётся мне снова голодать да горе терпеть.

Говорит ей ведунья:

— Двуглазка, я дам тебе добрый совет: попроси своих сестёр, чтобы отдали они тебе внутренности убитой козы, и закопай их у порога в землю, и будет тебе от того счастье.

Ведунья исчезла, а Двуглазка вернулась домой и говорит сёстрам:

— Милые сёстры, дайте мне что-нибудь от моей козы, хорошего куска я у вас не прошу, дайте мне только внутренности.

Засмеялись они и говорят:

— Это ты можешь, пожалуй, получить, если другого не просишь.

Взяла Двуглазка внутренности козы и закопала их вечером тайно, по совету ведуньи, возле порога.

На другое утро, когда все проснулись и вышли на порог, видят — стоит перед ними дивное дерево, листья у него все серебряные, висят между ними золотые плоды; и такого прекрасного и драгоценного дерева не было ещё во всём свете. Но они не могли понять, откуда могло ночью вырасти тут дерево. Только одна Двуглазка знала, что выросло оно из внутренностей козы, потому что стояло оно как раз на том месте, где закопала она их в землю.

Вот мать и говорит Одноглазке:

— Дитя моё, полезай на дерево да нарви нам с него плодов.

Взобралась на дерево Одноглазка, но только хотела она сорвать одно из золотых яблок, а ветка и выскользнула у неё из рук, — и не пришлось ей сорвать ни одного яблока, как она ни старалась.

Тогда мать и говорит:

— Трёхглазка, ну, полезай ты, ведь тебе-то лучше видать твоими тремя глазами, чем Одноглазке.

Спустилась Одноглазка с дерева, а Трёхглазка на него взобралась. Но и Трёхглазка оказалась не более ловкой, чем её сестра; и как уж она ни глядела, а всё же золотые яблоки никак не давались ей в руки. Наконец у матери нехватило терпенья, и она сама полезла на дерево, но и ей, как и Одноглазке и Трёхглазке, не удалось схватить ни одного яблока. Тогда говорит Двуглазка:

— Дозвольте мне полезть на дерево, может мне лучше удастся.

Хотя сёстры и посмеялись: «Где уж тебе с твоими двумя глазами достать-то!» — но Двуглазка влезла на дерево, и вот золотые яблоки от неё не уходили, а падали сами к ней в руки, — и нарвала она их полный передник. Взяла мать у неё яблоки; и вот надо бы теперь Одноглазке и Трёхглазке обращаться с бедной Двуглазкой лучше, чем прежде, но они стали ей завидовать, что только ей одной и удалось достать золотые яблоки, и стали они с ней обращаться ещё хуже.

Стояли они раз все вместе у дерева, а на ту пору проезжал мимо молодой рыцарь.

— Скорей, Двуглазка, — крикнули ей сёстры, — полезай под дерево, чтоб нам не пришлось за тебя стыдиться, — и они поспешили накрыть Двуглазку пустой бочкой, стоявшей около дерева, и попрятали туда же и золотые яблоки, которые она сорвала.

Вот подъехал рыцарь ближе, и оказался он красивым юношей. Он

остановил коня, изумился, глядя на чудесное дерево, что было всё из золота да серебра, и говорит сёстрам:

— Чьё это прекрасное дерево? Кто даст мне ветку с него, тот может потребовать от меня, чего захочет.

И ответили Одноглазка и Трёхглазка, что дерево это принадлежит им и что они охотно сломают ему ветку с него. Но как они ни старались, а сделать этого не смогли, — ветки и плоды всякий раз от них ускользали. Тогда рыцарь и говорит:

— Странно, дерево ваше, а вы не можете и ветки с него сломать.

Но они стояли на том, что дерево всё же принадлежит им. В то время как они разговаривали, выкатила Двуглазка из-под бочки два золотых яблока, и покатались они прямо к ногам рыцаря, — Двуглазка рассердилась, что Одноглазка и Трёхглазка говорят неправду. Как увидал рыцарь яблоки, удивился и спросил, откуда они взялись. Одноглазка и Трёхглазка ответили, что у них есть сестра, но она не смеет людям на глаза показаться, оттого что у ней только два глаза, как у всех простых людей. Но рыцарь потребовал, чтоб её показали, и крикнул:

— Двуглазка, выходи!

И вот вылезла Двуглазка спокойно из-под бочки, и рыцарь был поражён её дивной красотой и сказал:

— Ты, Двуглазка, наверное, можешь сорвать мне ветку с этого дерева?

— Да, — ответила Двуглазка, — это, конечно, сделать я могу, ведь дерево-то моё. — Взобралась она на дерево и легко сорвала ветку с красивыми серебряными листьями и золотыми плодами и подала её рыцарю.

Тогда рыцарь и говорит:

— Двуглазка, что мне дать тебе за это?

— Ах, — ответила Двуглазка, — я терплю голод и жажду, нужду и горе с раннего утра и до позднего вечера; я была бы счастлива, если бы вы взяли меня с собой и выручили бы меня из беды.

Тогда посадил рыцарь Двуглазку на своего коня и привёз её домой в свой отчий замок. Там одел он её в прекрасные платья, накормил её досыта. И полюбил он её, и обвенчался с нею, и отпраздновали они свадьбу в великой радости.

Как увёз прекрасный рыцарь Двуглазку, стали завидовать сёстры её счастью. «А волшебное-то дерево останется у нас, — думали они, — хоть и нельзя сорвать с него плодов, а всё же всякий будет останавливаться у нашего дома и к нам приходить да его расхваливать, и кто знает, где найдёшь своё счастье!»

Но на другое утро дерево исчезло, а с ним и их надежды. Глянула Двуглазка из своей светёлки в окошко, видит — стоит перед нею, к её великой радости, дерево — оно перешло следом за нею.

Долго жила Двуглазка в счастье и в довольстве. Но пришли раз к ней в замок две нищенки и попросили у ней милостыни. Глянула им в лицо Двуглазка и узнала в них своих сестёр Одноглазку и Трёхглазку, —

они так обеднели, что пришлось им теперь ходить по дворам да выпрашивать кусок хлеба. Двуглазка позвала их к себе, приняла их ласково и о них позаботилась; и они от всего сердца раскаялись в том, что причинили своей сестре так много зла в молодости.

Стоптаные туфельки

ЖИЛ-БЫЛ некогда король. Было у него двенадцать дочерей, одна другой красивей. Спали они все вместе в одной зале, и постели их стояли рядом; вечером, когда они ложились спать, король закрывал дверь и запирал её на засов. А утром, когда он её открывал, то всегда замечал, что туфли у дочерей все от танцев стоптаны, и никак он не мог понять, отчего это происходит. И велел король кликнуть клич по всему королевству, что тот, кто дознается, где это они по ночам танцуют, может выбрать одну из них себе в жёны, а после его смерти стать королём. Но кто объявится, а в течение трёх дней и ночей о том не дознается, тому голова с плеч долой.

Вот вызвался вскоре один королевич взяться за это отважное дело. Его хорошо приняли и вечером отвели в комнату, что находилась рядом с залой-опочивальней. Ему приготовили постель, и он должен был наблюдать, куда королевны уходят и где танцуют; а чтоб ничего они не смогли сделать тайком или уйти куда-нибудь в другое место, то двери в залу были оставлены открытыми. Но вдруг веки у королевича налились точно свинцом, и он уснул, а когда наутро он проснулся, оказалось, что все двенадцать королевен ходили куда-то танцевать, — туфельки их стояли в зале, но у всех на подошвах были протёрты дыры. И на второй, и на третий вечер случилось то же самое: и вот отрубили королевичу без всякой жалости голову. Приходило потом ещё много других, которые брались за это отважное дело, но всем им пришлось поплатиться жизнью.

И вот случилось, что один бедный солдат, который был ранен и служить больше не мог, направился в тот самый город, где жил король. Повстречалась ему на пути старуха, она спросила его, куда он идёт.

— Да я и сам точно не знаю, — ответил солдат и в шутку добавил: — Есть у меня охота дознаться, где это и в самом деле королевны свои туфли во время танцев стаптывают, — вот, может, я и королём сделаюсь.

— Да это не так-то и трудно, — сказала старуха. — Ты не пей вина, что поднесут тебе вечером, и притворись, будто крепко спишь.

Затем дала она ему небольшой плащ и сказала:

— Если ты наденешь его, то станешь невидимкой и сможешь тогда пробраться вслед за двенадцатью королевнами.

Солдат, получив добрый совет, решил приняться за это дело: набрался он смелости и к королю женихом объявился. Был он принят так же хорошо, как и другие, и на него тоже надели королевские одежды. Вечером,

как пришло время спать ложиться, отвели его в комнату рядом с опочивальней; и когда он собирался ложиться спать, пришла старшая королева и поднесла ему кубок вина; но он привязал к подбородку губку, — вино всё и впиталось, и он и капли не выпил. Затем лёг он в постель, полежа немного и начал храпеть, будто спит самым глубоким сном. Услышали то двенадцать королевен, засмеялись, а старшая и говорит:

— И этому бы тоже не мешало жизнь свою поберечь.

Затем они встали, открыли шкафы, ларцы и шкатулки и достали роскошные платья; стали перед зеркалами наряжаться и прыгать на радостях, что вскоре смогут они опять танцевать. Но одна из них, младшая, и говорит:

— Я не знаю, вы вот радуетесь, а у меня на душе как-то тяжело: должно быть, с нами случится какое-нибудь несчастье.

— Эх ты, пуганая ворона, — сказала ей старшая, — всего ты вечно боишься! Разве ты забыла, сколько уже королевичей здесь понапрасну побывало? Солдату я даже и не стала бы сонного зелья подносить, этот олух и так не проснётся.

Вот королевны были уже готовы и глянули на солдата, а он глаза закрыл, не двинется, не шелохнётся, и подумали они, что теперь уже бояться им нечего. Подошла старшая к своей кровати и постучала в неё; и опустилась тотчас кровать в подземелье, и сошли они одна за другой вниз через подземный ход, а впереди всех шла старшая. Солдат, видя всё это, долго не мешкал, он набросил на себя свой плащ и спустился вниз вслед за младшей. Посреди лестницы он наступил ей слегка на платье, она испугалась и крикнула:

— Что это? Кто это схватил меня за платье?

— Да ты не выдумывай, — молвила старшая, — это ты, видно, за крючок зацепилась.

Вот сошли они все вниз и очутились в чудесной аллее, и были все листья на деревьях серебряные, и они все сияли и сверкали. Солдат подумал: «Возьму-ка я что-нибудь в знак доказательства», — и он отломил с дерева ветку; вдруг послышался страшный треск. Младшая вскрикнула:

— Тут что-то неладное, вы слышали треск?

Но старшая сказала:

— Это салютуют на радостях, что мы скоро освободим от чар наших принцев.

И они пошли затем по другой аллее, где листья на деревьях были все золотые, и, наконец, по третьей, где были листья все из чистых алмазов; и он отломил с обоих деревьев по ветке, и всякий раз дерево трещало, и младшая дрожала от страха, но старшая настаивала на том, что это салютуют в знак радости. Пошли они дальше, и вот подошли, наконец, к большой реке; стояло у берега двенадцать лодок, и в каждой лодке сидело по прекрасному принцу, и они ждали своих двенадцать королевен, и каждый посадил королевну к себе в лодку, солдат же сел вместе с младшей. А принц и говорит:

— Отчего это лодка вдруг стала сегодня тяжелее? Приходится мне грести изо всех сил.

— Это, пожалуй, — молвила младшая, — от жаркой погоды, и меня нынче что-то томит.

И стоял на другом берегу красивый, ярко освещённый замок, доносились оттуда весёлая музыка, трубы и литавры. Переплыли принцы через реку, вошли в замок, и каждый из них стал танцевать со своей милой. Солдат тоже танцевал вместе с ними, никем невидимый, и когда одна из королевен держала кубок с вином, то он весь его выпивал до дна, только она подносила его ко рту; и страшно было от того младшей, но старшая всё заставляла её молчать. Так протанцевали они там до трёх часов утра, и вот все туфельки истоптались от танцев, и пришлось им оставить свои пляски. Перевезли принцы их опять через реку, а солдат на этот раз сел на переднюю лодку, к старшей. На берегу они попрощались со своими принцами и пообещали им притти снова на следующую ночь. Когда они всходили по лестнице, солдат забежал вперёд и лёг в свою постель; и когда двенадцать королевен медленно подымались, утомлённые, по лестнице, он уже храпел, да так громко, чтоб все слышали; и они сказали: «Уж этого человека опасаться нам нечего». Сняли они свои красивые платья, спрятали их, стоптанные во время танцев туфельки поставили под кровать, а сами легли спать.

На другое утро солдат решил ничего не рассказывать, а ещё раз поглядеть на это диво, — и вот ходил он и вторую и третью ночь с ними вместе. И всё было так же, как и в первый раз, — они плясали до тех пор, пока туфельки не стаптывали. Но на третий раз взял он с собой в доказательство кубок. Вот наступило время ему отвечать, и взял он с собой и спрятал три ветки и кубок и пошёл к королю, а двенадцать королевен стояли за дверью и слушали, что он скажет. Когда король стал спрашивать:

— Ну, рассказывай, где мои двенадцать дочерей ночью все свои туфельки в плясках истоптали? — то солдат ответил:

— Вместе с двенадцатью принцами в подземном замке.

И рассказал он королю всё, как было, и принёс ему знаки доказательства.

Велел тогда король позвать своих дочерей и спросил их, правду ли говорит солдат? Видя, что всё обнаружилось, и если отпираться, то всё равно ничего не поможет, они сознались во всём. Тогда король и говорит:

— Какую же ты хочешь взять в жёны?

Он ответил:

— Я-то уж не молод, так отдайте мне старшую.

В тот же день и свадьбу сыграли, и было ему обещано после смерти короля и всё государство.

А принцы были снова заколдованы на столько дней, сколько ночей проплясали они вместе с двенадцатью королевнами.

Золотые дети

ЖИЛ-БЫЛ на свете бедняк со своей бедной женой, и была у них одна лишь небольшая избушка, и кормились они рыбной ловлей — что заработают, то сразу и проедят. Раз вышел рыбак на берег и закинул сеть свою в воду, начал тянуть и вытащил рыбу — не простую, была она вся золотая. Посмотрел он на неё, удивился, и вдруг рыба заговорила и сказала:

— Послушай, рыбак, еслипустишь ты меня снова в воду, то сделаю я твою убогую избушку богатым замком.

И ответил рыбак:

— Что мне в замке твоём, если есть мне нечего!

А золотая рыба ему и говорит:

— Я и о том позабочусь: будет у тебя в замке шкаф; только ты его откроешь, то увидишь, что стоят в нём разные блюда с прекрасными кушаньями, и столько, сколько ты пожелаешь.

— Если так,— молвил бедняк,— то, пожалуй, сделаю тебе одолжение.

— Хорошо,— ответила золотая рыба,— но с таким уговором, что не скажешь ты никому на свете, кто бы то ни был, откуда к тебе счастье явилось; а скажешь хоть слово, всё тотчас исчезнет.

Бросил рыбак волшебную рыбу в реку и домой воротился. Глядь, где прежде стояла у него избушка, вырос теперь большой замок. Поглядел он на него, удивился, вошёл в него, видит — сидит его жена в роскошных покоях, нарядилась в красивое платье. Была она довольна и говорит:

— Скажи ты мне, муженёк, откуда всё это вдруг явилось? Мне это всё очень нравится.

— Да,— сказал муж,— и мне тоже нравится. Только я очень голоден, дай-ка мне чего-нибудь поесть.

А жена говорит:

— Нету у меня ничего, и не знаю я, где и найти в этом новом доме

— Не тужи,— ответил муж,— вон, я вижу, стоит большой шкаф, ты возьми его да открой.

Открыла она шкаф, глядь — стоят в нём пироги, мясо, овощи и вино,— прямо глянуть приятно. И воскликнула на радостях жена:

— Чего ж нам ещё надобно?— уселись они за стол, стали есть да пить вместе. Вот наелись они, а жена и спрашивает:

— А скажи мне, муженёк, откуда же явилось всё это богатство?

— Эх,— ответил он,— ты уж меня о том не спрашивай, не допытывай, рассказать я тебе об этом не смею, а если кому о том я скажу, то пропадёт всё наше счастье.

— Ладно,— говорит жена,— если я не должна о том спрашивать, то и ведать о том не желаю!

Но она сказала неправду; и не имела она покоя ни днём, ни ночью, она мучила мужа и так ему докучала, что он с досады ей и рассказал, как явилось всё это от волшебной золотой рыбы, которую он поймал и за то отпустил на свободу. Только он это промолвил, вдруг исчез прекрасный замок вместе со шкафом, и очутились они снова в своей ветхой рыбацкой избушке.

И пришлось рыбаку снова приняться за свой промысел и начать рыбачить. Но, по счастью, случилось так, что вытащил он ещё раз золотую рыбу.

— Послушай,— молвила рыба,— если ты снова отпустишь меня в воду, я верну тебе замок вместе со шкафом, полным всякой снеди; только смотри — держи слово, не выдавай никак, от кого всё это ты получил, а не то ты снова всё потеряешь.

— Уж на этот раз я поостерегусь,— ответил рыбак и бросил рыбу в воду. Воротился он домой, видит — а там снова прежнее богатство, и жена радуется счастью. Но любопытство не давало ей покоя, и спустя несколько дней начала она снова спрашивать и допытываться, откуда всё это взялось, и как он это устроил. Муж долго молчал, но, наконец, она его так донимать стала, что он не сдержался и выдал свою тайну. В тот же миг исчез замок, и вот сидят они снова в своей ветхой избушке.

— Ну, вот ты своего и добилась,— сказал муж,— что ж, придётся нам теперь снова корку сухую грызть.

— Ах,— сказала жена,— уж лучше мне и богатств никаких не надо, если я не знаю, откуда они явились, а то б не имела я и дня покоя.

Отправился муж снова рыбачить, и через некоторое время так уж оно вышло, что вытащил он и в третий раз золотую рыбу.

— Послушай,— молвила рыба,— видно, мне суждено попадаться тебе в руки; возьми ты меня с собою домой и разрежь меня на шесть кусков; два из них дай съесть жене, два — лошади дай, а два закопай в землю,— и будет тебе от этого счастье.

Взял рыбак золотую рыбу домой и сделал так, как она ему велела. И вышло так, что из тех двух кусков, что он закопал в землю, выросли две золотые лилии, лошадь двух золотых жеребят дала, а жена рыбака двух детей родила, и были они все золотые.

Подросли дети, стали большие да красивые, и лилии и лошади выросли тоже вместе с ними. И говорят дети:

— Отец, мы хотим сесть на наших золотых коней и пуститься странствовать по свету.

Ответил он им, пригорюнившись:

— Как перенести мне разлуку, когда вы уедете, и не знать, что с вами?

А они говорят:

— Останутся здесь две золотые лилии; вы по ним увидите, что с нами: будут они расти, значит и мы здоровы; а увянут — значит мы больны; а если они отцветут — значит нас нету уже в живых.

И ускакали они и приехали к харчевне; а было там много народу; когда увидели люди двух золотых юношей, стали смеяться и над ними подшучивать. Когда один из юношей услышал те насмешки, он застыдился и не захотел больше странствовать по свету, повернул назад и воротился к своему отцу. А другой отправился дальше, и вот подъехал он к дремучему лесу. Хотел он уже было въехать в лес, но люди сказали:

— Вы там не проедете — в лесу полно разбойников, они на вас нападут, а как увидят, что вы золотой и конь у вас золотой, то, чего доброго, ещё и убьют.

Но он не испугался и сказал:

— Я должен во что бы то ни стало через лес этот проехать.

Он взял медвежьи шкуры, закутался в них и коня укрыл тоже, чтоб золота не было видно, и смело въехал в лес. Только он немного проехал, вдруг услышал в глубине шум и голоса говоривших между собой. Потом поодаль от дороги кто-то крикнул: «Там кто-то едет», а с другой стороны ответили: «Ну, и пусть себе едет, это, должно быть, какой-то медвежатник; он беден, как церковная мышь, на что он нам нужен!» — Так счастливо проехал золотой юноша через тот лес, и никакой беды с ним не случилось.

Однажды заехал он по пути в деревню и увидел там девушку; была она так прекрасна, что он не знал, может ли быть на свете другая, её красивей. Он так влюбился в неё, что пришёл к ней и сказал:

— Я люблю тебя всем сердцем и душой, согласна ли ты выйти за меня замуж?

И он тоже понравился девушке, она согласилась и ответила ему:

— Да, я хочу стать твоей женой и быть тебе верной на всю жизнь.

И стали они свадьбу справлять, но когда они радовались и веселились, воротился отец невесты домой и, увидев, что дочь его устроила свадьбу, удивился и спросил:

— А где ж твой жених?

Ему показали на золотого юношу, но был он укутан в медвежью шкуру. И сказал разгневанный отец:

— Никогда медвежатнику не получить моей дочери себе в жёны, — и хотел было его убить.

Тут стала невеста просить отца да уговаривать:

— Теперь он мне муж, я люблю его от всего сердца.

И вот отец смиростивился. Но он всё размышлял об этом, и на другое утро встал рано, желая посмотреть на мужа своей дочери — вправду ли он простой оборванец-нищий. Заглянул он и увидел в постели красивого золотого юношу; сброшенные медвежьи шкуры лежали на полу. И он вернулся и подумал: «Как хорошо, что я сдержал свой гнев, а то бы совершил я большое преступление».

А золотому юноше в это время снилось, что выезжает он на охоту за прекрасным оленем; и, проснувшись поутру, сказал он своей невесте:

— Я хочу отправиться на охоту.

Ей стало страшно, и она начала его просить остаться с нею:

— С тобой легко может случиться большое несчастье.

Но он ответил:

— Нет, мне надо ехать. — Он встал и отправился в лес; и вскоре остановился перед ним, как и снилось ему во сне, стройный олень. Он нацелился и хотел было его застрелить, но олень ускорился. Он погнался за ним по оврагам и зарослям и безустали гонялся за ним целый день; но вечером олень скрылся из виду. Оглянулся золотой юноша, видит — стоит он перед небольшой избушкой, а в избушке той жила ведьма. Он постучался, вышла навстречу старушка и спрашивает:

— Что надобно вам в такую позднюю пору в глухом лесу?

Он ответил:

— Не видали ли вы оленя?

— Да,— сказала она,— этого оленя я хорошо знаю.

А в это время громко залаяла на юношу собачонка, что выскочила из избушки следом за ведьмой.

— Да замолчи ты, злая жаба,— сказал он,— а не то я тебя застрелю. Тогда ведьма крикнула гневно:

— Как, ты хочешь мою собачку убить?!— и обратила она юношу тотчас в камень.

А невеста всё его домой ждала понапрасну и думала: «Видно, с ним что-то случилось, даром я так боялась и на сердце было у меня так тяжело».

А дома, как раз в это самое время второй брат остановился около золотых лилий и видит, что вдруг одна из них отцвела.

— Ах, боже ты мой,— сказал он,— с моим братом случилось большое несчастье; надо скорей итти, может мне ещё удастся его спасти.

А отец говорит:

— Нет оставайся ты дома; если я и тебя потеряю, то что мне делать тогда?

Но сын ответил:

— Я должен во что бы то ни стало итти.

Вскочил он на своего золотого коня и помчался, и приехал он в тот же дремучий лес, где лежал его брат камнем. Вышла из своей избушки старая ведьма, окликнула его, чтоб и его заколдовать, но он к ней близко не подошёл и сказал:

— Я тебя застрелю, если ты тотчас не оживишь моего брата.

С большой неохотой прикоснулась она к камню пальцем, и вмиг вернулся брату его человеческий образ. Обрадовались золотые юноши, увидав друг друга, стали целовать да обнимать друг друга, сели на своих коней и выехали вместе из лесу: один — к своей невесте, а другой — домой к отцу.

И сказал тогда отец:

— Я-то знал, что ты спасёшь своего брата, ведь золотая лилия вдруг поднялась и зацвела снова.

И они стали жить да поживать припеваючи до самой своей смерти.

Певчий попрыгун-жаворонок

ЖИЛ-БЫЛ на свете человек, и собрался он в дальнюю дорогу. Вот спрашивает он на прощанье у своих трёх дочерей, что ж привезти им в подарок. Старшая попросила жемчуга, средняя — брильянты, а младшая говорит:

— Милый батюшка, хочу я, чтоб привёз ты мне певчего прыгуна-жаворонка.

Ответил отец:

— Ладно, если я такого достану, то привезу.

Поцеловал он всех трёх дочерей и отправился в путь-дорогу. Но вот пришло время ему домой возвращаться, и накупил он для двух старших дочерей жемчугов и брильянтов, но напрасно искал он для младшей певчего прыгуна-жаворонка; и было это ему досадно, потому что была она его любимой дочкой. А путь лежал через лес, и стоял в самом лесу прекрасный замок, и росло вблизи замка дерево, а на самой его вершине увидел он певчего прыгуна-жаворонка. «Э, да ты кстати мне повстречался!» — сказал он, обрадовавшись. Позвал своего слугу и велел ему влезть на верхушку и поймать птичку. Но только тот подошёл к дереву, как выскочил сзади лев, тряхнул гривой и так заревел, что листья на деревьях задрожали.

— Кто посмеет украсть моего певчего прыгуна-жаворонка, — закричал он, — того я съем живьём!

А человек и говорит:

— Я не знал, что птица принадлежит тебе. Я готов исправить свою ошибку и дорогой ценою откупиться, только оставь меня в живых.

Тогда лев говорит:

— Одно тебя может спасти: пообещай мне то, что первым тебе дома повстречается. Если ты на это согласен, то, так и быть, дарю тебе жизнь и впридачу птицу для твоей дочери.

Но человек отказался и говорит:

— Ведь это может оказаться моей младшей дочерью, — она любит меня сильнее всех и всегда выбегает мне навстречу, когда я возвращаюсь домой.

Но слуге стало страшно, и говорит он:

— Неужто вас непременно встретит дочь? Это может оказаться кошка или собака.

И он уговорил своего хозяина, и тот взял певчего прыгуна-жаворонка и пообещал льву отдать первое, что встретится ему дома.

И вот он воротился домой. Входит к себе в дом, и первая, кого он встретил, была не кто иная, как его младшая любимая дочь. Бросилась она к нему навстречу, стала его целовать и обнимать, а как увидела, что привёз он ей певчего прыгуна-жаворонка, была она вне себя от радости. Но отцу было не до веселья, он заплакал и говорит:

— Милая моя дочка, дорогою ценой заплатил я за эту маленькую птичку, — пришлось мне пообещать отдать тебя дикому льву; он растерзает тебя и съест. — И рассказал ей всё, что произошло, и стал просить её, что бы ни случилось, а ко льву не итти. Стала она его утешать и говорит:

— Милый батюшка, что обещано, то надо исполнить; я пойду, но льва постараюсь задобрить и вернуться домой целой и невредимой.

На другое утро она попросила указать ей дорогу, простилась и спокойно отправилась в самую чащу лесную. А был лев не кто иной, как заколдованный королевич, днём он был львом, и вместе с ним и все его

слуги были тоже львами, а ночью они опять превращались в людей.

Когда она пришла, встретил лев её ласково и проводил в свой дворец. А когда наступила ночь, стал он прекрасным юношей; тут и свадьбу сыграли с большой пышностью. И стали они жить счастливо вместе, ночью бодрствовали, а днём спали. Вот приходит он раз и говорит:

— Завтра в доме у твоего отца будет пир по случаю свадьбы старшей твоей сестры; если хочешь, то мои львы проводят тебя туда.

Она сказала, что охотно повидала бы своего отца, и направилась домой, и провожали её львы. И была великая радость, когда она явилась, — ведь все думали, что её растерзал лев и что давно её уже нет в живых. Рассказала она, какой у неё красивый муж и как хорошо ей живётся, и пробыла она дома, пока продолжалась свадьба, а затем вернулась назад в лес. Когда выходила замуж средняя дочь, её опять пригласили на свадьбу, и она сказала льву:

— Но на этот раз не хочу я идти одна, пойдём вместе со мной.

Но лев ответил, что это будет для него слишком опасно, — ведь если упадёт на него луч от зажжённой свечи, то обернётся он голубем, и придётся ему семь лет летать вместе с голубями.

— Ах, — сказала она, — уж пойдём вместе со мной, я буду тебя охранять и защищу от всякого света.

И вот отправились они вместе и взяли с собой и своего маленького ребёнка. Она велела построить там зал с прочными и толстыми стенами, куда не проникал бы ни один луч, чтобы лев мог сидеть в нём, когда зажгутся свадебные свечи. Но дверь сделана была из сырого дерева, она рассохлась и дала небольшую трещину, которую никто из людей не заметил. Стали праздновать пышную свадьбу, и когда свадебный поезд возвращался из церкви с факелами и свечами мимо зала, упал тонкий, как волос, луч на королевича, и в тот же миг был он обращён в голубя. Когда жена вернулась домой и стала искать мужа, найти его нигде не могла, — перед нею сидел белый голубь. И голубь сказал:

— Семь лет должен буду летать я по свету. Но каждые семь шагов я буду ронять по капельке алой крови и по белому пёрышку, они укажут тебе дорогу, и если ты пойдёшь по следу, то сможешь меня освободить.

Сказав это, голубь вылетел в дверь, и она пошла вслед за ним; и каждые семь шагов падали наземь алые капельки крови и белые пёрышки и указывали ей дорогу. И так шла она всё дальше и дальше по свету, не оглядывалась и не отдыхала. И прошло уже почти семь лет. Стала она радоваться, думая, что скоро будут они освобождены от чар, но было это ещё так далеко!

Она шла всё дальше, и вот однажды не упало пёрышко наземь, не скатилась алая капелька крови. Глянула она наверх, видит — голубь исчез. Она подумала: «Люди мне ничём помочь не могут», и она поднялась к солнцу и сказала ему:

— Светишь ты во все углы тёмные и на вершины горные, не видало ли ты, где белый голубь летает?

— Нет, — ответило солнце, — не видало я голубя белого, но подарю

тебе ларец, ты открой его, когда будешь в великой беде и опасности.

Поблагодарила она солнце и пошла дальше; шла она до самого вечера, пока не взошёл уже и месяц, и спросила она у месяца:

— Ты целую ночь светишь на поля на широкие, на леса на высокие, не видал ли ты, где белый голубь летает?

— Нет,— ответил ей месяц,— не видал я белого голубя, вот подарю я тебе яйцо, ты разбей его, когда будешь в большой беде и опасности.

Поблагодарила она месяц и пошла дальше. Шла она, пока явился ветер ночной и подул на неё прохладой. И молвила она ветру ночному:

— Ты веешь над всеми деревьями, подо всеми листьями дуешь, не видал ли ты, где белый голубь летает?

— Нет,— сказал ей ветер ночной,— не видел я белого голубя, но спрошу у других трёх ветров, может они видали.

Явились ветер восточный и западный ветер, но они не видели ничего, а южный ветер ответил:

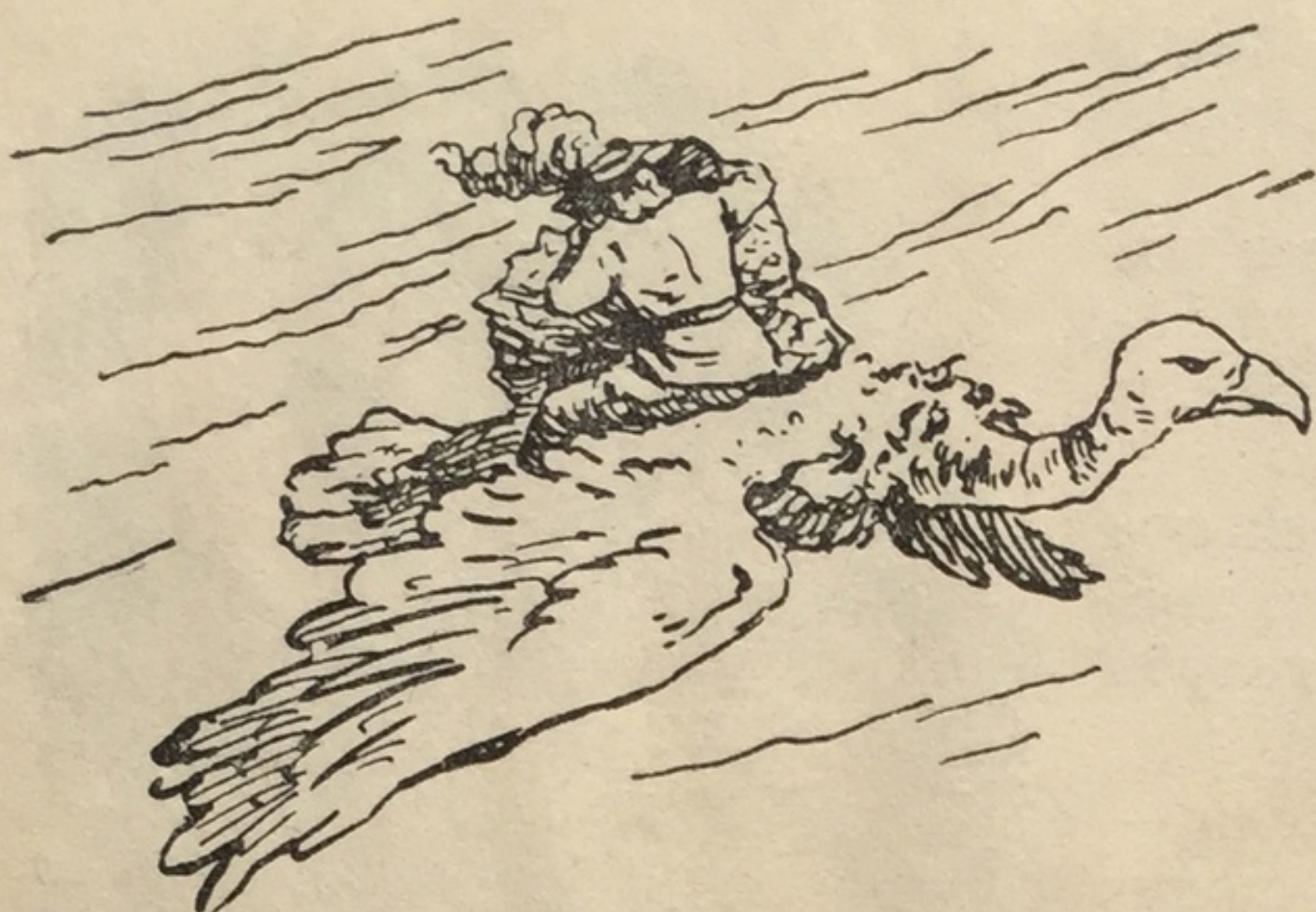
— Видел я белого голубя, полетел он к Красному морю, там обернулся он снова львом, ведь минуло семь лет, и борется лев там с драконом, а дракон тот — зачарованная королева.

И сказал ей ветер ночной:

— Дам я тебе совет: ступай к Красному морю, растут на правом его берегу большие лозы; ты их сосчитай, и срежь одиннадцатую, и ударь ею дракона — тогда лев его одолеет, и вернётся к обоим снова их человеческий образ. Потом оглянись назад, и увидишь ты птицу-грифа, что сидит у Красного моря; вскочи вместе с милым своим на спину к нему, и перенесёт вас птица через море домой. На тебе ещё орешек; когда будешь ты посреди моря, кинь его в воду, и вырастет из воды большой орешник, и отдохнёт на нём птица-гриф. Если ей отдохнуть не удастся, то нехватит у ней сил перенести вас через море; а забудешь ты бросить в воду орешек, то уронит вас птица-гриф в море.

Пошла она к морю и нашла там всё, о чём говорил ей ветер ночной. Сосчитала она лозы на морском берегу, одиннадцатую срезала, ударила ею дракона, и лев его одолел; и вмиг обратились они снова в людей.

Только освободилась от чар королевна, что прежде была драконом, взяла она за руки юношу, села на птицу-грифа и исчезла с ним вместе. И осталась бедная странница опять одна, села она на землю и заплакала. Но, наконец, она успокоилась и сказала: «Я пойду дальше, так далеко, куда только ветер дует и доколе петух будет петь, пока его не найду». И пошла она дальше, и прошла

много путей и дорог, пока не пришла, наконец, к замку, где жили они вдвоём, и узнала, что скоро будут справлять они свадьбу. И сказала она:

— Бог мне поможет ещё раз! — и она открыла ларец, подаренный солнцем, и лежало в том ларце платье, и сияло так же, как самое солнце. Она достала его, надела и поднялась в замок, и все люди и даже невеста посмотрели на неё с удивлением; и это платье так понравилось невесте, что захотелось ей надеть его под венец, и она спросила, не может ли та его продать.

— Не продам я его ни за деньги, ни за какое добро, — ответила она, — а за плоть и за кровь.

Невеста спросила, что она этим хочет сказать. И она ответила:

— Позволь мне переночевать в той комнате, где спит твой жених.

Невеста не согласилась; но ей так хотелось получить платье, что, наконец, она дала согласие, приказав слуге подсыпать королевичу сонного зелья.

Когда наступила ночь и королевич уснул, её отвели в спальню. Села она у его постели и сказала:

— Я шла за тобой семь лет, была я у солнца и месяца, и у четырёх ветров я была — всё о тебе узнала, я помогла тебе одолеть дракона, неужто ты меня совсем позабыл?

Но королевич спал крепко, и казалось ему, будто ветер шумит среди елей в лесу. Когда наступило утро, её увели из спальни, и пришлось ей отдать своё золотое платье.

Но когда и это не помогло, запечалилась она, вышла на луг, села и заплакала. Сидя там, она вспомнила о яйце, что подарил ей месяц; она разбила яйцо — и вылупилась из него наседка с двенадцатью золотыми цыплятами, они побегали, поклевали и залезли опять под крылья наседки, — и не было ничего милее на свете, как смотреть на это.

Потом она встала и пошла по лугу, но невеста заметила из окошка маленьких цыплят, и они ей так понравились, что она вышла из замка и спросила, не продаст ли их странница.

— Ни за деньги, ни за добро, а за плоть и за кровь. Дозволь мне ещё одну ночь пробыть в спальне, где спит жених.

Невеста согласилась, но решила её обмануть, как и в прошлый вечер. Когда королевич ложился в постель, он спросил своего слугу, что это был за шум и за шопот в прошлую ночь. И слуга рассказал ему обо всём: что велено было дать ему сонного зелья, потому что какая-то бедная девушка спала тайком в его спальне, и что в эту ночь он должен дать ему снова сонного зелья. Тогда королевич сказал:

— Вылей это зелье на пол у моей постели.

Ночью девушку ввели снова, и стала она рассказывать, как ей тяжело пришлось; и он тотчас по голосу узнал свою милую жену, вскочил с постели и воскликнул:

— Только теперь впервые я воистину освобождён от чар, а был я будто во сне, ибо меня околдовала чужая королева и заставила меня тебя позабыть, но бог во-время снял с меня наваждение.

Тогда они вышли оба ночью тайком из замка,— они боялись отца королевны, который был колдуном,— сели на птицу-грифа, и перенесли их птица-гриф через Красное море. И когда были они посреди моря, бросила она в воду орешек. И тотчас выросло большое дерево орешник, отдохнула на нём птица-гриф и принесла их потом домой, где нашли они своего ребёнка; он за это время вырос и сделался красивым мальчиком; и жили они с той поры счастливо до самой смерти.

Юный великан

БЫЛ у одного крестьянина сын; и был он ростом всего с палец, больше никак не рос, и за несколько лет ничуть не сделался больше. Собрался раз крестьянин ехать на поле — землю пахать, а малютка ему и говорит:

— Батюшка, хочу я с тобой на поле поехать.

— На поле? — говорит отец. — Нет, уж лучше оставайся ты дома; какая с тебя польза будет, чего доброго, я тебя ещё потеряю.

И начал Мальчик-с-пальчик плакать; и чтобы его успокоить, сунул его отец в карман и взял вместе с собой. Приехав на поле, он достал его из кармана и посадил на только что вспаханную борозду. Вот сидит на ней Мальчик-с-пальчик, а в это время выходит из-за горы огромный великан.

— Видишь эту громадину? — спросил его отец, желая напугать этим малыша; а чтоб был он послушным, сказал: — Вот он тебя заберёт с собой!

Великан в это время сделал несколько шагов своими длинными ножищами и очутился у самой борозды. Взял он маленького Мальчика-с-пальчик осторожно двумя пальцами, поднял вверх, поглядел на него внимательно и, ни слова не молвив, двинулся с ним дальше. Отец стоял

рядом, но от страха и слова вымолвить не мог, и решил, что пропал теперь его сыночек и никогда уж он больше его не увидит.

И унёс великан его к себе домой, начал его выкармливать; и вырос Мальчик-с-пальчик и стал таким же большим и сильным, как и все великаны. Прошло два года, и направился старый великан вместе с ним в лес. Он захотел его испытать и сказал:

— Вытащи-ка мне вот этот пруттик.

А стал мальчик такой уже сильный, что вырвал из земли молодое дерево вместе с корнями. Великан подумал: «Ну, дело теперь пойдёт лучше». И взял его с собой и выкармливал ещё целых два года. Стал он его опять испытывать, и силы у мальчика настолько прибавилось, что мог он вырвать из земли теперь и старое дерево. Но великану это казалось ещё недостаточным, он выкармливал его ещё два года, потом пошёл с ним в лес и сказал:

— Ну-ка, вырви мне пруттик побольше,— и парень вырвал ему из земли самый толстый дуб — он так и затрещал; и было это для него делом совсем пустячным.

— Ну, теперь хватит,— сказал великан,— ты уже обучился,— и отвёл его назад на поле, откуда он его принёс.

А отец его как раз в это время шёл за плугом. Юный великан подошёл к нему и говорит:

— Посмотрите, батюшка, каким человеком ваш сын сделался.

Крестьянин испугался и говорит:

— Нет, ты мне не сын, я такого не хочу, отойди от меня.

— Да нет же, я ваш сын, и дозвольте мне приняться за работу; пахать я умею так же хорошо, как и вы, а может, ещё и получше.

— Нет, нет, ты не сын мне, да и пахать-то ты не умеешь; уходи от меня прочь.

Но так как он великана побаивался, то отошёл от плуга и сел на край поля. Взял тогда парень всю упряжку и нажал одной только рукой на плуг, но нажим был такой сильный, что плуг глубоко врезался в землю. Тут крестьянин не вытерпел и крикнул:

— Коли хочешь землю пахать, то не надо так сильно нажимать, а то пахота будет неважная.

Тогда парень выпряг коней, потащил плуг на себе и сказал:

— Ступай, батюшка, домой да вели матери наварить мне миску еды, да чтобы побольше, а я уж за это время сам всё поле вспашу.

Пошёл крестьянин домой и сказал жене, чтоб наварила она еды побольше. Вспахал парень поле, а было оно величиной в два моргена¹, и сделал он это один, а потом впряг себя в борону и стал боронить всё поле двумя боронами зараз. Кончив работу, пошёл он в лес, вырвал из земли два дуба, взвалил их себе на плечи, а сзади и спереди по бороне, да ещё сзади и спереди по лошади, и понёс всё это, словно вязанку соломы, домой к отцу-матери. Входит он во двор, а мать его не узнала и спрашивает:

— Что за страшный и огромный человечище?

А крестьянин отвечает:

— Да это наш сын.

А она говорит:

— Нет, это не наш сын,— такого верзилы у нас никогда не было, наш-то ведь был совсем крошечный.

И она крикнула ему:

— Ступай прочь, такого мы не хотим!

Но парень промолчал, отвёл лошадей на конюшню, засыпал им овса, подложил им сена — всё как следует. Когда он закончил работу, вошёл в комнату, сел на скамью и говорит:

— Матушка, ну, а теперь мне хочется чего-нибудь поесть, скоро ли будет ужин?

— Скоро,— ответила она и принесла две больших полных миски еды, её хватило бы для неё и для мужа, пожалуй, на целую неделю. Но парень поел всё это сам и спросил, нельзя ли ещё чего подбавить.

— Нет,— сказала она,— это всё, что у нас имеется.

— Да ведь это только, чтоб отведать,— мне бы надо побольше.

Она не решилась ему отказать, пошла на кухню и поставила на огонь большой котёл, из которого свиньи ели, и когда он вскипел, принесла она ему целый котёл.

— Наконец-то ещё маленько принесли,— сказал он и съел всё за один присест; но и этим он не наелся. Тогда говорит он отцу:

— Я вижу, что сыт я у вас не буду. Достаньте мне железную палицу, да покрепче, такую, чтоб мне на колене не переломить, и пойду я странствовать по свету.

Крестьянин обрадовался, запряг в повозку пару лошадей и привёз от кузнеца палицу, такую большую и толстую, какую только могла дотащить пара лошадей. Положил парень палицу на колено и — трах! — переломил её пополам, как гороховый стебель, и отбросил в сторону. Запряг тогда отец четырёх лошадей и привёз палицу, такую большую и толстую, какую могла только дотащить четвёрка лошадей. И эту сын, положив на колено, переломил, кинул её в сторону и говорит:

— Батюшка, ты в этом деле помочь мне, видно, не можешь; надо запрячь лошадей побольше и привезти палицу, какую покрепче.

¹ Старинная мера земли в Германии. (Примеч. переводчика).

И запряг отец восьмерик лошадей и привёз палицу, такую большую и толстую, какую только восемь лошадей могли дотащить. Взял её сын в руку, отломил сверху кусок и говорит:

— Ну, вижу я, что палицы, какая мне нужна, вы достать не можете, дольше оставаться у вас я не хочу.

И он ушёл от него и стал выдавать себя всюду за кузнеца-подмастерье. Пришёл раз в деревню, а жил в той деревне кузнец и был он большой скряга — никому ничего не давал и хотел, чтоб всё принадлежало только ему. Вот он пришёл к нему в кузницу и спрашивает, не нужен ли ему будет кузнец-подмастерье.

— Да, — говорит кузнец; глянул на него и подумал: «Этот парень здоровенный, ковать сумеет хорошо и на хлеб себе зарабатывает». И спросил:

— А какую ты плату за работу хочешь?

— Да мне никакой платы не надо, — говорит он, — а вот каждые две недели, когда будешь с другими подмастерьями расплачиваться, хотел бы я давать тебе по два тумака, а ты уж изволь их выдержать.

Такой уговор скряге пришёлся по сердцу: он рассчитал, что так сэкономит он немало денег. На другое утро новый подмастерье должен был приняться в первый раз за работу, и когда мастер принёс раскалённую докрасна болванку, тот ударил разок, но железо от удара всё так и раз-

летелось, а наковальня вгрузла в землю так глубоко, что её нельзя было никак оттуда вытащить.

Рассердился скряга и говорит:

— Э-э, нет, держать я тебя на работе не стану, ты куёшь слишком грубо. А сколько ты хочешь за этот удар?

Подмастерье ему отвечает:

— Одно я хочу — дать тебе небольшого пинка, больше мне ничего от тебя не надо. — И он поднял ногу, дал ему пинка, и перелетел кузнец через четыре стога сена.

Потом выбрал он себе самую толстую железную болванку, какая была в кузнице, взял её вместо посоха в руку и отправился дальше.

Вскоре подошёл он к деревне и спросил у старосты, не потребуется ли ему старший работник.

— Да, — ответил староста, — пожалуй, будет нужен. Ты, видно, парень здоровый, с делом, пожалуй, управишься. А сколько ты жалованья за год хочешь?

Он опять-таки ответил, что жалованья ему не надо, а вот хочет он давать ему каждый год по три тумака, которые тот должен выдержать. Староста таким ответом остался доволен, — он был тоже порядочный скряга. На другое утро работникам надо было ехать в лес за дровами, все уже встали, а старший работник ещё лежал в кровати. Вот один из работников его и окликнул:

— Эй ты, вставай, пора в лес за дровами ехать, и тебе тоже вместе с нами.

— Э, — ответил он насмешливо и грубо, — вы уж себе отправляйтесь, а я раньше вас с делом управлюсь.

Вот работники и пошли к старосте и рассказали ему, что старший-де работник ещё лежит на полатах и, видно, ехать с ними в лес не собирается. Староста сказал, что пусть его разбудят как следует и скажут, чтоб он запряг лошадей. А старший работник опять им отвечает:

— Ды вы езжайте себе, я раньше всех вас с делом управлюсь.

И он пролежал на полатах ещё часа два. Наконец вылез он из перины, принёс из амбара две мерки чечевицы, сварил себе похлёбку, спокойно её поел, а потом пошёл на конюшню, запряг лошадей и поехал в лес. А вблизи от порубки была ложбина, по которой надо было ему ехать. Проехал он с телегой через ложбину, остановил лошадей, отошёл назад к телеге и устроил из деревьев и хворосту такую засеку, что через неё ни одна лошадь не могла бы проехать. Подошёл он к порубке, а в это время другие работники уже выезжали оттуда домой с гружёными телегами, вот он им и говорит:

— Езжайте-езжайте, я всё равно раньше вас домой приеду. — Отъехал он немного, вырвал сразу из земли два самых больших дерева, взвалил их на телегу и повернул назад. Подъезжает к засеке, видит — стоят работники и никак не могут через неё проехать.

— Вот видите, — сказал он, — остались бы вы со мной, то и домой бы поскорей приехали да ещё часок-другой могли бы поспать.

Он хотел тоже проехать через ложбину, но лошади пробраться никак через неё не могли. Тогда он их выпряг, положил на телегу, а сам ухватился за оглобли и враз перетащил всё через засеку, и сделал это так легко, словно телега была перьями нагружена. Вот перебрался он на другую сторону и говорит тогда остальным:

— Вот видите, я скорей вас проехал,— и двинулся дальше, а остальным пришлось там остаться.

Заехав во двор, он взял в руки дерево, показал его старосте и говорит:

— А дров-то, пожалуй, целая сажень выйдет.

Вот староста и говорит своей жене:

— А работник наш и вправду хорош; хоть и спит он много, да с делом раньше других справляется.

Так прослужил он у старосты целый год. Вышел срок, и стали работники получать своё жалованье. Вот он и говорит:

— Время и мне свою плату получать.

Испугался староста пинков, которые он должен был получить, и стал его просить и уговаривать, чтобы он простил ему те тумаки:

— Я уж лучше старшим работником стану, а ты будь за меня старостой.

— Нет, — сказал он, — не хочу я быть старостой; я старший работник и хочу им остаться, а своё, как мы условились, должен я получить.

Стал староста ему предлагать всё, что он только пожелает, но старший работник на все его предложения отвечал «нет». Староста не знал, что ему и делать, и попросил у него на размышление две недели отсрочки. Старший работник на это согласился. Созвал тогда староста всех своих писарей, чтоб пораздумали они хорошенько и дали бы добрый совет. Писаря долго думали-раздумывали и, наконец, сказали, что никто перед старшим работником устоять не сможет, а то, пожалуй, и жизнью расплатиться придётся, — ведь он каждого, как комара, раздавит. И они посоветовали старосте, чтобы велел он старшему работнику спуститься в колодец и его почистить, а когда он спустится вниз, прикатить мельничный жернов и сбросить его ему на голову, — тогда уже он никогда оттуда не вылезет.

Совет этот старосте понравился, и старший работник спуститься в колодец согласился. Когда он очутился на дне колодца, они скатили в колодец самый большой мельничный жернов, думая, что расшибут работнику голову, а он вдруг как закричит оттуда:

— Отгоните кур от колодца, а то роются они там в песке и сбрасывают мне в глаза всякий мусор, и мне оттого ничего не видно.

Крикнул тогда староста: «Кш-кш!», будто кур отгоняет. Закончил старший работник свою работу, вылез из колодца и говорит:

— Поглядите, какое у меня красивое ожерелье,— а был это на самом деле жернов, висел он у него на шее.

Пожелал старший работник получить теперь своё жалованье, но староста опять выпросил две недели на размышление. Сошлись все писаря

и дали такой совет: послать старшего работника в заколдованную мельницу, чтоб перемолол он там ночью зерно; никто ещё с той мельницы наутро живым не возвращался. Это предложение старосте понравилось, и он позвал в тот же вечер работника и велел ему отвезти на мельницу восемь четвертей зерна и за ночь всё это перемолоть,—очень, мол, нужно. Пошёл старший работник в амбар, насыпал две четверти зерна в правый карман, две четверти в левый, а четыре насыпал в перемётную суму, взвалил на себя и, нагруженный, отправился к заколдованной мельнице. Мельник сказала ему, что днём он может зерно перемолоть как следует, но ночью никак дело не выйдет,—мельница-де заколдованная, и всякого, кто в неё зайдёт, мёртвым наутро выносить приходится. Но работник сказал:

— Я уж как-нибудь управлюсь, вы только уходите отсюда да ложитесь себе спать.

И пошёл он на мельницу и засыпал зерно. Часам к одиннадцати зашёл он к мельнику в комнату и присел на лавку. Посидел немного,—вдруг открывается дверь, и входит в комнату большой-пребольшой стол, и ставятся на него сами собой вино и жаркое и много всяких других яств, а в комнате ведь никого не было, кто мог бы всё это принести. И придвинулись потом стулья сами к столу, но никто из людей не явился. Вдруг увидел он пальцы, они двигали ножами и вилками и накладывали кушанья на тарелки, а больше ничего разглядеть он не мог. Он был голоден, а когда увидел кушанья, то подсел тоже к столу и стал есть вместе с другими; и всё ему показалось очень вкусным. Когда он наелся и другие тоже поели всё, что было у них на тарелках, вдруг кто-то стал все свечи тушить,—это он ясно слышал,—и когда стало темным-темно, хоть глаз выколи, то кто-то дал ему вроде пощёчины. Тогда он сказал:

— Если это повторится ещё раз, я дам сдачи!

И когда он получил ещё раз пощёчину, он тоже размахнулся и тотчас ударил кого-то в ответ.

И так продолжалось целую ночь: он не спускал ни разу и честно давал сдачу, не ленился — бил куда попадётся. Но только стало светать, как всё вмиг прекратилось. Мельник встал, захотелось ему посмотреть на работника, и он был удивлён, что увидел его в живых. И тот рассказал:

— Наелся-то я досыта, но и пощёчин получил немало; ну, и сдачи тоже давал.

Обрадовался мельник и сказал, что теперь мельница расколдована, и хотел было дать ему за это много денег в награду, но он сказал:

— Денег я не хочу, у меня их и так довольно.— Взвалил он мешок с мукой на плечи, пошёл домой и сказал старосте, что с делом он управился, а теперь хочет получить расчёт.

Как услышал об этом староста, тут уж и совсем перепугался и никак не мог успокоиться, стал ходить по комнате взад и вперёд, и пот градом так и катился у него с лица. Он открыл окошко, чтоб подышать свежим воздухом, но не успел идохнуть, как дал ему старший работник такого пинка, что вылетел он из окна, взлетел прямо на воздух и стал подымать-

ся выше и выше, пока, наконец, стал совсем невидим. Тогда старший работник говорит старостихе:

— Если он назад не вернётся, то другой пинок вам уж получать придётся.

Закричала старостиха:

— Нет, нет, уж мне этого не выдержать! — открыла она другое окошко, и у неё капли пота тоже на лбу проступили. И вот дал работник ей пинка, и вылетела она в окошко; а так как была она легче мужа, то и взлетела куда повыше.

Стал муж ей кричать:

— Спускайся ко мне!

А она всё кричала:

— Ты уж лучше ко мне подымайся, а мне к тебе спуститься никак невозможно. — И стали они носиться по воздуху, а друг к другу приблизиться всё никак не могут.

Летают ли они там до сих пор, по правде сказать, я не знаю. А юный великан взял свою железную палицу и пошёл себе дальше.

Умная дочь крестьянская

ИЛ когда-то на свете бедный крестьянин; земли у него вовсе не было, и была у него всего лишь одна небольшая избушка да единственная дочка. Вот и говорит раз дочка отцу:

— Надо бы нам выпросить у короля хотя бы какой-нибудь кусок пустоши.

Услыхал король про их бедность и подарил им клочок луга. Перепахала она его вместе с отцом, и собрались они посеять на нём рожь да ещё что-нибудь. Вспахали они почти всё поле и вдруг нашли в земле ступку, а была она из чистого золота.

— Знаешь что, — сказал отец дочке, — господин король был к нам так милостив, что подарил нам эту землю. Давай отдадим мы ему за это золотую ступку.

Но дочь на это не согласилась и говорит:

— Батюшка, если есть у нас одна только ступка, а пестика нету, то с нас ведь потребуют ещё и пестик, — лучше уж вы помолчите.

Но отец её не послушался, взял ступку и отнёс её королю и сказал, что нашёл её на лугу, и спросил, не примет ли он её от него в дар. Взял король ступку и спрашивает:

— А не находил ли ты ещё чего?

— Нет, — ответил крестьянин.

И сказал король, чтоб доставил он ему и пестик. Крестьянин сказал, что такого они, мол, не находили, но этот ответ помог ему мало, — всё

равно, что говорить на ветер. И посадили его в темницу, чтобы сидел он там, пока пестика не достанет. Тюремщики приносили ему каждый день хлеб да воду — то, что в тюрьме полагается; и услышали тюремщики, как он всё повторял про себя: «Ах, если б я послушался своей дочери! Ах, если б я послушался своей дочери!» Тогда пошли тюремщики к королю и доложили, что узник всё кричит и повторяет: «Ах, если б я послушался своей дочери», а от пищи и питья отказывается. И приказал король тюремщикам привести узника к нему, и спросил его король, отчего это он всё кричит: «Ах, если б я послушался своей дочери».

— Что же такое сказала твоя дочь?

— Да она сказала, чтоб я не относил вам ступки, а то потребуют с меня ещё и пестик.

— Если у тебя такая разумная дочь, то пускай она явится ко мне.

И вот пришлось ей идти к королю, и стал он спрашивать, так ли она уж умна и вправду; и сказал, что хочет задать ей одну задачу; если она её решит, то он женится на ней. Она тотчас сказала «хорошо» и согласилась её решить. Тогда король и говорит.

— Приходи ко мне не одетая и не голая, не верхом и не в повозке, не путём, а всё же дорогою; если ты сможешь это выполнить, то я на тебе женюсь.

Вот пошла она, разделась совсем дотола — и стала она неодетая; и взяла большую рыбацью сеть, стала в неё и укуталась ею — вот и не была она голая; наняла она себе за деньги осла и привязала ту сеть к ослиному хвосту, чтоб тащил он её, — вот и не ехала она ни верхом, ни в повозке; а осёл должен был тащить её по колее, и касалась она земли одним только большим пальцем ноги — и вот шла она ни путём, ни без дороги. Вот явилась она, и король сказал, что задачу она решила и всё выполнила как следует. Велел он тогда выпустить её отца из темницы, взял он её себе в жёны и отдал в её распоряжение всю королевскую казну.

Прошло несколько лет. И выехал однажды король на парад; и случилось, что крестьяне, распродав свои дрова, остановились со своими повозками у замка; иные повозки запряжены были волами, а иные лошадьми. И было у одного крестьянина три лошади, и одна из них с маленьким жеребёнком; жеребёнок убежал и лёг между волами, запряжёнными в повозку. Сойдясь, крестьяне заспорили, задрались между собой и стали шуметь; тот, у кого были волы, хотел взять себе жеребёнка, утверждая, что он-де родился от его волов, а другой сказал: «Нет, он от моих лошадей родился, и должен он остаться у меня». И дошёл их спор до самого короля, и он вынес приговор: где лежал жеребёнок, там он и должен остаться; и вот жеребёнка получил крестьянин, который приехал на волах, а ему он и вовсе не принадлежал. И пришлось другому уйти ни с чем; заплакал он с горя о пропавшем своём жеребёнке. И вот узнал он о том, что госпожа королева очень милостива, потому что сама родом из бедных крестьян; и он пошёл к ней, стал её просить, не может ли она ему помочь вернуть его жеребёнка.

Она сказала:

— Ладно, если ты мне пообещаешь, что меня не выдашь, то я скажу, как надо сделать. Рано поутру, когда король будет проезжать на развод караулов, стань посреди улицы, где он будет следовать, возьми большой невод и делай вид, будто ловишь рыбу, и всё продолжай тянуть сеть и вытряхивать, будто она полна рыбы, — и она объяснила ему, что должен он ответить, если король станет его спрашивать.

И вот на другой день крестьянин принялся ловить неводом рыбу на суше. Король, проезжая мимо, это увидел и послал своего гонца спросить, чем этот дурак там занимается. Тот ответил:

— Я рыбу ловлю.

А гонец спрашивает, как же он может ловить рыбу, когда нет воды. Тогда крестьянин сказал:

— Да так же, как от двух волов может родиться жеребёнок, так вот и я ловлю рыбу на суше.

Гонец передал его ответ королю; и приказал король привести к нему крестьянина и объявил ему, что это не сам он придумал, и пусть, мол, тотчас сознается, кто его этому научил. Но крестьянин сознаваться не хотел и всё говорил: «Да боже упаси! Сам я придумал!» Разложили его тогда на соломе и стали бить и пытать, пока он, наконец, не сознался, что этому научила его королева.

Воротился король домой и говорит своей жене:

— Зачем ты мне говоришь неправду? Отныне не хочу я, чтоб была ты моею женой; прошли твои денёчки, ступай туда, откуда пришла,— в крестьянскую свою избёнку.

Однако на прощанье он дозволил ей взять с собой то, что всего ей дороже да милей.

И сказала она:

— Хорошо, мой милый муженёк, если ты велишь, то я так и сделаю,— и она кинулась к нему в объятья, стала его целовать и сказала, что хотелось бы ей с ним как следует проститься. И она велела принести крепкого сонного зелья, чтоб выпить с ним напоследок; и выпил король весь кубок залпом, а она еле хлебнула. И вот вскоре впал он в глубокий сон; увидев это, она позвала слугу, взяла красивое белое покрывало, укутала в него короля и велела слугам вынести его и положить в карету, и отвезла его тайком в свою избушку. Положила она его в свою постельку, и спал он целый день и целую ночь, а когда проснулся, огляделся и говорит:

— Ах, господи, где же это я?— и стал звать своего слугу, но никто не явился. Подошла, наконец, к постели жена и говорит ему:

— Мой милый король, вы мне велели, чтоб взяла я с собой из замка самое что ни на есть для меня дорогое да любимое, но нету для меня ничего дороже и милее на свете тебя,— вот и взяла я тебя вместе с собой.

Навернулись слёзы на глазах у короля, и сказал он ей:

— Дорогая жена, ты должна быть моею, а я твоим,— и взял он её снова в свой королевский замок и велел отпраздновать свадьбу ещё раз; и живут, пожалуй, они и до нынешних дней.

Доктор Всезнайка

ЖИЛ-БЫЛ бедный крестьянин, звали его Рак. Повёз он однажды на двух волах телегу дров в город и продал их за два талера одному доктору. Стали с крестьянином расплачиваться, и как раз в это время доктор сидел за столом; увидел крестьянин, как вкусно тот ест и пьёт, и крепко ему захотелось, чтоб и у него всё было так же и чтоб сделался он тоже доктором. Постоял крестьянин маленько и спрашивает, не может ли он тоже доктором сделаться?

— О!— сказал доктор,— дело это, конечно, можно быстро устроить.

— А что же я должен для этого сделать?— спросил крестьянин.

— Сперва ты купи себе букварь, есть такой, что спереди на картинке петух на нём нарисован; потом продай свою телегу и двух волов и купи на те деньги одежду и всё, что к врачебному делу относится; в-третьих, закажи написать себе вывеску, чтоб на ней значилось: «Я — доктор Всезнайка», и вели прибить её у себя над дверью.

Так крестьянин и сделал, как сказано ему было. Вот позанимался он лекарским делом некоторое время, но не так уж долго, и украли в то время у одного богатого и важного господина деньги. Рассказали ему про доктора Всезнайку, — что живёт, мол, в такой-то деревне человек и может свободно узнать, куда деньги делись. Велел господин запрячь карету, поехал в ту самую деревню и спрашивает у крестьянина, не он ли будет тот самый доктор Всезнайка.

— Да, это я и есть.

— Так поедemте вместе со мной и отыщите мне украденные деньги.

— Что ж, ладно, но жена моя Грета должна ехать вместе со мной.

Господин на это согласился и велел их обоих усадить в карету, и они поехали вместе. Вот приехали они в помещичью усадьбу; стол уже был накрыт, и зовут доктора Всезнайку сперва вместе откусать.

— Да, но и жену мою Грету надо тоже позвать, — сказал он, — и уселся вместе с ней позади стола.

Вот подходит первый слуга, приносит блюдо с богатой едой; тут крестьянин толкнул жену свою в бок и говорит:

— Грета, а это ведь первый.

Он хотел этим сказать, что это первый слуга, что блюдо принёс. А слуга понял, что он будто хотел сказать: «Это, мол, и есть первый вор», и так как он и был им на самом деле, то испугался и рассказал во дворе своим товарищам:

— А доктор-то ведь всё знает, нам плохо придётся; он сказал, что я первый и есть.

Не хотелось второму слуге идти, но всё же пришлось ему подавать. Входит он со своим блюдом, а крестьянин толкнул свою жену в бок:

— Грета, — говорит, — а это второй.

Стало слуге страшно, и он поспешил скорее уйти. Третьему слуге тоже пришлось не лучше, сказал крестьянин опять:

— Грета, а это вот третий.

Четвёртому слуге пришлось нести накрытое блюдо; вот хозяин обращается к доктору, пусть-де покажет теперь своё искусство угадывать и скажет, что в этом блюде находится; а были там раки. Посмотрел крестьянин на блюдо и, не зная, как тут быть, говорит:

— Ах, бедный я Рак!

Услыхал это господин и воскликнул:

— Да, он отгадал; стало быть, знает, у кого и деньги находятся.

И стало слуге очень страшно, подмигнул он доктору, чтобы тот вышел к нему на минутку. Крестьянин вышел, и сознались перед ним все четверо слуг, что деньги они украли; и рады, мол, будут все деньги ему отдать да впридачу ещё крупную сумму обещали, если он их не выдаст: а не то их повесят. Повели они доктора туда, где лежали спрятанные деньги. Доктор остался этим доволен, вернулся в комнату, уселся за стол и говорит:

— Сударь, а теперь поищу я по своей книге, куда деньги девались. — А пятый слуга залез тем временем в печь, чтоб подслушать, не знает ли доктор чего ещё. А доктор уселся, раскрыл свой букварь, начал его перелистывать да искать петушка на картинке. Но найти его сразу не мог, вот и говорит он:

— Ты ведь здесь, ну так вылазь.

И подумал тот, кто в печку забрался, что это сказано про него, выскочил в большом испуге оттуда и завопил:

— Этот человек всё знает!

Потом показал доктор Всезнайка господину, где деньги запрятаны, но не сказал, кто их украл, и получил и с той и с другой стороны много денег в награду и стал весьма знаменит.

Чёртов чумазый брат

ОДНОМУ отставному солдату жить было нечем, и не знал он, как ему из такой беды выпутаться. Вот отправился он в лес, прошёл немного и повстречал маленького человечка, а то был чёрт. И сказал ему человечек:

— Что это с тобой? Вид у тебя что-то невесёлый.

Ответил ему солдат:

— Да вот есть хочется, а денег нету.

Чёрт и говорит ему:

— Пойдёшь ко мне в услуженье — хватит тебе на весь твой век; а служить ты мне должен семь лет, и после того снова будешь ты человеком вольным. Только вот что я тебе скажу: ты не должен ни мыться, ни чесаться, ни сморкаться, ни стричься, ни обрезать ногтей и глаз не протирать.

Солдат говорит:

— Ну, что ж делать тогда, коли воля твоя, — и пошёл за человечком, и повёл его тот прямёхонько в ад. И сказал ему чёрт, что он делать обязан: должен он под котлами огонь разводить, где грешники сидят, дом держать в чистоте да сор выносить за порог и всюду следить за порядком.

Но если он заглянет хоть раз в котёл, то плохо ему придётся. Солдат сказал:

— Ладно, уж я постараюсь.

И отправился старый чёрт снова странствовать по свету, а солдат приступил к исполнению своих обязанностей: стал огонь разводить, пол подметать, сор выносить за порог — всё, как было ему велено. Вернулся старый чёрт, посмотрел, всё ли исполнено, остался доволен и ушёл снова. Оглянулся солдат, поглядел хорошенько, видит — расставлены кругом котлы в аду, пылают под ними сильный огонь, и варится в них что-то да клокочет. Жизнь бы отдать солдат готов, лишь бы в них заглянуть, но запретил ему строго-настрого чёрт это делать. Но вот, наконец, он не мог удержаться, поднял слегка крышку первого котла и заглянул в него. И увидал он, что сидит в нём бывший его унтер-офицер.

— Ага, голубчик, — сказал солдат, — вот куда ты попал! Прежде я был в твоих руках, а теперь ты у меня, — и быстро опустил он крышку, стал раздувать огонь и подложил ещё дров. Подошёл он затем ко второму котлу, поднял слегка крышку, заглянул, видит — а в нём прапорщик.

— Ага, голубчик, вот ты куда попал! Прежде я был в твоих руках, теперь ты у меня, — закрыл солдат крышку и принёс полено, чтоб тому ещё жарче было. Захотелось солдату посмотреть, кто же это в третьем котле сидит, а там — сам генерал.

— Ага, голубчик, вот куда ты попал! Прежде я был у тебя в руках, а теперь ты у меня, — и принёс солдат мехи, стал раздувать огонь, и запылало адское пламя под ним пуще прежнего. Так нёс солдат свою службу в аду целых семь лет, не мылся, не чесался, не сморкался, не стригся, ногтей не срезал и глаз не протирал; и прошло семь лет так быстро, что ему показалось, что минуло только полгода. Когда окончился срок службы, пришёл чёрт и говорит:

— Ну, Ганс, что ты здесь делал?

— Раздувал я огонь под котлами, пол подметал да сор выносил.

— Нет, ты и в котлы заглядывал; счастье твоё, что ты подкладывал дров, а то бы теперь тебе пропадать; что ж, срок твой прошёл, хочешь домой вернуться?

— Да, сказал солдат, — хотелось бы мне поглядеть, что там дома отец мой делает.

Чёрт говорит:

— Так вот, получай своё жалованье: иди да набери себе мусору в ранец и возьми его с собой. А должен ты идти домой неумытый и нечёсанный, с длинными волосами на голове и на бороде, с неостриженными ногтями и грязными глазами, а если тебя кто спросит, откуда, мол, идешь, то скажи: «Из ада», а если кто спросит, кто ты таков, должен ответить: «Чёртов чумазый брат и сам себе король».

Ни слова не сказал солдат и сделал то, что велел ему чёрт, но жалованьем своим он остался совсем недоволен. Попал он снова наверх, в лес, снял свой ранец со спины и хотел было вытряхнуть из него мусор, но только он его открыл — и превратился весь мусор в чистое золото.

— Этого я уж никак не думал, — сказал он, остался доволен и пошёл в город.

У ворот гостиницы стоял хозяин, и когда он заметил солдата, то испугался: Ганс выглядел прямо каким-то страшилищем, хуже, чем пугало на огороде. Подозвал его хозяин гостиницы к себе и говорит:

— Откуда ты идёшь?

— Из ада.

— А кто ты таков?

— Чёртов чумазый брат и сам себе король.

Не хотел было хозяин его впускать, но как показал он ему золото, то сам и двери перед ним распахнул. Велел Ганс отвести ему самую лучшую комнату да прислуживать ему как следует, поел досыта и попил, но, однако, не мылся, не чесался, как и велел ему чёрт, и лёг, наконец, спать. А хозяину всё виделся перед глазами ранец, полный золота, и не давал он ему покоя, пока не забрался он ночью к солдату и не украл у него тот ранец.

Встал на другое утро Ганс, хотел было заплатить хозяину деньги и итти дальше, но видит, что ранец куда-то пропал. Он спохватился и подумал: «Вот без вины в беду-то попал», и вернулся он снова прямою дорогой в ад; пожаловался он старому чёрту на своё несчастье и стал просить его о помощи. Чёрт сказал:

— Садись, я умою тебя, причешу, нос утру, волосы и ногти постригу и глаза протру.

Кончил он это дело и дал ему снова ранец, полный мусора, и говорит:

— Ступай да скажи хозяину, чтоб отдал он твоё золото назад, а то я сам к нему приду и отведу его в ад, и будет он вместо тебя огонь раздувать.

Поднялся Ганс из ада и говорит хозяину:

— Ты украл у меня золото; если не вернёшь его мне назад, придётся итти тебе в ад на моё место, и станешь ты таким же страшилищем, как и я.

И отдал хозяин ему золото да ещё дал впридачу, и просил его никому о том не говорить, и стал Ганс теперь человеком богатым.

Отправился он в путь-дорогу домой, к своему отцу, купил себе, чтобы было во что одеться, дешёвенькую куртку, стал по дороге музыкой за-

ниматься, а музыке той научился он у чёрта в аду. А жил в той стране старый король; и стал Ганс перед ним играть; и понравилась очень королю его музыка, и обещал он ему в жёны свою старшую дочь. Но как услышала она о том, что должна выходить замуж за простого человека в полотняной куртке, сказала:

— Уж лучше мне в омут глубокий броситься, чем итти замуж за него.

И отдал тогда король ему свою младшую дочь в жёны, и та из любви к своему отцу согласилась. И вот получил чёрт чумазый брат королевскую дочь в жёны, а когда умер король, то и всё его королевство.

Умные люди

ОСТАЛ раз крестьянин из угла свою толстенную палку, а была она вырезана из граба, и говорит жене:

— Трина, я пойду далеко, вернусь назад эдак дня через три. Если зайдёт к нам торговец скотом и захочет купить три наших коровы, можешь продать их, но только за двести талеров, никак не меньше. Слышишь?

— Ступай с богом!— ответила жена.— Уж я так и сделаю.

— Ты уж молчи!— сказал муж.— Тебя словно кто в детстве пришиб, такой ты и до сих пор осталась. Но смотри, наделаешь глупостей, размалюю я тебе спину дёсиня, и без всякой это краски, а одной только палкой, вот этой самой, что у меня в руке, будут полосы целый год держаться, ты уж мне в этом поверь!— С этими словами крестьянин отправился в путь-дорогу.

На другое утро приходит торговец. Ну, жена не стала слишком долго с ним разговаривать. Осмотрел торговец коров и, узнав цену, говорит:

— Что ж, это я охотно заплачу; столько они, пожалуй, по сравнению с другими, и стоят.

Отвязал он их и вывел из стойла. Собрался гнать их за ворота, а хозяйка схватила его за рукав и говорит:

— Сначала вы должны мне двести талеров уплатить, а так я вас не выпущу.

— Это правильно,— отвечает торговец,— да я вот позабыл свой кошелёк с деньгами к поясу пристегнуть. Но уж вы не беспокойтесь, будьте уверены, я вам уплачу. Двух коров возьму я с собой, а третью вам в задаток оставлю.

Хозяйке это здорово понравилось, она отпустила торговца с коровами, а сама подумала: «Как Ганс-то, пожалуй, обрадуется, когда узнает, что я так умно поступила!»

Воротился крестьянин домой, как и говорил, через три дня, и тотчас спрашивает, проданы ли коровы.

— Разумеется, милый Ганс,— отвечает жена,— и так, как ты мне и велел, за двести талеров. Они того, пожалуй, и не стоят, но торговец взял их без всякого спору.

— А деньги где?— спрашивает крестьянин.

— Денег-то у меня нету,— отвечает жена,— он как раз забыл свой кошелёк с деньгами, но скоро их принесёт, он мне хороший задаток оставил.

— А какой задаток?— спрашивает муж.

— Одну из трёх коров он оставил у нас, он получит её, когда за другие уплатит. Я-то умно поступила, оставила ведь самую меньшую, её и кормить не так много придётся.

Разгневался муж, схватил палку и хотел было уже, как и обещал, жену свою дёсиня размалевать. Но вдруг бросил палку и говорит:

— Такой глупой гусыни и на свете ещё не бывало, но мне тебя жалко. Выйду-ка я на проезжую дорогу и три дня подожду, не найдётся ли кто поглупее тебя. Удастся мне такого человека найти, я прощу тебя, а не удастся, уж получишь ты у меня без всякой скидки заслуженную награду.

Вышел он на проезжую дорогу, уселся на камне и стал дожидаться, не покажется ли там кто. Он увидел, что едет повозка и стоит на ней жен-

щина, а повозка нагружена соломой, и женщина не сидит на соломе, не идёт рядом с волами и не ведёт их, как полагается. Вот крестьянин и подумал: «Пожалуй, это есть та самая, которую я ищу», — он вскочил и начал бегать взад и вперёд перед повозкой, как полоумный.

— Что вам, куманёк, надобно? — обратилась к нему женщина. — Я вас в первый раз вижу, откуда вы сами?

— Я с неба свалился, — говорит крестьянин, — и вот не знаю, как мне туда опять взобраться. Не можете ли вы меня туда отвезти?

— Нет, — говорит женщина, — туда я дороги не знаю. Но ежели вы с неба явились, то уж наверное можете мне сказать, как там поживает мой муж? Прошло три года, как он уже там находится. Вы его, должно быть, видели?

— Я-то его видел, но не всем ведь крестьянам там хорошо живётся. Он пасёт овец, но милые овечки немало ему хлопот доставляют: взберётся какая-нибудь из них на гору, в густом лесу заплутается, и приходится ему бегать за ней и гнать её к стаду. Да и пообносился он изрядно, одежда скоро у него с тела свалится. Портных ведь там нету, святой Пётр никого туда не пускает, как вы сами по сказкам знаете.

— И кто бы мог такое подумать! — воскликнула женщина. — Знаете что? Принесу-ка я его праздничный камзол, он дома в шкафу до сих пор висит, пускай его носит себе на здоровье. Будьте так добры, захватите этот камзол с собой.

— Это дело не выйдет, — ответил крестьянин, — одежды на небо брать с собой не дозволяется, всё одно её у небесных врат отберут.

— Знаете что, — сказала женщина, — вчера я продала самую лучшую свою пшеницу, порядочные деньги за неё получила, вот бы мне хотелось их мужу передать. Если вы сунете кошелек в карман, ведь никто этого не заметит.

— Ну, что с вами поделаешь, — сказал крестьянин, — уж сделаю для вас одолжение.

— Вы тут посидите, а я домой поеду и вам кошелек принесу; я скоро назад вернусь. На соломе-то я не сижу, а стою на повозке, так-то волам полегче.

Погнала она волов, а крестьянин подумал: «Видно, она глуповата маленько, и ежели и вправду принесёт деньги, то выйдет жене удача, — бить я её не стану». Вскоре прибежала женщина, принесла деньги и сама сунула их крестьянину в карман. Перед тем, как уйти, поблагодарила она его тысячу раз за его одолжение.

Вернулась женщина домой, а сын её был уже дома, он только что с поля приехал. Рассказала она ему, какой неожиданный случай с ней вышел, и говорит:

— Я так рада, что подвернулся случай передать что-нибудь моему бедному мужу; ведь кто бы мог подумать, что он будет в чём-либо на небе нуждаться?

Изумился сын.

— Матушка моя, — говорит он ей, — ведь такой человек не каждый

день с неба является; пойду-ка посмотрю, может найду этого человека. Пусть он мне расскажет, что там на небе делается, не найдётся ли там какой работы?

Оседлал он лошадь и помчался во весь опор. Нашёл крестьянина, тот сидел под ивой, собирался считать в кошельке деньги.

— Не видали ли вы человека, что с неба явился?—крикнул ему парень.

— Видал,— говорит крестьянин,— он уже назад возвращается, на гору поднялся, этой дорогой туда будет поближе. Вы его ещё можете нагнать, ежели побыстрей поедете.

— Ох,— говорит парень,— да я за целый день наморился, снопы молотил, а дорога сюда вконец меня измаяла. Вы-то ведь знаете того человека, будьте уж так добры, садитесь на мою лошадь и уговорите его, чтоб он назад воротился.

«Ага,— подумал крестьянин,— этот тоже из таких, у кого клёпки в голове нехватает».

— Что ж, почему не сделать мне для вас одолжение?— сказал он, вскочил на лошадь и помчался галопом.

А парень остался сидеть, и сидел, пока ночь наступила, но крестьянин так назад и не вернулся.

«Должно быть,— подумал парень,— тот человек с неба уж очень торопился и возвращаться назад не захотел, а крестьянин отдал ему лошадь, чтобы тот передал её моему отцу».

Вернулся парень домой и рассказал матери, что случилось; лошадь он, дескать, отцу отослал, чтоб не ходить ему по небу всё время пешком.

— Ты хорошо поступил,— сказала мать,— у тебя-то ведь ноги ещё молодые, ты можешь ходить и пешком.

Вот вернулся крестьянин домой, поставил лошадь в стойло рядом с коровой, что в задаток осталась, пошёл к жене и говорит:

— Трина, счастье твоё, что нашёл я двух дураков, ещё поглупее тебя; на этот раз дело так обойдётся, я приберегу это на другой раз.

Закурил он трубку, уселся в дедовское кресло и говорит:

— Что ж! Удачная вышла продажа, за две тощих коровы получить откормленную лошадь да ещё полный кошелёк денег впридачу. Ежели б глупость приносила столько дохода, то я стал бы охотно дураков уважать.

Так думал этот крестьянин, но тебе, пожалуй, простодушные люди милей!

Учёный охотник

ЖИЛ-БЫЛ молодой парень. Обучился он слесарному ремеслу и говорит своему отцу, что хотелось бы ему теперь отправиться в странствие и попытать счастья.

— Что ж, — сказал отец, — я на это согласен, — и дал ему на дорогу немного денег.

И вот стал парень повсюду ходить да работу себе подыскивать. Прошло некоторое время, и ничего из слесарного ремесла у него не вышло, было оно ему не с руки; и явилось у него желанье охотничьим промыслом заняться. Повстречался ему во время странствий один охотник в зелёном камзоле и спрашивает у него, откуда он идёт и куда направляется.

— Был я слесарем-подмастерьем, — отвечает ему парень, — но ремесло это мне больше не по вкусу, хочу охотничьим делом заняться; не возьмёте ли меня в ученики?

— Ну, что ж, я согласен, если пойдёшь со мной вместе.

И пошёл молодой подмастерье с ним вместе, нанялся к нему на несколько лет и изучил охотничье ремесло. Вот порешил он заняться этим делом, и дал охотник ему в уплату одно лишь духовое ружьё; но было у того ружья свойство: если из него выстрелить, то можно попасть без промаху. Отправился парень в путь-дорогу и пришёл в густой, дремучий лес, из которого и за день не выбраться. Только за вечерело, он взобрался на высокое дерево, чтоб не напали на него дикие звери. К полуночи показалось ему, что вдали мерцает небольшой огонёк; стал он сквозь ветки вглядываться и запомнил, где светился тот огонёк. Он снял шапку и бросил её вниз, в ту сторону, где виднелся свет, чтобы потом, когда он слезет с дерева, направиться в ту сторону, как по примете. Он спустился вниз, подошел к шапке, надел её и пошёл напрямик в ту сторону. Чем дальше он шёл, тем всё ярче светился огонь. Подойдя ближе, он увидел, что это огромный костёр, и сидят возле него три великана, держат на вертеле быка и жарят его. Вот один из великанов и говорит:

— Надо попробовать, скоро ли мясо будет готово, — он оторвал от него кусок, собираясь сунуть его себе в рот, но охотник выстрелом из ружья выбил его у великана из рук.

— Э-э, — сказал великан, — это, видно, ветер сдул его у меня с руки, — и взял другой кусок мяса. Но только собрался он откусить его, как тотчас охотник выстрелом из ружья выбил его опять.

Тогда великан ударил по уху своего соседа и крикнул:

— Что это ты у меня кусок мяса вырываешь?

— Я у тебя не вырывал, — ответил тот, — должно быть, его сбил у тебя какой-нибудь знаменитый стрелок.

Взял великан третий кусок мяса, но удержать его в руках не смог, охотник выбил его опять.

Говорят тогда великаны:

— Это, видно, хороший стрелок, если он может выбить кусок у самого рта; такой стрелок нам был бы полезен.

И они крикнули во всю глотку:

— Эй ты, знатный стрелок, поди-ка сюда! Подсаживайся к нашему костру, можешь наесться вдоволь; мы тебе ничего не сделаем. А не придёшь, силой тебя притащим, и тогда ты пропал.

Подошёл тогда парень к ним и говорит, что он, мол, учёный охотник; во что ни нацелится, в то и попадёт без промаху. Сказали тогда великаны, что если он с ними пойдёт, то будет ему хорошо. Они рассказали ему, что

у лесной опушки, за рекой, находится башня, сидит в ней прекрасная королева, которую им очень бы хотелось похитить.

— Ладно,— сказал парень,— я её быстро добуду.

А они говорят:

— Но дело это не такое простое. Там лежит маленькая собачонка, если кто подойдёт близко, она тотчас начнёт лаять, а только она залает, всё в королевском дворе просыпается: вот почему и не можем мы туда попасть. Сумеешь ли ты эту собачонку уложить наповал?

— Да,— отвечал он,— это для меня плёвое дело.

Сел он на кораблик, переехал реку, и когда был он у берега, подбежала собачонка, хотела было залаять, но охотник взял своё духовое ружьё и застрелил её наповал.

Увидали это великаны, обрадовались и подумали, что теперь уж они наверное получат королеву. Но охотник решил сначала посмотреть, как с делом управиться, и сказал, чтоб великаны оставались на том берегу, пока он их не позовет.

Вот отправился он в замок, и была там мёртвая тишина, всё кругом спало. Открыл он первую дверь, видит — висит на стене сабля, вся из чистого серебра сделана, и на ней золотая звезда и королевское имя написано; и лежит тут же на столе запечатанное сургучом письмо. Распечатал он его, и было в нём написано, что кто эту саблю возьмёт, тот сможет убить всякого, кто к нему подойдёт. Снял он со стены саблю, повесил её себе через плечо и пошёл дальше.

Вошёл он в ту комнату, где лежала спящая королева; а была она такая прекрасная, что он остановился как вкопанный и стал, затаив дыхание, её разглядывать. И подумалось ему: «Как могу я отдать невинную девушку в руки диких великанов, замысливших злое?» Он огляделся и увидел, что стоят под кроватью туфли, и на правой вышито имя её отца со звездой, а на левой — её имя, тоже со звездой. И был на девушке большой шёлковый, шитый золотом шейный платок; на правой его стороне было имя её отца, а на левой — её имя, и всё золотыми литерами вышито. Взял охотник ножницы, отрезал от платка правый краешек и спрятал его к себе в сумку; взял затем туфлю с правой ноги и тоже спрятал её в сумку. А девушка продолжала спать, вся закутанная в рубашку; отрезал он кусочек от её рубашки и тоже спрятал; но сделал он всё это, к ней не прикасаясь. Потом он вышел, оставив её спокойно спать.

Когда он подошёл опять к воротам, то стояли великаны попрежнему, дожидаясь его и думая, что он принесёт им королеву. Но охотник им крикнул, чтоб они подошли, что девушка, дескать, в его власти, да дверь в воротах он открыть не в силах, но есть, мол, там дыра, через которую они могут пролезть. Подошёл первый великан совсем уже вплотную, обмотал тогда охотник вокруг руки его волосы, втащил голову великана в дыру и отрубил её одним ударом сабли, а потом втащил и его самого. Подозвал он затем второго, тоже отрубил ему голову, наконец отрубил голову третьему и обрадовался, что освободил прекрасную девушку от её врагов; потом он вырезал великанам языки и спрятал их в сумку.

И подумал: «Пойду я теперь домой к своему отцу, покажу ему, что успел я сделать за это время; а потом снова начну странствовать по свету, и будет мне наверняка счастье, которое мне пошлёт господь».

Вот просыпается в замке король и видит: лежат три великана убитые. Пошёл он тогда в опочивальню к своей дочери, разбудил её и спрашивает, кто это был такой, что великанов уничтожил.

А она говорит:

— Милый отец, я не знаю, я крепко спала.

Встала она, хотела было надеть туфли, а правой-то и нету; глянула на платок, а он порезан и правого краешка нехватает; посмотрела она на рубашку, видит — вырезан из неё кусочек. Созвал король всех своих придворных, солдат и прочую челядь и спрашивает, кто освободил его дочь и убил великанов. А был у короля военачальник. Был он одноглазый и уродливый, и говорит, что это, мол, он сделал. Сказал тогда старый король, что если он совершил такой подвиг, то пускай, мол, и женится на его дочери. А девушка говорит:

— Милый отец мой, чем итти мне за него замуж, уж лучше мне помиру итти хоть на самый край света.

Сказал старый король, что если она замуж за него не хочет, то должна снять с себя королевское платье, надеть крестьянскую одежду и уйти отсюда; должна она тогда отправиться к горшечнику и приняться за торговлю глиняной посудой. Вот сняла она с себя королевское платье, пошла к горшечнику, набрала у него в долг разного гончарного товару и пообещала ему, если к вечеру его распродаст, уплатить за него деньги. И велел король, чтобы села она на углу с этим товаром и начала бы его продавать. Потом он заказал несколько крестьянских телег и сказал, чтобы, едучи мимо, наехали они на глиняную посуду и чтоб остались от неё одни только черепки. Только королевна выставила на улице свой товар, наехали телеги и побили весь товар на кусочки.

Заплакала королевна и говорит:

— Ах, господи, как же я теперь уплачу горшечнику?

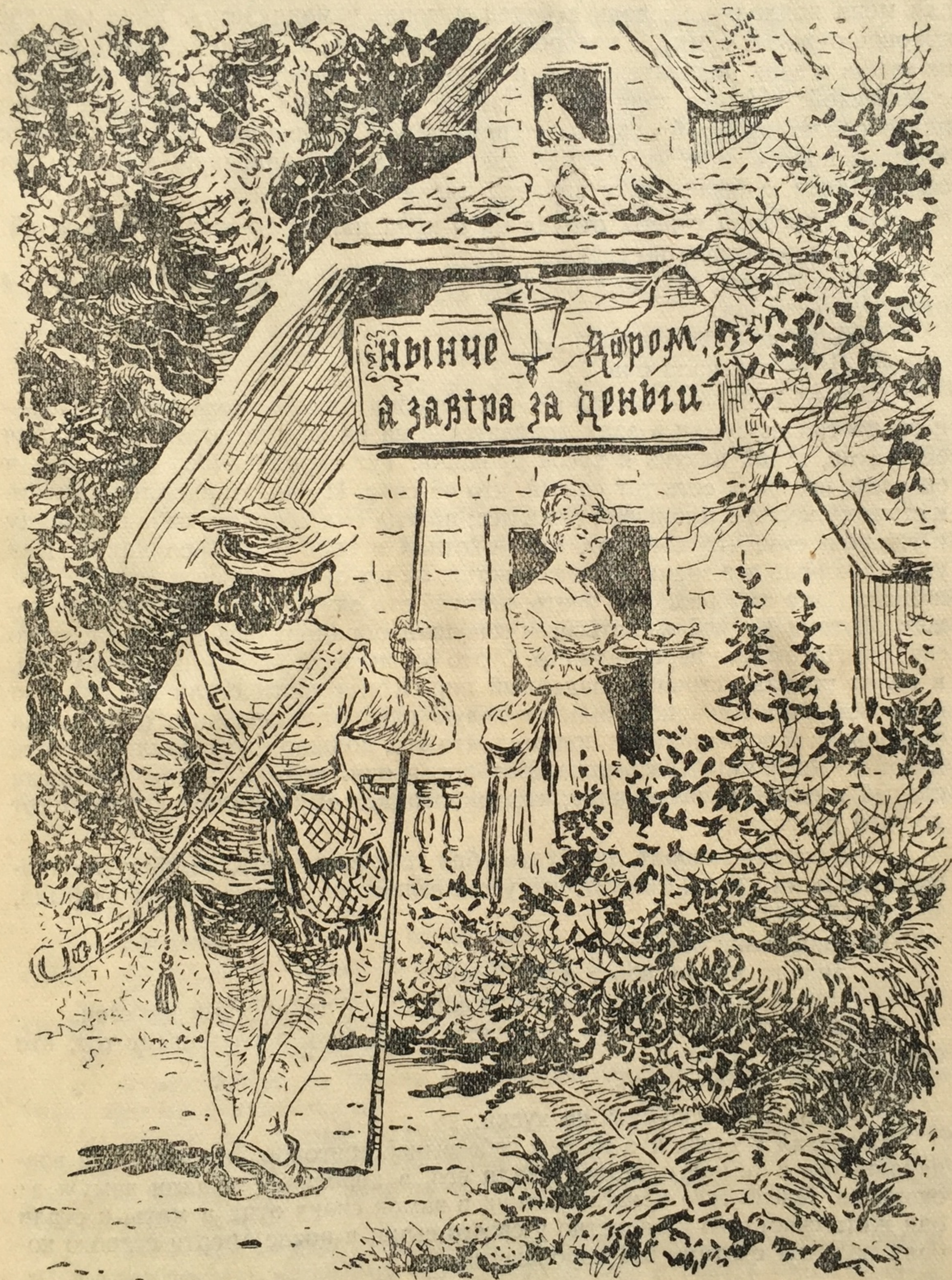
А король хотел этим заставить её выйти замуж за военачальника; но вместо того пошла она опять к горшечнику, спросила его, не согласится ли он дать ей ещё в долг гончарного товару. Горшечник ответил «нет», пускай, мол, сначала заплатит ему за прежний. Пошла она к своему отцу, начала плакать и причитать и сказала, что хочет уйти странствовать по свету.

А король ей говорит:

— Я велю выстроить для тебя в лесу домик, там будешь ты жить всю жизнь и стряпать для всех прохожих людей, но денег за это брать ты не смей.

Вот построили ей домик, привесили на дверях вывеску, и было на ней написано: «Нынче задаром, а завтра за деньги».

Жила королевна там долгое время, и разошлась по всему свету молва, что живёт, мол, в лесу девушка, даром готовит еду и что так и напи-

сано на дверях на вывеске. Услыхал о том и охотник и подумал: «Это дело для меня подходящее; ведь я беден и денег у меня нету». Взял он своё духовое ружьё и сумку, в которой было спрятано всё, что забрал он тогда из замка в знак доказательства, и отправился в лес; нашёл он там домик с вывеской: «Нынче задаром, а завтра за деньги». Повесил себе через плечо саблю, которой отрубил головы троем великанам, вошёл в домик и велел подать себе что-нибудь закусить. Увидя красивую девушку, он обрадовался, а была она и вправду писаная красавица.

Она спросила у него, откуда он и куда направляется; он сказал ей:
— Я странствую по свету.

Спросила она, откуда у него эта сабля, ведь на ней вырезано имя её отца. А он говорит:

— А не дочь ли ты короля?

— Да,— отвечала она.

— Этой саблей,— сказал он,— я отрубил головы троем великанам,— и он достал из сумки в знак доказательства их языки; потом он показал ей туфлю, кусок платка и кусок рубашки. Тут обрадовалась она очень и сказала, что он и есть тот самый, кто её спас. И они отправились вместе к старому королю и привели его в лес; повела она короля к себе в горницу и сказала ему, что вот этот, мол, охотник и спас её от великанов. Как увидел король все знаки доказательства, он уж сомневаться в этом не мог, и сказал, что ему радостно знать, как всё это случилось, и что теперь может охотник на ней жениться; и девушка обрадовалась этому от всего сердца. Потом они переодели его, будто он знатный иноземный вельможа, и велел король устроить свадебный пир. Когда гости стали садиться за стол, военачальника посадили по левую руку от королевны, а охотника по правую; и военачальник подумал, что это, должно быть, явился в гости какой-то иноземный вельможа. Вот поели они, попили, и говорит тогда старый король военачальнику, что он загадает ему загадку, которую тот должен разгадать:

— Если кто говорит, что будто убил трёх великанов, но, будучи спрошен, где ж их языки, ответит, что у тех великанов языков во рту не было, то как это понять?

Военачальник ответил:

— Значит, что их вовсе и не было.

— Нет,— сказал король,— у каждой живой твари язык имеется.

Стал он спрашивать его дальше: а чего, мол, заслуживает тот, кто стал бы ему перечить?

Ответил военачальник:

— Надо того изрубить на куски.

И сказал король, что он сам себе вынес приговор,— и посадили военачальника в темницу, четвертовали его, а королевну выдали замуж за охотника. После того привёз охотник в замок своих отца и мать, и стали они жить счастливо и радостно у своего сына; а после смерти старого короля получил охотник всё королевство.

Про умного портняжку

ЖИЛА-БЫЛА некогда принцесса, и очень уж была она гордая: придёт к ней, бывало, жених, и начнёт она загадывать ему загадки; а если он их не разгадает, то посмеётся она над ним и прочь прогонит. И велела она объявить, что кто загадку её разгадает, то за того она и замуж выйдет: пусть, мол, приходит к ней всякий, кто пожелает.

Вот, наконец, и нашлось трое портных; двое старших считали, что они мастера большие, дело своё знают, и тут тоже, пожалуй, промаха не дадут. А третий из них был человек на вид неказистый и порядочный растяпа, да и в ремесле своём не искусник, но он думал, что в этом деле выйдет ему счастье, а то откуда же и взяться-то счастью? Вот и говорят ему двое старших:

— Да оставайся ты лучше дома, а то со своим-то умишком не далече ты двинешься.

Но портняжка сбить себя с толку не дал и ответил, что он готов головой ручаться, что с этим делом он управится; и вот он смело двинулся в путь-дорогу, точно весь свет ему принадлежал.

Вот явились они втроём к принцессе и объявили, чтоб задавала она им свои загадки, — люди, мол, пришли толковые да опытные, и разум у них такой тонкий, что в игольное ушко продеть можно.

И говорит им принцесса:

— Есть у меня на голове два разноцветных волоса, — так какого же они цвета?

— Если в этом вся загадка, — сказал первый портной, — то вот тебе и разгадка: один чёрный, другой белый, как о сукне говорится — чёрное с крапункой.

И ответила принцесса:

— Ты разгадал неверно, пусть отвечает второй.

И ответил тогда второй:

— Уж если не чёрный и не белый, то каштановый и рыжий — точь-в-точь, как у моего батюшки праздничный сюртук.

— И ты разгадал неверно, — сказала принцесса, — пусть отвечает третий, — этот, я вижу, знает наверное.

Вот выступил смело портняжка и говорит:

— У принцессы на голове один волос серебряный, а другой золотой, — вот какого они цвета!

Услыхала это принцесса, побледнела от страха, чуть было без чувств не упала, оттого что портняжка верно разгадал. А была она твёрдо уверена, что ни одному человеку на свете той загадки не разгадать. Пришла она в себя и говорит:

— Того, что ты разгадал, ещё мало, чтобы пошла я за тебя замуж; ты должен будешь выполнить ещё другое. Лежит у меня в сарае медведь,

вот ты и проводи с ним целую ночь; а когда я утром встану и увижу, что ты жив, тогда ты на мне и женишься.

Она думала таким образом отделаться от портняжки, — ведь не было ещё такого человека, который, попав в лапы к медведю, жив бы остался. Но портняжка не испугался, он охотно согласился и сказал:

— Смело задумано — полдела сделано.

Вот наступил вечер, и привели моего портняжку к медведю. Медведь уж собрался кинуться на маленького человечка и поздороваться с ним хорошенько своей лапой.

— Эй ты, потише, потише, — сказал портняжка, — я уж тебя успокою, — и он достал преспокойно из кармана грецких орехов, раскусил их и начал есть. Увидел это медведь, захотелось ему тех орехов отведать. Полез портняжка в карман и подал ему их целую пригоршню; но были то не орехи, а камешки. Сунул медведь их в пасть, принялся грызть, — грызёт, а разгрызть никак не может. «Эх, — подумал он, — что это я за такой глупый болван, и орехов-то разгрызть не умею», и говорит он портняжке:

— Послушай, разгрызи-ка ты мне орехи.

— Вот ты каков, — молвил портняжка, — пасть-то у тебя вон какая большая, а маленького орешка разгрызть не умеешь!

Взял он камень, но вместо него сунул себе в рот орех, и — щёлк! — тот раскололся.

— Надо будет ещё раз попробовать, — сказал медведь, — вижу я, дело оно такое, что и я, пожалуй, сумею.

И дал портняжка ему снова камней. Стал медведь над ними работать, грызть изо всех сил. Но ты ведь тоже не поверишь, что он их разгрыз. Тут вытащил портняжка из-под полы скрипку и начал на ней наигрывать. Услыхал медведь музыку, не мог удержаться, начал плясать. Проплясал он немного, и это ему так понравилось, что он спросил портняжку:

— Послушай, а трудно ли играть на скрипке?

— Да совсем легко, вот смотри, — сюда кладу я пальцы левой руки, а правой смычком вожу, и вот оно как весело получается: гоп-гоп-гоп, тра-ля-ля-ля!

— Вот так бы играть на скрипке, — сказал медведь, — и мне бы хотелось, можно было б плясать, когда придёт охота. Научи ты меня играть! Что ты на это скажешь?

— С большим удовольствием, если есть у тебя к тому способности. Ну-ка, покажи мне свои лапы. Э, да они у тебя слишком длинные, надо будет когти немного пообрезать. — И вот он принёс тиски, а медведь и положил в них свои лапы; тут портняжка и ну их закручивать, да как можно покрепче, и говорит:

— Теперь подожди, пока я принесу ножницы, — и, оставив медведя реветь сколько ему влезет, лёг в углу на солому и уснул.

Услыхала вечером принцесса, как ревет медведь, и подумала, что ревет он от радости, покончив с портным. Встала она наутро беззаботная и довольная, но глянула в сарай, видит — стоит портняжка, весел и здоров, рядом с медведем и чувствует себя, точно рыба в воде. Что тут было ей сказать? Ведь в присутствии всех она дала ему обещанье; и велел тогда король подать карету, и должна была принцесса отправиться вместе с портняжкой в кирху и с ним обвенчаться.

Только они сели в карету, а те двое портных стали завидовать счастьем своего приятеля; и было у них сердце злое, вошли они в сарай и освободили медведя из тисков.

В ярости кинулся медведь вслед за каретой. Услыхала принцесса, что медведь сопит да ревет, стало ей страшно, и она закричала:

— Ах, это гонится за нами медведь, он хочет тебя утащить!

Тут мой портной быстро смекнул, что ему делать: встал он на голову, высунул ноги в окно кареты и закричал:

— Видишь тиски? Если ты не уберёшься подобру-поздорову, то попадёшь в них опять!

Как увидел это медведь, повернулся и убежал прочь. А портняжка мой поехал себе преспокойно в кирху и обвенчался с принцессой, и жил с ней он счастливо, точно жаворонок полевой.

А кто сказке не верит моей, пусть талер даёт живей!

Синяя свечка

ЖИЛ-БЫЛ солдат, и служил он верой и правдой королю многие годы; но кончилась война, и солдат, получив много ран, служить больше не мог. Вот и говорит ему король:

— Можешь домой отправляться, теперь ты мне не нужен; жалованья получать ты больше не будешь,— деньги плачу я только тому, кто мне службу несёт.

И не знал солдат, чем ему теперь и жить, и он ушёл озабоченный и шёл целый день, а вечером пришёл в лес. Наступила уже темень, и увидел он вдали огонёк, пошёл ему навстречу и пришёл к дому,— а жила в нём ведьма.

— Пусти меня переночевать и дай мне чего-нибудь поесть и попить,— сказал он ей,— а то пропадать мне придётся.

— Ого!— ответила она.— Да кто же даст что-нибудь беглому солдату? Но так уж и быть, я сжалюсь над тобой и пущу тебя, если сделаешь ты то, что я от тебя потребую.

— А что же ты потребуешь?— спросил солдат.

— Чтоб завтра вскопал ты мне огород.— Солдат согласился, и на другой день усердно принялся за работу, но до вечера всё же не управился.

— Вижу я,— сказала ведьма,— что ты нынче больше не можешь. Ну, пробудь у меня ещё одну ночь, а завтра нарубишь ты мне за то поленницу дров и щепок наколешь.

Весь день проработал солдат, а к вечеру ведьма предложила ему остаться у неё ещё на одну ночь.

— Завтра работа тебе предстоит небольшая: есть у меня за домом старый пустой колодец; упала в него моя свечка, горит она синим пламенем и не гаснет,— вот ты и должен будешь мне её оттуда достать.

На другой день повела его старуха к колодцу и спустила туда в корзине. Нашёл он синюю свечку и подал ведьме знак, чтобы вытащила она его из колодца. Стала она его тащить вверх, но только стал он подыматься к краю колодца, а ведьма протянула руку вниз и хотела было отнять у него синюю свечку.

— Нет,— сказал солдат, заметив её злой умысел,— свечку я отдам тебе только тогда, когда стану обеими ногами на землю.

Пришла ведьма в ярость, сбросила его снова в колодец, а сама ушла.

Упал бедный солдат на мягкое дно колодца, не причинив себе никакого вреда, а синяя свечка продолжала гореть, но что ему было в том толку? Видит, не уйти ему теперь от смерти. Сидит он в колодце грустный, и сунул он случайно руку в карман и нашёл там свою трубку, а набита она была до половины табаком. «Это будет последней моей радостью»,— подумал он, достал её, зажёг от синей свечки и начал курить. Разошёлся дымок по дну колодца, и явился вдруг перед ним чёрный человечек и спрашивает:

— Что, хозяин, прикажешь?

— Что ж мне тебе приказать?— ответил ему солдат в изумлении.

— Я обязан выполнить всё,— сказал человечек,— что потребуешь.

— Ладно,— сказал солдат,— помоги мне сначала выбраться из колодца.

Взял его чёрный человечек за руку и повёл через подземный ход, но солдат синюю свечку взять с собой не забыл. Показал он ему по пути богатства, собранные и запрятанные ведьмой, и набрал солдат золота столько, сколько нести мог. Поднялся он наверх и говорит человечку:

— Ну, а теперь ступай да свяжи старую ведьму и отведи её на суд.

Тут вскоре промчалась она, точно ветер, с страшным криком, на диком коте, а чёрный человечек вернулся назад.

— Всё исполнено,— сказал он,— ведьма уж висит на виселице. Что ж прикажешь теперь, хозяин, мне делать?— спросил человечек.

— Сейчас пока ничего,— ответил солдат.— Можешь себе идти домой, но чуть что — тотчас явись, когда я тебя позову.

— Звать меня не надо,— сказал человечек,— только зажги свою трубку синей свечой, и я тотчас явлюсь перед тобой.— Затем он исчез на его глазах.

Воротился солдат в город, откуда он и пришёл. Направился в самую лучшую гостиницу, велел сшить себе красивый камзол и приказал хозяину убрать свою комнату как можно красивей и богаче. Когда комната была готова, солдат поселился в ней, кликнул чёрного человечка и говорит:

— Служил я королю верой и правдой, а он меня прогнал да ещё голодать заставил, хочу я ему теперь за это отомстить.

— Что же должен я сделать? — спросил человечек.

— Поздно вечером, когда королева будет в постели, принеси её сюда спящей, пусть поработает она у меня служанкой.

— Для меня это дело лёгкое, а для тебя будет опасное, — если об этом доведутся, плохо тебе придётся.

Пробило двенадцать, распахнулась дверь, и принёс человечек ему королеву.

— Ага, вот ты и здесь!— крикнул солдат.— Ну, живей принимайся за работу. Ступай принеси метлу да подмети мне комнату.

Подмела она ему комнату, он зовёт её к своему креслу, протягивает ей ноги и говорит:

— Снимай с меня сапоги.

Сняла она с него сапоги, и кинул он их ей в лицо, и должна она была их поднять, почистить и глянец на них навести. Всё она исполняла, что он ей ни приказывал, беспрекословно, молча, с полузакрытыми глазами. Но с первым пением петуха отнёс её чёрный человечек назад в королевский замок и положил в постель.

На другое утро встала королева с постели, пошла к своему отцу и рассказала, что видела она удивительный сон: «Будто несло меня с быстротой молнии по улицам, и попала я в комнату к одному солдату, и

должна была прислуживать ему, как служанка, и исполнять всякую чёрную работу, подметать комнату и сапоги чистить. Это был сон, но, однако, я так устала, будто было это всё на самом деле».

— Сон мог оказаться и явью, — сказал король. — Я дам тебе совет: набей полный карман гороху и сделай дырку в кармане, и если тебя снова унесут, то горошины выпадут, и на улице будет виден след.

Когда король это говорил, то чёрный человечек стоял незримо рядом и всё слышал. Ночью, когда он снова понёс королевну по улицам, выпало несколько горошин у ней из кармана, но след они указать не могли: хитрый человечек заранее разбросал горох по всем улицам. И королевна должна была снова до первых петухов исполнять работу служанки.

На другое утро король выслал своих людей разыскать след, но все поиски были напрасны, — на всех улицах сидели бедные дети и подбирали горох, говоря: «А сегодня-то ночью шёл гороховый дождь».

— Надо будет что-нибудь другое придумать, — сказал король. — Ты сегодня, ложась в постель, башмаков не снимай, а когда будешь возвращаться оттуда, спрячь один из них там; а я уж его найду.

Чёрный человечек доведася и про этот замысел, и когда вечером солдат стал требовать, чтобы тот принёс ему снова королевну, стал ему отсоветовать и сказал, что против такой хитрости нету никакого средства, и если башмак у него найдут, то плохо ему придётся.

— Делай, что я велю, — ответил солдат, — и должна была и на третью

ночь королева исполнять работу служанки. Но она спрятала, прежде чем её понесли назад домой, свой башмак у него под кроватью.

На другое утро король приказал искать по всему городу башмак своей дочери; и нашли его у солдата; но, по совету человечка, вышел солдат за городские ворота; ну, тут его и схватили и в тюрьму бросили. И забыл он во время бегства самое своё дорогое — синюю свечку и золото, и остался у него в кармане один только дукат. Когда стоял он, закованный в цепи, у окошка тюрьмы, увидел он проходящего мимо тюрьмы одного из своих товарищей. Стал он стучать в окошко, и когда тот подошёл, говорит он ему:

— Окажи мне услугу, принеси мне мой маленький узелок, что оставил я в гостинице, дам я тебе за это дукат.

Побежал его товарищ туда и принёс ему узелок. Только солдат снова остался один, набил он свою трубку и кликнул чёрного человечка. И сказал чёрный человечек своему хозяину:

— Ты не бойся, ступай туда, куда тебя поведут, пусть будет что будет. Только не забудь захватить с собой синюю свечку.

На другой день был суд над солдатом, и хотя он ничего дурного не сделал, но присудили его судьи к смертной казни. Когда его вывели, стал он просить короля оказать ему последнюю милость.

— Какую? — спросил его король.

— Дозволь выкурить мне по дороге трубку.

— Выкури хотя и целых три, — ответил король, — но не думай, однако, что я тебя помилую.

Достал солдат свою трубку, закурил её от синей свечки, и только поднялось несколько колец дыма, как явился чёрный человечек, и была у него в руке небольшая дубинка, и он спросил у солдата:

— Что прикажешь, хозяин?

— Убей насмерть этих лживых судей и стражу, да и короля не пощади, он поступил со мной плохо.

Стал носиться тогда чёрный человечек, точно молния, то туда, то сюда, и кого он только касался своей дубинкой, тот падал наземь и ни встать, ни шелохнуться больше не мог. Стало королю страшно, и начал просить он пощады, чтобы оставил его тот в живых; и отдал он солдату королевство и дочь свою в жёны.

Салатный осёл

ЖИЛ-БЫЛ когда-то молодой охотник, и вышел он раз в лес поохотиться. На душе у него было весело и радостно, он сорвал листочек, стал на нём насвистывать, но вдруг явилась перед ним старая-престарая, уродливая старуха, заговорила с ним и сказала:

— Здравствуй, милый охотничек! Ты вон какой весёлый и довольный, а я мучаюсь от голода и жажды, подай мне милостыньку.

Пожалел охотник бедную старушку, сунул руку в карман и подал ей что мог. Собрался он идти дальше, но старуха остановила его и говорит:

— Послушай, милый охотник, что я тебе скажу: хочу я за твоё доброе сердце сделать тебе подарок. Ступай дальше своим путём-дорогой, и в скором времени ты подойдёшь к дереву, будут сидеть на нём девять птиц, будут они держать в когтях плащ и вырывать его друг у друга. Ты возьми приложи ружьё и выстрели как раз в середину: они сбросят тебе плащ наземь, но ты попадёшь в одну из птиц, и она упадёт мёртвая на землю. Плащ ты возьми с собой, это плащ волшебный: если ты накинешь его себе на плечи, он выполнит всё, что ты пожелаешь, и куда ты захочешь попасть, там и окажешься. А из мёртвой птицы ты вынь сердце, проглоти его целиком, — и будешь каждое утро, когда проснёшься, находить у себя под подушкой золотой.

Поблагодарил охотник вещую старуху и подумал про себя: «Чудесные вещи она мне наобещала, если бы только всё это исполнилось». Но не прошёл он и ста шагов, как услышал вверху на ветвях птичий крик и щебет. Он глянул наверх и увидел стаю птиц, которые рвали клювами и когтями какое-то покрывало, кричали, клевали одна другую и дрались между собой, будто каждая из них хотела захватить его себе.

— Вот удивительное дело, — сказал охотник, — выходит, как говорила старушка. — Он снял с плеча ружьё, приложил его и выстрелил прямо в середину, и посыпались кругом перья. Вмиг все птицы с шумом разлетелись, но одна упала мёртвая наземь, и плащ тоже упал на землю. Охотник сделал так, как велела ему старуха: выпотрошил птицу, вынул у неё сердце, проглотил его, а плащ взял с собою домой.

На другое утро, только он проснулся, вспомнил про обещание и решил проверить, исполнилось ли оно. Он поднял подушку — и перед ним блеснул золотой. На другое утро он нашёл ещё золотой, и так было каждое утро, когда он просыпался. Он собрал целую кучу золота и, наконец, подумал: «На что мне всё это золото, если сижу я всё дома? Пойду-ка я странствовать, погляжу, что на белом свете делается».

Простился он со своими отцом-матерью, взял охотничью сумку и ружьё и отправился странствовать по свету. Случилось ему однажды идти дремучим лесом и когда тот лес кончился, он увидел, что перед ним, на равнине, стоит стройный замок. Стояла у окна замка старуха с девушкой чудесной красоты и смотрела вниз. А была та старуха ведьмой, и молвила она девушке:

— Вон идёт из лесу человек, у него внутри находится волшебный клад; надо бы этого человека, милая доченька, ввести в обман: тем кладом нам больше пристало владеть, чем ему. У него находится птичье сердце, и потому у него каждое утро под подушкой оказывается золотой. — Старуха объяснила девушке, как с этим делом справиться, какую надо повести с ним игру, а потом она пригрозила ей и сказала, гневно на неё поглядев:

— А если ты меня не послушаешься, то плохо тебе придётся!

Подошёл охотник ближе, увидел девушку и молвил про себя: «Я так долго бродил, что хотелось бы мне, наконец, отдохнуть, хорошо бы зайти в этот прекрасный замок, денег-то у меня вдосталь». Но, правду сказать, причиной тому было то, что увидел он издали прекрасную девушку.

Он вошёл в замок; его приняли там радушно и любезно угощали. И вот прошло немного времени, и он так влюбился в ведьмину дочь, что ни о ком другом и думать не хотел, и всё глядел ей в глаза и исполнял всё, что она хотела. И сказала тогда старуха:

— А теперь надо отобрать у него птичье сердце, он и подозревать не будет, если его лишится.

Они приготовили зелье, и когда оно было готово, старуха подлила его в кубок, дала его девушке, и та должна была поднести его охотнику.

— Возьми, мой милый, — сказала девушка, — да выпей за моё здоровье.

Он взял кубок, и только выпил напиток, как тотчас выплюнул из себя птичье сердце. Девушка должна была его тайком унести, потом его проглотить, потому что старухе хотелось обладать тем сердцем. С той поры он перестал находить у себя под подушкой золотые, они оказались теперь под подушкой у девушки, и каждое утро старуха тот золотой забирала. А охотник так безумно влюбился в девушку, что думал только о том, как бы провести ему время вместе с ней.

И сказала старая ведьма:

— Птичье сердце у нас имеется, надо будет отобрать у него и волшебный плащ.

Девушка ответила:

— Давай мы плащ оставим ему, он и так лишился всего богатства. Рассердилась старуха и говорит:

— Да это ведь плащ волшебный, такой редко на свете сыщется, я должна иметь его во что бы то ни стало.

Дала она девушке совет, что ей надо делать, и объявила, что если она её не послушается, то плохо ей придётся. Сделала девушка так, как велела ей старуха. Стала она однажды у окна и начала смотреть вдаль, будто ей очень взгрустнулось. Спрашивает её охотник:

— Чего ты стоишь тут пригорюнившись?

— Ох, мой любимый,—ответила девушка,— вот стоит гранатовая гора, и находятся в ней прекрасные драгоценные камни. И у меня такое большое желание их иметь, что когда я об этом думаю, мне становится очень грустно. Но кто может их добыть? На ту гору могут долететь разве одни только птицы, человеку туда никогда не взобраться.

— Если ты только об этом и грустишь,—сказал охотник,— я твоё горе развею.

Он обнял девушку, укрыл её своим плащом и пожелал попасть на гранатовую гору,— и вмиг они уже сидели на её вершине. Всюду сверкали благородные камни, и видеть это было так радостно; и они отобрали из них самые красивые и самые драгоценные. Но старуха начала колдовать,— и вдруг у охотника отяжелели глаза. Он сказал девушке:

— Давай немного посидим да отдохнём, я так устал, что стоять больше не в силах.

Они уселись на земле, и он положил её голову на колени и уснул. Только он уснул, отвязала девушка у него с плеч плащ, набросила его на себя, собрала гранаты и разные камни и пожелала вернуться с ними домой.

Когда юноша выпался, он очнулся и видит, что возлюбленная его обманула и оставила его одного в диких горах.

— О,—сказал он,— как сильна на свете измена!— И сидел он в горе и печали, не зная, как ему теперь быть.

А принадлежала эта гора диким и страшным великанам, они жили там и занимались разбоем. Просидел охотник недолго и вскоре заметил, что к нему приближаются трое из них. Он улёгся на землю, будто погружённый в глубокий сон. Вот подошли великаны, первый из них толкнул его ногой и говорит:

— Что это за червяк лежит тут на земле и всё поглядывает?

Второй сказал:

— А ты его раздави ногой.

Но третий презрительно заметил:

— Да стоит ли это делать! Бросьте его, пусть себе живёт; остаться здесь он всё равно не сможет, а если подыметесь на самую вершину горы, его подхватят облака и утащат за собой.

Поговорили они так и прошли мимо, но охотник эти слова хорошо запомнил; и как только великаны ушли, он поднялся и взобрался на вершину горы. Просидел он там некоторое время, и вот подплыло облако,

схватило его и понесло. Облако блуждало некоторое время по небу, потом стало опускаться, и спустилось над большим, обнесённым стеной огородом, и охотник мягко опустился на землю, прямо среди капустных грядок и овощей.

Огляделся охотник и говорит:

— Вот если бы мне теперь чего-нибудь поесть! Я так проголодался, что идти дальше мне будет трудно, а здесь не видно ни яблок, ни груш, ни ягод каких-нибудь, растёт одна только зелень. Наконец он подумал: «В крайнем случае я мог бы поесть салата,— правда, он не особенно вкусный, но он всё же меня подкрепит». Он выбрал себе порядочный пучок и принялся есть; но только проглотил он несколько листьев, как вдруг стало у него на душе так странно, и он почувствовал, что совершенно изменился. У него выросли четыре ноги, большая голова, два длинных уха,— и он в ужасе увидел, что обратился в осла. А так как он всё ещё чувствовал большой голод и по его теперешней натуре салат пришёлся ему как раз по вкусу, он принялся за него с большой жадностью. Наконец он попал на другой сорт салата, и только он немного его поел, как почувствовал снова превращение, и к нему вернулся опять его человеческий образ.

Прилёг охотник на землю, выпался как следует, и усталость у него прошла. Проснулся он на другое утро, сорвал пучок злого салата и пучок доброго салата и подумал: «Это поможет мне добиться своего и наказать неверность». Он спрятал оба пучка салата, перелез через стену и направился на поиски замка своей возлюбленной. Он проблуждал несколько дней, но, по счастью, нашёл его снова. Он быстро выкрасил себе лицо в смуглый цвет так, что его не узнала бы даже родная мать, потом направился в замок и попросился там на ночлег.

— Я устал,— сказал он,— и дальше идти не в силах.

Ведьма спросила:

— Земляк, а скажи мне, кто ты такой? Чем ты занимаешься?

Он ответил:

— Я королевский скороход, был послан на поиски самого вкусного салата, какой только растёт на земле. И мне посчастливилось его найти; теперь я несу его с собой, но солнце печёт так сильно, что я опасюсь, как бы нежный салат не увял, и не знаю, смогу ли его донести.

Как старуха услышала про вкусный салат, ей захотелось его отведать, и она сказала:

— Милый земляк, дай мне попробовать этого чудесного салата.

— Что ж, можно,— сказал он.— Я захватил с собой два пучка, один из них готов вам отдать,— он развязал свою сумку и подал ей злой салат.

Ведьма не подозревала ничего дурного, и при виде нового кушанья у ней потекли слюнки, и она сама отправилась на кухню и начала его готовить. Когда салат был готов, она никак не могла дожидаться, пока он будет подан на стол, взяла два листочка и сунула их в рот. Но только она их проглотила, как потеряла тотчас свой человеческий образ, обратилась в ослицу и бросилась во двор. Пришла на кухню служанка, видит— стоит приготовленный салат; она хотела было его отнести, но ей так захо-

телось его отведать, что она, по своей старой привычке, съела несколько листков. Колдовство тотчас подействовало, и она тоже обратилась в ослицу и бросилась к старухе, а блюдо с салатом упало на землю.

Скороход сидел в это время у красивой девушки; салата, однако, никто не приносил, а девушке тоже очень хотелось его отведать, и она спросила:

— А где же салат?

Охотник подумал: «А трава, видно, уже подействовала», и ответил:

— Я пойду на кухню, узнаю.

Он спустился вниз, видит, — бегают во дворе две ослицы, а салат лежит на полу.

— Хорошо, — сказал он, — две свою долю уже получили, — и он подобрал с пола листья салата, положил их на блюдо и принёс красивой девушке.

— Чтоб вам долго не дожидаться, — сказал он, — я сам вам принёс эту вкусную еду.

Она съела салат и вмиг, как и те две, потеряла свой человеческий вид, обратилась в ослицу и убежала во двор.

Умыл тогда охотник лицо, чтоб обращённые в ослиц могли его узнать, спустился во двор и сказал:

— А теперь получайте награду за вашу неверность, — и он привязал всех трёх на верёвку, повёл за собой и пришёл на мельницу.

Он постучался в окошко; мельник высунул оттуда голову и спросил, что ему надо.

— Да вот есть у меня три строптивых ослицы, — ответил он, — я не хочу их держать больше у себя. Если вы согласитесь взять их себе, предоставить им корм и стойло и обращаться с ними так, как я вам скажу, я заплачу вам за это сколько вы потребуете.

— Что ж, я согласен, — сказал мельник. — А как же я должен с ними обращаться?

И охотник объяснил, что старую ослицу, — а была то ведьма, — он должен бить трижды в день, а кормить один раз; ослицу помоложе, — а была то служанка, — он должен бить один раз в день, а кормить трижды; самую молодую, — а была то девуш-

ка-красавица, — бить не надо, а кормить следует её трижды на день, — охотник никак не мог пересилить своего сердца и допустить, чтобы девушку били. Потом он вернулся назад в замок, и там оказалось всё, что ему было надо.

Спустя несколько дней явился старый мельник и сказал, что должен, мол, доложить, что старая ослица, получавшая только побои, а корм один раз в день, околела.

— А две остальных, — продолжал он, — хотя ещё и не околели и свой корм получают три раза на день, но так загрустили, что проживут, видно, недолго.

Тогда охотник сжалился, гнев у него поостыл, и он сказал мельнику, чтобы тот привёл их сюда. Как только ослицы явились, он дал им поесть доброго салата, и они опять обратились в людей. Бросилась прекрасная девушка перед ним на колени и сказала:

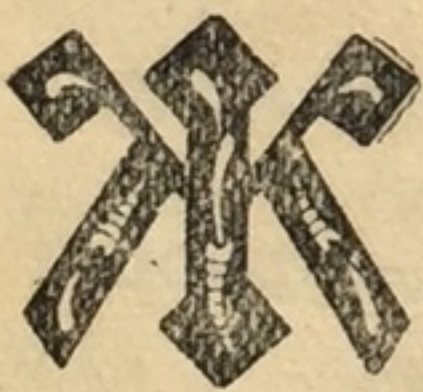
— Ах, мой любимый, простите мне всё, что я причинила вам злого, это меня заставляла делать моя мать; это вышло против моей воли, а я люблю вас от всего сердца. Ваш волшебный плащ висит здесь, в шкафу, а чтоб вернуть вам птичье сердце, я выпью рвотного лекарства.

Но в мыслях у него было теперь совсем другое, и он сказал:

— Пусть оно остаётся у тебя, теперь мне это всё равно, я хочу, чтобы ты стала моей верной женой.

И они справили свадьбу и прожили счастливо вместе до самой смерти.

Три брата

ЖИЛ-БЫЛ на свете человек, было у него три сына, и всё имущество его состояло из одного только домика, в котором он и жил. И хотелось каждому из сыновей после смерти отца получить этот дом, но отец любил всех троих одинаково и не знал, как ему поступить, чтобы никого из них не обидеть. А продавать дома он не хотел, потому что дом тот достался ему ещё от прадедов; а то можно было бы его продать, а деньги между ними поделить. И вот надумал он, наконец, как ему поступить, и говорит своим сыновьям:

— Ступайте вы странствовать по белу свету, попытайте счастья, и пусть каждый из вас научится какому-нибудь ремеслу. А когда вернётесь домой, то дом получит тот, кто окажется лучшим мастером.

Сыновья этим решением остались довольны; и порешил старший из них стать кузнецом, средний — цырюльником, а младший — фехтовальщиком. Они сговорились о сроке, когда они должны вернуться снова домой, и двинулись затем в путь-дорогу.

Случилось так, что каждый из них нашёл себе опытного мастера, у

которого он и мог хорошо выучиться ремеслу. Кузнецу пришлось подковы-вать королевских лошадей, и он подумал: «Ну, уж теперь дом я получу на-верняка». Цырюльник брил всё знатных господ и тоже думал, что дом будет его. Фехтовальщик не раз получал удары, но он всё это переносил терпеливо и ду-хом не падал, думая про себя так: «Если ты будешь бояться ударов, то до-ма ты никогда не получишь». И вот при-шёл назначенный срок, и все они снова вернулись к своему отцу, но они не зна-ли, как найти им случай, чтобы показать своё мастерство. Вот сидят они раз и между собой советуются. Сидят они и видят — бежит по полю заяц.

— Э-э,— говорит цырюльник,— а он кстати явился!

Взял он чашку и мыло, повертел помазком, взбил пену, и когда заяц под-бежал ближе, намылил его на бегу и на бегу же выбрил ему бородку, и при этом не порезал его, и сделал всё это так ловко, что не причинил ему никакой боли.

— Это мне нравится,— сказал отец,— если братья твои не превзой-дут тебя в мастерстве, дом будет твой.

А тут вскоре проезжала на полном ходу карета, и сидел в ней какой-то господин.

— Вот вы, батюшка, сейчас увидите, что я умею делать,— говорит кузнец.

Он кинулся вслед за каретой, сорвал у лошади на полном ходу все че-тыре подковы и подбил ей тотчас на ходу четыре новых.

— Ты парень ловкий, — сказал отец, — дело своё ты исполняешь не хуже, чем твой брат; я уж и не знаю, кому мне дом отдать-то.

Тогда говорит третий:

— Дозвольте и мне, батюшка, доказать своё мастерство.

А тут как раз начал итти дождь. Вытащил он свою шпагу и стал ею размахивать над головой так, что ни одна капля не могла на него упасть; а когда дождь пошёл ещё сильнее и перешёл, наконец, в ливень и целые потоки уже лили с неба, стал он размахивать своей шпагой всё быстрее и быстрее, и остался совершенно сухим, точно сидел он под крышей. Уви-дал это отец, диву дался и говорит:

— Ты показал самое большое мастерство, дом я отдаю тебе.

Братья, как и обещали друг другу, решением остались довольны, а так

как они очень любили друг друга, то порешили жить в доме все вместе; и стали они заниматься каждый своим ремеслом, — а делу были обучены они хорошо, и мастера были опытные, вот и зарабатывали они много денег. Так жили они счастливо до самой своей старости все вместе, и когда один из них заболел и умер, то двое других стали о нём грустить, да так, что сами с горя заболели и вскоре умерли. А так как были они мастера опытные и крепко любили друг друга, то и похоронили их всех вместе в общей могиле.

Четверо искусных братьев

ИЛ-БЫЛ бедняк, и было у него четверо сыновей; вот когда они выросли, говорит он им:

— Милые дети, пора вам итти странствовать по свету, — ведь помочь вам я ни в чём не могу; собирайтесь да идите в чужие края и земли и научитесь там какому-нибудь ремеслу, а там оно уж видней будет, как себе дорогу дальше пробить.

Взяли четверо братьев дорожные посохи, попрощались с отцом и двинулись вместе к городским воротам. Прошли они часть дороги и подошли к перекрёстку, где путь расходился в четыре разные стороны. И сказал тогда старший:

— Здесь мы должны расстаться, но спустя четыре года, в этот самый день, давайте сойдёмся на этом самом месте, а за это время счастья своего поищем.

И вот каждый пошёл своей дорогой; и повстречался старшему на пути человек, который его спросил, куда он идёт и что собирается делать.

— Хочу какому-нибудь ремеслу научиться, — ответил старший. А человек и говорит:

— Ну, ступай вместе со мной, и будешь ты вором.

— Нет, — ответил старший, — теперь уж это ремесло за честное не почитается; и пеоне этой — один конец: языком на колоколе в поле болтаться.

— О, — сказал человек, — виселицы тебе бояться нечего: я тебя уж так обучу, что ни один человек тебя не поймает и следа твоего не разыщет.

Уговорил он его, и стал старший благодаря ему опытным вором, да таким ловким, что ничего от него и уберечь невозможно было: что уж взять захочет, то и возьмёт.

Второй брат тоже повстречал человека, который спросил его то же самое: чему бы он хотел научиться.

— Да я ещё и сам не знаю, — ответил он.

— Так ступай вместе со мной, и будешь ты звездочётом, — нет ничего лучше, и ничто от тебя не будет сокрыто.

Это ему понравилось, и стал он таким опытным звездочётом, что ма-

стер по окончании ученья подарил ему на прощанье подзорную трубу и сказал ему так:

— В эту трубу ты сможешь увидеть всё, что делается на земле и на небе, и ничто не останется перед тобою сокрытым.

А третьего брата взял к себе в обучение охотник и выучил его так хорошо всему, что относится к охотничьему делу, что сделался тот ловким охотником. Подарил ему на прощанье мастер ружьё и сказал:

— Оно бьёт без промаха, — во что ни нацелишься, в то и попадёшь.

И младший брат тоже повстречал человека, который с ним заговорил и спросил его, что он собирается делать:

— Есть ли у тебя охота сделаться портным?

— И слышать о том не хочу, — ответил юноша, — сидеть, согнувшись, с утра и до самого вечера да водить иглой туда и сюда, да утюжить, — нет, это мне не по душе.

— Да что ты, — ответил ему человек, — дело обстоит совсем не так, как ты себе представляешь. — У меня научишься ты совсем иному портняжному ремеслу, дело оно приличное, подходящее и весьма почётное.

Он уговорил юношу, и тот отправился с ним вместе и изучил портняжное дело весьма основательно. Дал портной ему на прощанье иглу и сказал:

— Ты ею сможешь сшить всё, что тебе под руку подвернётся, будь то мягкое, как яйцо, или твёрдое, как сталь; и получится так, будто сделано оно из цельного куска, и шва даже видно не будет.

Прошли четыре условленных года, и четверо братьев встретились в одно и то же время на перекрёстке. На радостях они обнялись, расцеловали друг друга и воротились домой к своему отцу.

— Ну, — сказал обрадованный отец, — каким ветром вас опять занесло ко мне?

Они рассказали всё, что с ними было и какому каждый из них выучился ремеслу. Сели они перед домом под большим деревом, а отец им и говорит:

— Ну, а теперь хочу я проверить, что каждый из вас умеет делать.

Поглядел он наверх и сказал среднему сыну:

— Вон, на макушке этого дерева, между двух веток, есть гнездо зяблика; скажи мне, сколько лежит в нём яиц?

Взял звездочёт свою трубу, посмотрел наверх и ответил:

— Пять.

Говорит тогда отец старшему:

— Достань мне оттуда яйца, не потревожив птицы, которая на них сидит.

Взобрался ловкий вор наверх и вытащил из-под птицы пять яиц, а она ничего и не заметила и продолжала спокойно сидеть в гнезде; и он подал те яйца отцу.

Отец взял их, положил на каждом углу стола по яйцу, а пятое положил на середину и сказал охотнику:

— Ты вот попробуй одним выстрелом расколоть все пять яиц пополам.

Приложил охотник ружьё к плечу и расколол яйца так, как сказал ему отец, — все пять, притом, одним выстрелом. Должно быть, порох был у него такой, что стреляет в разные стороны.

— Ну, теперь твой черёд, — обратился отец к четвёртому сыну, — сшей ты мне все эти яйца, а заодно и тех птенчиков, которые в них находятся, да сделай это так, чтоб от выстрела не было им никакого вреда.

Достал портной свою иглу и сшил всё так, как велел ему отец. Когда он закончил, должен был вор те яйца положить снова в гнездо на дерево, — и положил он их под птицу, да так, что она этого не заметила. И вот высидела птичка все яйца, и через несколько дней вылупились из них птенцы, и на шейке у них оказалось по красной полоске, как раз там, где сшивал их портной ниткой.

— Да-а, — сказал старик своим сыновьям, — что ж, приходится вас хвалить да похваливать; время-то у вас прошло, видно, не даром, и кой-чему путному вы научились; не знаю уж, кому из вас отдать предпочтение. Вот выйдет случай искусство своё показать на деле, тогда оно видней будет.

А как раз вскоре после того пошла по всей стране большая тревога, что королевну похитил дракон. Король день и ночь об этом грустил и печалился и велел объявить, что тот, кто вернёт ему дочь, получит её в жёны.

Говорят тогда четверо братьев между собой: «Вот случай, когда мы могли бы себя показать». И они порешили выступить все вместе и освободить королевну.

— Я скоро узнаю, где она находится, — сказал звездочёт; глянул он в свою подзорную трубу и говорит: — Я уже вижу её; она далеко отсюда, сидит она на скале посреди моря, и охраняет её дракон.

Отправился он к королю и попросил у него корабль для себя и своих братьев; вышел он с ними в море, и подплыли они к той самой скале. И сидела на ней королевна, а у ног её лежал, положив ей голову на колени, дракон и спал.

Охотник и говорит:

— Стрелять я не решаюсь, а то, чего доброго, можно убить прекрасную девушку.

— Тогда уж я попробую своё средство,— сказал вор, подкрался он сзади и вытащил её из-под дракона, и сделал это так тихо да ловко, что чудовище ничего не заметило и продолжало храпеть.

Обрадовались они, поспешили сесть с ней на корабль и вышли в открытое море.

Но проснулся дракон и, не найдя королевны, погнался за ними и в ярости поднялся вверх на воздух. Он кружился уже над кораблём и хотел было на него опуститься, но схватил охотник своё ружьё, нацелился и выстрелил дракону прямо в сердце. Рухнуло чудовище замертво вниз, но было оно такое громадное и тяжёлое, что, упав, разбило весь корабль в щепки.

По счастью, им удалось схватить несколько досок, и поплыли они на них по широкому морю. И опять им угрожала большая опасность, но портной во-время схватил свою чудесную иглу и ловко, несколькими большими стежками, сшил все доски, сел на них, а затем собрал и все остальные обломки корабля. Потом он сшил и их, да так искусно и ловко, что вскоре корабль стоял снова под парусами, и они смогли счастливо вернуться домой.

И была великая радость, когда снова увидел король свою дочь. Он сказал четверым братьям:

— Один из вас получит дочь мою в жёны, но кто это будет — решайте вы сами.

Вышел тогда между братьями яростный спор, ибо каждый домогался её получить.

Звездочёт говорит:

— Если бы я не увидел королевну, то всё ваше старание и умение были б напрасны,— поэтому принадлежит она мне.

Вор сказал:

— Да какой был бы толк в том, что ты её увидел, если б я не вытащил её из-под дракона,— поэтому принадлежит она мне.

Охотник сказал:

— Вас растерзало бы чудовище заодно с королевной, если бы пуля моя не попала,— поэтому она принадлежит мне.

А портной сказал:

— Если б я не сшил вам иглою корабль, то вы бы все потонули,— поэтому принадлежит она мне.

И вынес король такое решение:

— Каждый из вас имеет на неё равное право, и поэтому ни один из вас её не получит, но дам я в награду каждому из вас по полкоролевства.

Братьям это решение понравилось, и они сказали:

— Лучше пусть будет так, чем быть нам между собой в раздоре.

Тогда каждый из них получил по полкоролевства, и жили они счастливо со своим отцом до той поры, пока это было угодно богу.

Шестеро слуг

ДАВНО тому назад жила старая королева. Была она колдунья, а дочка была у неё самая красивая девушка во всём свете. Но старуха помышляла только о том, как бы её заманить людей в беду, и когда приходил жених, она говорила, что кто хочет получить её дочь, тот должен выполнить сначала задачу, или погибнуть. Многие были ослеплены красотой девушки и отваживались на это дело, но выполнить, что поручала им старуха, они не могли, — и тогда уж не было им пощады: приходилось им становиться на колени, и рубили им головы с плеч. Услыхал один королевич про великую красоту девушки и говорит своему отцу:

— Дозвольте мне туда отправиться, я хочу за неё посвататься.

— Я никогда этого тебе не позволю, — ответил король, — если ты туда пойдёшь, то уж назад не вернёшься.

И вот слёг королевич в постель, заболел смертельно и пролежал целых семь лет, и ни один лекарь не мог его вылечить. Понял отец, что нет больше никакой надежды, и молвил ему с тоскою в сердце:

— Отправляйся туда и попытай счастья, я не знаю, чем больше тебе помочь.

Как услышал это сын, поднялся с постели, сразу выздоровел и весело отправился в путь-дорогу.

И случилось так, что проезжал он на коне через пустошь и заметил издали, что лежит что-то на поле, будто большая копна сена; подъехал он ближе, видит — а это брюхо какого-то человека, который лежал на земле растянувшись; и было то брюхо похоже на небольшой пригорок. Как увидал толстяк путника, поднялся во весь рост и сказал:

— Если вам нужен человек, возьмите меня к себе в слуги.

Королевич ответил:

— Да что же мне с таким увальнем делать?

— О, — сказал толстяк, — это ещё что! Вот если я раздуюсь как следует, то стану в три тысячи раз толще.

— Раз так, — сказал королевич, — ты мне пригодишься, ступай вместе со мной.

Пошёл толстяк вслед за королевичем; а спустя некоторое время нашли они и другого, тот лежал на земле, приложив ухо к траве.

Спросил королевич:

— Что ты тут делаешь?

— Прислушиваюсь, — ответил человек.

— К чему ты так чутко прислушиваешься?

— Прислушиваюсь к тому, что сейчас на свете творится; ведь от моих ушей ничто не скроется, мне даже слышать, как растёт трава.

Спросил королевич:

— Скажи мне, что же ты слышишь при дворе старой королевы, у которой красавица-дочь?

Ответил тот:

— Слышу, как меч свистит, что голову с плеч жениху рубит.

Сказал королевич:

— Ты мнегодишься, ступай вместе со мной.

Вот двинулись они дальше и в скором времени увидели, что лежат две ступни и ноги, а конца их и не видать. Проехали они немалое расстояние и подъехали, наконец, к самому туловищу, а потом и к голове.

— Эй,—сказал королевич,—а ты длинён, однако, как большой канат!

— О,—ответил долговязый,—это ещё что! Если мне как следует вытянуться, то стану я в три тысячи раз длинней и побольше самой высокой горы на земле. Я охотно готов вам служить, если вы только согласны взять меня к себе в услужение.

— Ступай вместе со мной,—сказал королевич,—ты мнегодишься.

Отправились они дальше и повстречали на пути ещё одного: тот сидел на дороге с завязанными глазами.

И сказал ему королевич:

— Что это у тебя — глаза больные, что ты на свет не можешь смотреть?

— Нет,—ответил человек,—я не могу снять повязки потому, что если я гляну на что глазами, то всё разлетится в куски, настолько могуч мой взор. Если это вам может пригодиться, я готов вам охотно служить.

— Ступай вместе со мной,—ответил королевич,—ты можешь мне пригодиться.

Отправились они дальше и нашли по дороге человека,— тот лежал на самом солнцепёке и дрожал, его знобило так, что зуб на зуб не попадал.

— Как это может тебя знобить?—сказал королевич.—Ведь солнце греет так жарко.

— Ах,—ответил человек,—у меня совсем другая натура: чем жарче, тем я больше зябну и меня пробирает мороз до самых костей; а чем холодней, тем становится мне жарче; на льду я страдаю от зноя, а в огне от холода.

— Станный ты человек!—сказал королевич.—Но если хочешь мне служить, то ступай вместе со мной.

Вот отправились они дальше, видят — стоит человек, вытянул свою длинную шею и по сторонам глядит, и видно ему всё, что за горами делается.

Сказал королевич:

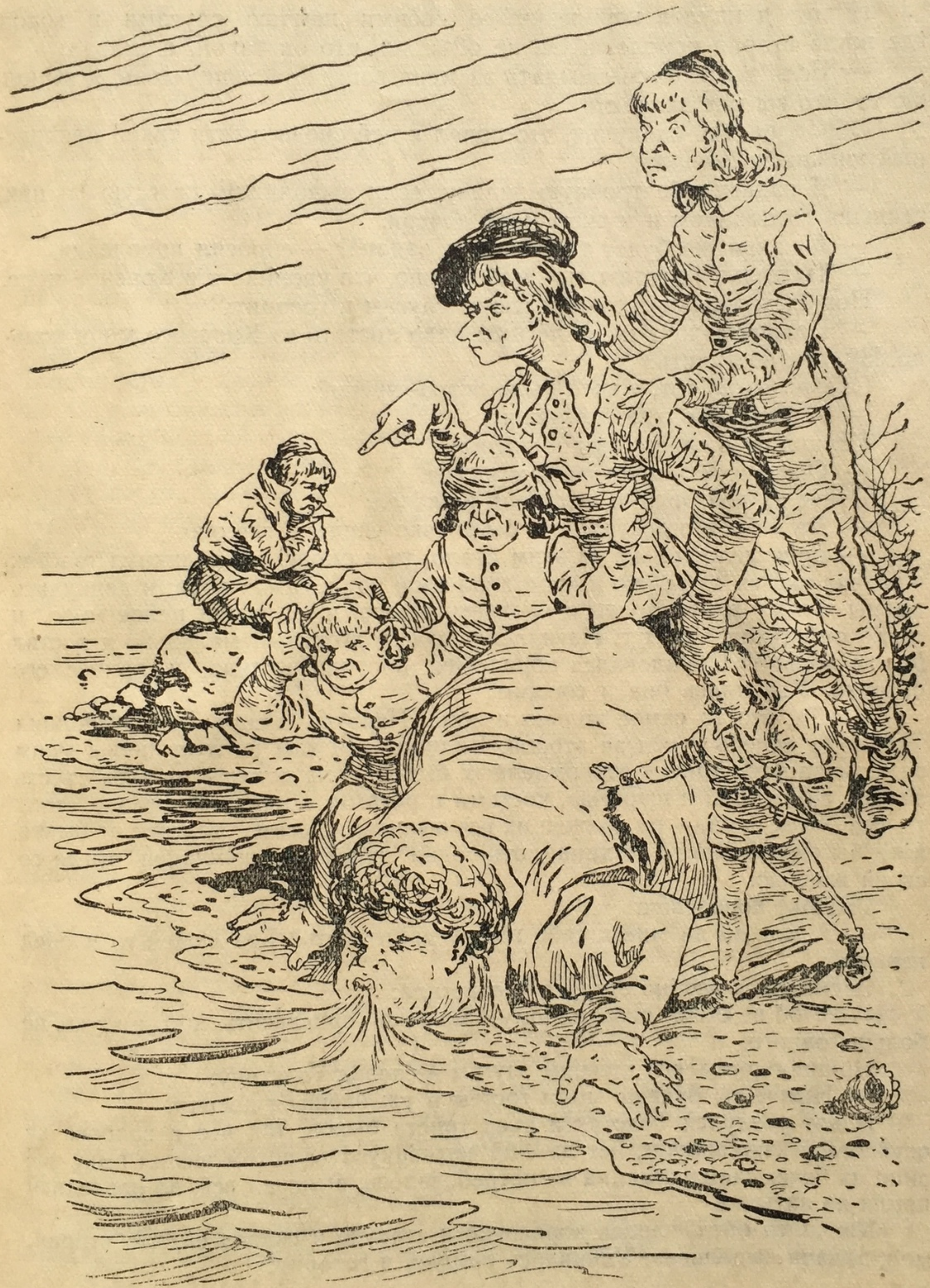
— Куда это ты так пристально вглядываешься?

Ответил человек:

— У меня такое острое зрение, что я вижу всё через леса и поля, горы и доли и через весь мир вижу.

Сказал королевич:

— Если хочешь, ступай вместе со мной, такого мне как раз и недостаёт.

И вот двинулся королевич со своими шестью слугами в город, где жила старая королева. Он не объявил, кто он такой, а сказал:

— Если вы согласны выдать за меня вашу красавицу-дочь, я выполню то, что вы мне зададите.

Обрадовалась колдунья, что попал к ней снова в сети такой прекрасный юноша, и сказала:

— Я задам тебе тройную задачу, если выполнишь каждую из них, станешь господином и мужем моей дочери.

— А какая же будет твоя первая задача? — спросил королевич.

— Ты должен достать мне моё кольцо, что уронила я в Красное море.

Пошёл королевич домой к своим слугам и говорит:

— Первая задача не из лёгких: надо достать из Красного моря кольцо. Ну, как поступить?

Сказал тогда тот, у кого было острое зрение:

— Я посмотрю, где оно лежит.

Глянул он в глубь моря и сказал:

— Оно висит там на остром камне.

Отнёс их долговязый в те края и сказал:

— Да я бы его достал, мне бы только увидеть, где оно.

— Если дело только за этим стало, то я смогу! — воскликнул толстяк и тотчас улёгся на землю и подставил свой рот к самой воде; и двинулись волны к нему в рот, точно в пропасть какую, и он выпил целое море, и стало оно сухое, как луг. Нагнулся тогда Долговязый маленько и достал рукою кольцо. Обрадовался королевич, получив кольцо, и принёс его старухе. Удивилась она и говорит:

— Да, это то самое кольцо и есть. Первую задачу ты выполнил удачно, а теперь черёд за второй. Видишь, вон там на лугу перед моим замком пасутся триста откормленных быков — ты должен их всех съесть заодно со шкурой и шерстью, костями и рогами; а внизу в подвале стоит триста бочек вина, — ты должен их все выпить; но если останется от быков хотя бы один волос, а от вина хоть одна капелька, прощайся тогда со своей жизнью.

Говорит королевич:

— А можно ли мне к себе гостей пригласить? Без людей-то и обед невкусен.

Засмеялась злобно старуха и ответила:

— Чтоб не быть тебе одному, можешь пригласить кого-нибудь, не больше одного.

Пришёл королевич к своим слугам и сказал Толстяку:

— Нынче ты будешь моим гостем и уж наешься досыта.

И вот раздулся Толстяк и съел триста быков, так что и волоска не осталось, и спрашивает, нет ли ещё чего закусить; потом выпил вмиг всё вино из бочек, даже стакана не потребовалось, вылизал всё, до последней капли на затычке.

Кончился обед, явился королевич к старухе и сказал ей, что вторая, мол, задача выполнена. Удивилась старуха и говорит:

— Этого ещё ни один человек не мог выполнить, но остаётся ещё одна задача.— А сама про себя подумала: «Уж ты от меня не уйдёшь, не сносить тебе головы на плечах».— Нынче вечером,— сказала она,— я приведу к тебе в спальню свою дочь, ты должен её там обнимать; а когда вы будете сидеть вдвоём, то, смотри, берегись, чтоб не уснуть: как пробьёт полночь, я приду, и если не будет она в твоих объятьях, то погиб ты тогда.

Подумал королевич: «Это задача лёгкая, уж я и глаз не сомкну», но он всё-таки кликнул своих слуг, рассказал им, что задала старуха, и говорит:

— Кто знает, какая за этим хитрость кроется; нужна осторожность,— вы стойте на страже и следите, чтоб девушка из моей спальни не вышла.

Наступила ночь, и явилась старуха со своей дочерью и передала её в руки королевичу. Протянулся тогда Долговязый вокруг них кольцом, а Толстяк стал у дверей, и ни одна живая душа проникнуть туда не могла бы. Сидели они там вдвоём, девушка и слова не молвила, светила луна в окно ей прямо в лицо, чтобы мог он видеть её чудесную красоту. Он только и делал, что глядел на неё, был полон радости и любви, и глаза его не знали усталости. Так продолжалось до одиннадцати часов; но вот старуха напустила на всех свои чары, и все вдруг уснули, и в этот миг девушка была похищена.

Они проспали крепким сном до без четверти двенадцать, и потеряло тогда колдовство свою силу, и они все проснулись опять.

— Ох, какое несчастье!— воскликнул королевич.— Теперь я погиб!

Верные слуги начали тоже причитать, но Слухач сказал:

— Тише, дайте мне прислушаться.

Послушал он чуть и говорит:

— Она сидит на утёсе, в трёхстах часах ходу отсюда, и оплакивает там свою судьбу. Ты, Долговязый, только один и мог бы помочь, если бы протянулся во весь свой рост, — стоишь тебе сделать несколько шагов, и ты будешь там.

— Да,— ответил Долговязый,— но пускай идёт вместе со мной Остроглазый, чтоб могли мы убраться скалу.

Посмотрел Долговязый на того, кто был с завязанными глазами, и в тот же миг, точно по мановенью руки, очутились они перед заколдованною скалой. Снял Долговязый у Остроглазого повязку с глаз, и только тот оглянулся, как развалилась скала на тысячи кусков. Взял Долговязый девушку к себе на руки и принёс её вмиг назад, он принёс так же быстро и своего товарища; и не успело пробить двенадцать часов, как сидели они попрежнему и были весёлые и бодрые. Вот пробило полночь, и подкралась старая колдунья, усмехнулась, будто желая сказать: «Теперь уж ты мой!»—она знала, что дочь её сидит на скале, в трёхстах часах ходу отсюда. Но как увидела она свою дочь в объятьях у королевича, испугалась и сказала:

— Этот будет сильнее меня!

Теперь уж отговариваться ей было нельзя и ей пришлось дать согласие выдать её за него замуж. Но она успела шепнуть ей на ухо: «Стыдно тебе,

что приходится простых людей слушаться и брать себе мужа не по любви».

Тогда исполнилось гордое сердце девушки гневом, и она решила отомстить. Она велела на следующее утро привезти триста вязанок дров и объявила королевичу, что хотя он и выполнил три задачи, но она не станет его женой до тех пор, пока кто-нибудь из них не согласится сесть на костёр и выдержать испытание огнём. Она думала, что никто из его слуг не согласится сгореть ради него и что из-за любви к ней он сам будет готов взойти на костёр, — а тогда уж она от него избавится. Но слуги сказали:

— Мы все кое-что сделали, только один Мерзляк ничего не сделал, пускай он усядется на костёр, — и они посадили его посреди сложенных дров и подожгли их. Запылало пламя, оно горело целых три дня, пока все дрова не сгорели, и когда пламя погасло, видят — стоит Мерзляк на пепле, дрожа как осиновый лист, и говорит:

— Ни разу за всю свою жизнь не испытывал я такого холода; если б это продолжалось дольше, я бы совсем окоченел!

И нечего было делать — пришлось прекрасной девушке взять в мужа неизвестного юношу. Вот поехали они в церковь, и говорит старуха: «Я не в силах вынести такого позора», и выслала вслед за ними своё войско, оно должно было уничтожить всё, что встретится ему на пути, и вернуть ей назад её дочь. Но насторожил уши Слухач и услышал тайные речи старухи.

— Как нам теперь быть? — спросил он у Толстяка.

Но тот уже знал, что делать, он плюнул раз-другой — и разлилось позади кареты почти море, которое он когда-то выпил, и сделалось большое озеро, и войско в том озере и утонуло. Как доведалься о том колдунья, выслала она своих закованных в броню всадников, но Слухач услышал звон и лязг их доспехов и снял у слуги с глаз повязку; и только глянул тот на врагов, как полопались всадники, точно стекло. И поехал жених с невестой спокойно дальше; и когда их обвенчали в церкви, слуги решили получить расчёт и говорят своему господину:

— Ваши желанья исполнились, мы вам теперь больше не нужны, мы пойдём странствовать дальше и попытаем себе счастья.

А была в полудне ходьбы от замка деревня, и пас вблизи неё своё стадо свинопас; подъехали они туда, и говорит королевич своей жене:

— А ты знаешь, кто я такой? Я вовсе не королевич, а свинопас, а тот вон, кто пасёт стадо, родной мой отец: нам надо пойти и помочь пасти ему стадо.

Вышел он с ней из кареты, зашёл в харчевню и тайно шепнул хозяевам, чтобы те отобрали у неё ночью королевское платье. Проснувшись она утром, и не во что ей было одеться; дала ей хозяйка харчевни старую юбку да шерстяные чулки и сделала вид, будто это большой подарок, и сказала:

— Если бы не ваш муж, я не дала бы вам ничего.

И королевна поверила, что он и вправду свинопас, и начала пасти с ним вместе стадо, а сама думала: «Я это заслужила за своё высокомерие и гордость». Так продолжалось восемь дней; но больше выдержать она не

могла, все ноги покрылись у неё ранами. Пришли к ней тогда двое крестьян и спрашивают её, знает ли она, кто её муж.

— Знаю,— говорит,— он свинопас; он только что ушёл, чтоб выручить немного денег за свясла и бечёвки.

А они и говорят ей:

— Пойдём с нами, мы отведём вас к нему,— и привели её наверх в замок. Вошла она в зал, видит — стоит там её муж в королевских одеждах. Но она его не узнала, пока он не бросился к ней на шею, поцеловал её и сказал:

— Я так много из-за тебя выстрадал, что и ты должна была тоже ради меня пострадать.

Отпраздновали они тогда по-настоящему свадьбу, а кто эту сказку сказывал, тот был бы тоже непрочь на свадьбе у них побывать.

Зимели-гора

ИЛИ-БЫЛИ два брата, один богатый, а другой бедный. Богатый бедному не помогал, и приходилось тому кое-как хлебной торговлей перебиваться; часто приходилось ему так туго, что не было у него и куска хлеба для жены и детей. Проезжал он раз со своей тележкой через лес, и заметил в стороне большую лысую гору, а горы той он прежде никогда не видал,— вот и остановился он и стал с удивлением её разглядывать. Стоит он и видит — приближаются к нему двенадцать дюжих парней. Он сразу догадался, что это разбойники, спрятал тележку свою в кусты, а сам взобрался на дерево и стал ждать, что будет дальше. А двенадцать тех молодцев подошли к горе и закричали:

— Земзи-гора, Земзи-гора, откройся!

Расступилась тотчас лысая гора посередине, и вошли в неё двенадцать молодцев, а затем она за ними закрылась. Но вскоре разверзлась она снова, и молодцы вышли оттуда, таща на спине тяжёлые мешки, и, выйдя наружу, сказали:

— Земзи-гора, Земзи-гора, закройся!

И замкнулась гора, и не видно было, где и вход в неё; а двенадцать молодцев ушли. Когда они совсем скрылись с глаз, спустился бедняк с дерева, и стало ему любопытно, что же это за клад в горе той таится. Подошёл он к горе и сказал:

— Земзи-гора, Земзи-гора, откройся!

И открылась гора перед ним. Он спустился в неё, и вся гора внутри оказалась пещерой, полной серебра и золота, а в глубине лежали большие пруды жемчуга и блестящих драгоценных камней, рассыпанных, точно зерно. Бедняк не знал, с чего ему и начать и можно ли ему что-то взять из этих сокровищ. Наконец набил он себе полные карманы золотом, а жемчугов и драгоценных камней не тронул. Выйдя оттуда, он проговорил:

— Земзи-гора, Земзи-гора, закройся!

И замкнулась гора, и поехал он со своей тележкой домой. С той поры ни о чём ему не надо было заботиться, и он мог на своё золото купить жене и детям и хлеба, и всего что надо в досталь; и стал он жить честно и счастливо, помогая бедным и всякому делая добро. Но вот денег, наконец, у него не стало, и отправился он тогда к своему брату, занял у него мерку для зерна и привёз себе снова золота, а к драгоценным сокровищам и не прикоснулся. Когда ему надо было привезти себе в третий раз золота, он занял опять у брата мерку для зерна. Но богатый брат давно уже завидовал его богатству и тому, что всё у него по хозяйству идёт хорошо, и никак не мог он понять, отчего это брат богатеет и что делает он с меркой для зерна. И вот придумал он хитрость — обмазал смолою дно меры, и когда брат принёс её назад, он заметил, что ко дну той меры прилип червонец. Пошёл он к своему брату и спрашивает:

— Что мерил ты этою мерой?

— Зерно да ячмень, — ответил тот.

Тогда показал ему богатый брат червонец и стал ему угрожать, что если не скажет он ему правду, то подаст он на него в суд. И рассказал тот ему всё, как было. Велел тогда богач запрячь большую повозку и выехал из дому, желая использовать этот случай как можно выгодней и захватить всё остальное богатство.

Подъехал он к горе и крикнул:

— Земзи-гора, Земзи-гора, откройся!

Открылась гора, и спустился он вниз. И лежали перед ним все богатства, и он долго не знал, с чего и начать, за что и браться; наконец нагрузил он драгоценных камней столько, сколько мог дотащить. Хотел он было уже вынести свою ношу, но сердце и все его помыслы были заняты сокровищами, и вот позабыл он название горы и крикнул:

— Зимели-гора, Зимели-гора, откройся!

Но название-то он перепутал, гора не двигалась и оставалась закрытой. Стало ему страшно, но чем дольше он вспоминал, тем всё больше путались у него мысли, и не могли ему теперь уж помочь и все сокровища.

А вечером гора открылась, и вошли в неё двенадцать разбойников. Как увидели они богача, стали над ним смеяться и сказали:

— А-а, наконец-то птичка попалась! Ты думаешь, мы не замечали, что ты уже дважды сюда приходил? Но поймать тебя мы не могли; ну, уж в третий раз не выйти тебе отсюда!

И крикнул богач:

— Да ведь это не я был, а брат мой!

Но сколько он ни просил о пощаде и что он ни говорил, снесли ему разбойники голову с плеч.

Как по белу свету скитаться

ИЛА-БЫЛА однажды бедная женщина, был у неё сын; очень ему захотелось по белу свету постранствовать, а мать ему на это и говорит:

— Да как же тебе странствовать итти? Ведь денег-то у нас вовсе нету, и на дорогу взять нечего.

А сын говорит:

— Я уж выход найду, буду итти да всё время приговаривать: «Помалу, помалу, помалу».

Вот пробыл он в пути уже немалое время и всё повторял: «Помалу, помалу, помалу». Подошёл к избушке рыбака и говорит:

— Бог вам на помощь! Помалу, помалу, помалу.

— Что это ты, парень, говоришь «помалу»?

Закинул рыбак сеть и вытащил рыбы совсем мало. Схватил он тогда палку, кинулся на парня и говорит:

— А видал, как люди молотят?

— А что же мне надо было сказать-то? — спросил парень.

— Ты должен был сказать: «Тяни побольше, тяни побольше!»

Вот идёт он по дороге и всё повторяет: «Тяни побольше, тяни побольше». Подходит он к виселице, и стоит возле неё бедный грешник, которого собирается палач повесить. Вот парень и говорит:

— Доброе утро! Тяни побольше, тяни побольше!

— Что это ты, парень, такое говоришь «тяни побольше»? Разве мне и так мало пришлось злодеев на свете повидать? Тебе, видно, хочется, чтоб было на свете плохих людей побольше? Да разве и так их мало? — И надавал он парню по шее.

— А что же мне надо было сказать-то?

— Ты должен был сказать: «Господи, упокой ты несчастную душу».

Вот идёт парень по дороге и всё повторяет: «Господи, упокой ты несчастную душу». Подходит он в это время к яме, стоит у ямы живодёр, который убивает лошадь.

— Доброе утро! Господи, упокой ты несчастную душу!

— Что это ты, дурень, говоришь такое? — и даёт ему костью по уху, да так, что у парня из глаз искры посыпались.

— А что же мне надо было сказать-то?

— Ты должен был сказать: «Вон падал в яме лежит».

Вот идёт парень дальше и всё повторяет: «Вон падал в яме лежит! Вон падал в яме лежит!» Под-

ходит он в это время к повозке, и в ней полно людей, и говорит парень:

— Доброе утро! Вон падал в яме лежит!

И как раз в это время падает повозка в яму. Берёт тогда кучер кнут и начинает бить парня, да так его избил, что пришлось ему назад к своей матери ползти на карачках. И с той поры он больше странствовать уже не ходил.

Три лентяя

БЫЛО у одного короля три сына, и все они были ему одинаково любимы, и он не знал, кого после своей смерти королём оставить. Подошло время старому королю помирать, подозвал он их к своему ложу и говорит:

— Милые дети, вот что я надумал и порешил: кто из вас самый ленивый, пускай тот королём и будет.

И сказал старший:

— Стало быть, батюшка, королевство принадлежит мне; уж я такой ленивый, что когда лежу и мне спать хочется, а упадёт мне на глаза капля, то мне их и закрывать не хочется, чтоб уснуть.

Средний сказал:

— Королевство принадлежит мне, батюшка, — ведь я так ленив, что если сяду у костра погреться, то скорей я себе пятки сожгу, чем ноги отодвину.

Третий сказал:

— Королевство моё, батюшка, — я ведь такой лентяй, что если меня станут вешать, и будет уже верёвка у меня на шее, и даст мне кто-нибудь

острый нож в руки, чтоб перерезать верёвку, то я скорей позволю себя повесить, чем протяну руку к верёвке.

Услыхал это король и говорит:

— Ты, пожалуй, будешь самый ленивый и потому должен стать королём.

Белоснежка и Алоцветик

ЖИЛА бедная вдова одна в своей избушке, а перед избушкой был у неё сад; росло в том саду два розовых деревца, и цвели на одном белые розы, а на другом — алые; и было у неё двое детей, похожих на эти розовые деревца, звали одну — Белоснежка, а другую — Алоцветик. Были они такие скромные и добрые, такие работающие и послушные, что таких ещё и не было на свете; только Белоснежка была ещё тише и нежнее, чем Алоцветик. Алоцветик всё больше прыгала и бегала по лугам и полям, собирала цветы и ловила бабочек; а Белоснежка — та больше сидела дома возле матери, помогала ей по хозяйству, а когда не было работы, читала ей что-нибудь вслух. Обе сестры так любили друг друга, что если куда-нибудь шли, то держались всегда за руки, и если Белоснежка, бывало, скажет:

— Мы всегда будем вместе, —
то Алоцветик ей ответит:

— Да, пока мы живы, мы никогда не расстанемся, —
а мать добавляла:

— Что будет у одной из вас, пусть поделится тем и с другой.

Девочки часто бегали в лесу одни, собирали спелые ягоды, но ни один зверь их не трогал, и все доверчиво подходили к ним. Зайчик ел у них с руки капустный лист, дикая коза паслась рядом с ними, весело прыгал около них олень, и птицы оставались сидеть на ветках и распевали разные песни, какие только знали. И ни разу никакой беды с сёстрами не случилось. Если они, бывало, в лесу задержатся и наступит уже ночь, они лягут рядом на мягком мху и спят так до утра; мать знала об этом и никогда о них не беспокоилась. Однажды заночевали они в лесу, проснулись на рассвете, видят — сидит рядом с ними чудесное дитя в белом сверкающем платье. Оно встало и ласково на них поглядело, но ничего им не сказало и ушло в глубину леса. Оглянулись они и увидели, что спали они как раз на самом краю пропасти и, должно быть, упали бы в неё, если бы в темноте сделали хоть один шаг. И вот мать им объяснила, что то, должно быть, был ангел, охраняющий добрых детей.

Белоснежка и Алоцветик держали избушку в такой чистоте, что в неё приятно было заглянуть. Летом за домом присматривала Алоцветик. Каждое утро, пока мать ещё спала, ставила она у её постели цветы — с каж-

дого деревца по розе. Зимой Белоснежка затапливала печь, подвешивала к очагу котёл на крюке; и медный котёл блестел, точно золото, так хорошо он был вычищен. Вечером, когда падал белыми хлопьями снег, мать говорила:

— Ступай, Белоснежка, и запри дверь на задвижку.

Они садились потом у очага, и мать надевала очки и читала им вслух из большой книги. А девочки сидели, пряли и слушали. Рядом с ними лежал на полу ягнёнок, а сзади сидел на насесте белый голубок, спрятав голову под крыло.

Раз вечером сидели они мирно все вместе, вдруг кто-то постучался в дверь и попросил, чтоб его пустили. Мать говорит:

— Алоцветик, открой поскорей дверь, это, пожалуй, какой-нибудь странник просится на ночлег.

Алоцветик пошла и отодвинула задвижку, думая, что это какой-нибудь бедный человек; но то был медведь, который просунул в дверь свою большую чёрную голову. Алоцветик громко вскрикнула и отскочила назад, ягнёнок в то время заблеял, голубок вспорхнул, а Белоснежка забралась к матери на постель. Но медведь вдруг заговорил и сказал:

— Не бойтесь, я вас не трону, я очень озяб и хочу у вас немного отогреться.

— Ох ты, бедный медведь,— сказала мать,— ну, ложись тогда поближе к огню; только смотри, не спали своей шубы.

Затем она кликнула:

— Белоснежка, Алоцветик, идите сюда, медведь вас не тронет, он добрый.

Девочки подошли поближе, и мало-помалу и ягнёнок с голубком тоже перестали бояться медведя. Тогда медведь и говорит:

— Дети, стряхните снежок с моей шубы.

Девочки принесли метёлку и как следует почистили медведю шубу; он растянулся у очага и начал весело урчать от удовольствия. Вскоре они и совсем к медведю привыкли и стали подшучивать над своим неуклюжим гостем. Они теребили его за шерсть, становились ему на спину, таскали его по комнате или брали прут и били его, а когда он ворчал, они весело смеялись. И медведю это нравилось, но когда уж слишком сильно они ему докучали, он кричал:

— Ах, дети, оставьте меня в живых:

Вы меня уж пожалейте,
Женишка-то не убейте.

Когда пришло время ложиться спать и все уже были в постели, мать сказала медведю:

— А ты уж, бог с тобой, оставайся лежать себе у печки, уж тут ты укроешься от холода и непогоды.

Когда начало светать, дети выпустили медведя, и он затопал по сугробам в лес. С той поры стал медведь приходить к ним каждый вечер в

свой обычный час. Он ложился у очага и всегда позволял детям с ним играть и коротать свой досуг; и все так к нему привыкли, что даже двери не запирали, пока не явится их чёрный приятель.

Но вот наступила весна, всё кругом зазеленело, и сказал тогда медведь Белоснежке:

— Ну, теперь мне пора убираться,— целое лето я к вам не приду.

— Куда же ты пойдёшь, милый медведь?— спросила его Белоснежка.

— Мне надо идти в лес, свои сокровища от злых карликов сторожить. Зимой, когда земля замерзает, их никто там не откопает; но теперь, когда земля на солнце оттаяла и согрелась, карлики, чего доброго, ещё заберутся, начнут искать сокровища, докопаются и их утащут; а что попадёт к ним в руки, то спрячут они в свои пещеры, а не так-то легко их будет разыскать.

Белоснежка сильно грустила, что приходится им расставаться. Когда она открыла дверь, то медведь, пробираясь, зацепился за дверной крюк, дёрнулся и вырвал кусок шкуры,— и показалось Белоснежке, будто золото блеснуло; но она не была в этом уверена. Медведь быстро убежал и вскоре исчез за деревьями.

Спустя некоторое время мать послала детей в лес собирать валежник. В лесу нашли они большое срубленное дерево; лежало оно на земле, и у ствола в траве что-то прыгало; но они никак не могли разобрать, что это такое. Они подошли поближе, видят — стоит перед ними карлик, лицо у него старое, морщинистое, и длинная-предлинная седая борода. Кончик бороды попал в трещину дерева, и человек прыгал, как собачонка на привязи, и не знал, как ему свою бороду вытащить. Он вытаращил на девушек красные горящие глаза и крикнул:

— Ну, чего стоите, разве нельзя подойти и помочь мне?

— Да как это с тобой, человек, случилось? — спросила его Алоццветик.

— Глупая гусыня, да к тому ж и любопытная,— ответил карлик,— хотел я было дерево расколоть, чтоб дров себе для печки нарубить; если класть толстые поленья, то наше кушанье быстро подгорает,— мы ведь не так прожорливы, как вы, грубый да жадный народ. Клин вогнал я удачно, и всё шло как следует, но проклятое дерево было слишком гладкое, вот клин случайно и выскочил, дерево так быстро сошлось, что я не успел вытащить своей красивой белой бороды. Вот она и защемила, и мне нельзя теперь выбраться отсюда. Чего смеётесь, глупые, толстые рожи? Тьфу, до чего же вы скверные!

Дети стали изо всех сил бороду тащить, но вытащить её никак не могли, — уж очень крепко она застряла.

— Я сбегая людей позову,— сказала Алоццветик.

— Эх, головы вы бараньи! — прокричал карлик. — Зачем людей-то звать — вас тут и двоих будет достаточно. Лучше ничего надумать не можете?

— Ты уж потерпи маленько,— сказала Белоснежка,— я что-нибудь да придумаю; и она достала из кармана маленькие ножницы и отрезала

кончик бороды. Как только карлик освободился, он тотчас схватил мешок, полный золота, спрятанный под корнями, вытащил его оттуда и проворчал про себя: «Вот неотёсанный народ, отрезали кусок такой чудесной бороды, чёрт вас возьми!» Схватил мешок свой на плечи и ушёл, — на детей даже не глянул.

Захотелось вскоре после того Белоснежке и Алоцветику наловить рыбы к обеду. Подошли они к ручью, видят — скачет над водой большой кузнечик, точно в воду прыгнуть собирается. Подбежали они и узнали карлика.

— Ты куда это собрался? — спросила его Алоцветик. — Уж не в воду ли прыгнуть хочешь?

— Я не такой уж дурак, — крикнул ей карлик, — разве не видите, что проклятая рыба меня за собой тянет?

Человечек сидел и удил рыбу, а ветер, к несчастью, запутал его бороду в леску; и когда клюнула большая рыба, у карлика нехватило сил её вытянуть; рыба была сильнее его и тянула карлика за собой. Как ни хватался он за траву и за камыш, ничего поделать не мог, и пришлось бы ему нырять вслед за рыбой, вот-вот утащила бы она его в воду. Девочки подоспели как раз во-время, подхватили карлика и стали бороду из лески выпутывать; но ничего у них не выходило, борода и леска крепко перепу-

тались. Оставалось только одно — достать небольшие ножницы и отрезать бороду, — вот пропал и ещё кусок бороды. Увидел это карлик, начал на них кричать:

— Разве это дело, жабы вы этакие, уродовать человеку лицо? Мало вам того, что вы мне уж раз бороду обкорнали, а теперь собираетесь отрезать ещё кусок, да притом самый красивый? Мне теперь к своим и на глаза показываться нельзя будет! Чтоб вам пусто было! — Тут достал он мешок с жемчугами, запрятанный в камышах, и, не сказав больше ни слова, потащил его куда-то и исчез за прибрежным камнем.

Случилось, что вскоре после того послала мать обеих девочек в город купить ниток, иглол, шнурков и лент. А дорога шла через долину, где повсюду лежали в беспорядке огромные обломки скал. И вдруг увидели они на небе большую птицу; она медленно кружила над ними, спускаясь всё ниже, и села, наконец, поблизости на скалу. Затем они услышали резкий, жалобный крик. Они подбежали и с ужасом увидели, что орёл схватил их старого знакомого карлика, собираясь его унести. Добрые дети тотчас уцепились за человечка и стали его у орла отнимать; и выпустил, наконец, орёл свою добычу. Не успел карлик прийти в себя от испуга, как начал кричать своим визгливым голосом:

— Разве нельзя было обращаться со мной повежливей? Вот ухватились за мой тоненький сюртучок и весь его разорвали, весь он теперь в дырках, ах вы такие-сякие, неуклюжие да неповоротливые!

Взял затем карлик свой мешок с драгоценными камнями и шмыгнул снова в свою пещеру под скалами. Но девушки уже привыкли к его неблагодарности; они продолжали свой путь, пришли в город и сделали свои покупки.

На обратном пути через долину они увидели карлика: выбрав ровное местечко, карлик высыпал из мешка драгоценные камни, не подозревая, что кто-нибудь будет так поздно проходить мимо. Вечернее солнце падало на блестящие камни, и они так красиво сияли и светились разными цветами, что дети остановились и засмотрелись на них.

— Чего вы стоите, мерзкие протозеи? — закричал карлик, и его пепельно-серое лицо стало от гнева красное, как киноварь.

Он бы продолжал ещё браниться, но вдруг послышался громкий рёв, и чёрный медведь затопал из лесной чащи. Вскочил испуганный карлик, но добраться до своей лазейки не успел — медведь был уже совсем близко. И крикнул карлик в большом страхе:

— Дорогой мой сударь медведь, пощади ты меня, я отдам тебе за это все свои сокровища! Погляди на эти прекрасные драгоценные камни, что лежат перед тобой. Не убивай меня! Что пользы тебе от такого маленького, щуплого человечка? Да ты меня на зубах и не почувствуешь; съешь лучше вот этих двух злых девочек; они будут для тебя лакомым куском, они жирны, как молодые перепёлки, съешь их во славу господню!

Но медведь не обратил внимания на его слова и ударил злобного человечка лапой так, что тот больше уж и не поднялся.

Девочки бросились бежать, но медведь крикнул им вслед:

— Белоснежка, Алоцветик, не бойтесь, подождите, я вас провожу.

Они узнали его по голосу, остановились. Подошёл к ним медведь, и вдруг свалилась с него медвежья шкура, — и стоял перед ними красивый юноша, одетый весь в золото.

— Я сын короля, — сказал он, — я был околдован этим злым карликом. Он украл у меня мои сокровища, обратил меня в дикого медведя и заставил жить в лесу до той поры, пока его смерть не расколдует меня снова. А теперь он получил должное возмездие.

И вышла Белоснежка за королевича замуж, а Алоцветик — за его брата; а большие сокровища они поделили между собой поровну. Мать-старуха жила ещё долгие годы счастливо и спокойно вместе со своими детьми. Два розовых деревца она взяла вместе с собой, и они росли перед её окном, и каждый год зацветали на них прекрасные розы — белые и алые.

Мужичок и чёрт

ЖИЛ-БЫЛ на свете умный да хитрый мужичок. О его проделках можно немало бы порассказать, но самый лучший сказ будет о том, как повстречал он чёрта и оставил его в дураках.

Пахал раз мужичок своё поле и собирался уже домой возвращаться, а тут наступили сумерки. Вдруг видит мужичок посреди своего поля груды горящих углей; удивился он, подошёл, видит — сидит на самом огне маленький чёрный чёртик.

— А не сидишь ли ты, чего доброго, на кладе? — спросил мужичок.

— Так оно и есть, — ответил чёртик, — на кладе. Золота да серебра тут будет побольше, чем ты видел за всю свою жизнь.

— Но клад-то лежит на моём поле, стало быть, он принадлежит мне, — сказал мужичок.

— Он твой и будет, — ответил чёрт, — если ты мне два года согласен будешь отдавать половину того, что вырастет у тебя на поле, — денег-то у меня достаточно, а вот зелени хотелось бы мне отведать.

Стал мужичок сговариваться.

— А чтоб не вышло у нас с тобой при дележе спора, — сказал он, — пусть принадлежит тебе то, что вырастет над землёй, а мне то, что вырастет под землёй.

Чёрту это очень понравилось. Посадил тогда хитрый мужичок репу. Вот пришло время снимать урожай, и явился чёрт, чтоб забрать своё, но нашёл он одну лишь жёлтую, пожухлую ботву, а мужичок остался доволен и выкопал себе репу.

— Один раз ты выиграл, — сказал чёрт, — но дальше дело так не пойдёт. Твоё будет теперь то, что вырастет на земле, а моё — что под землёй.

— Я и на то согласен,— говорит мужичок.

Подошло время сеять; и посеял мужичок на этот раз не репу, а пшеницу. Поспела пшеница, пошёл мужичок на поле и скошил полные колосья по самый корень.

Приходит чёрт, видит одно только жнивье, и от злости запрятался он в ущелье.

— Так вас, лукавых, и надо надувать!— сказал мужичок, пошёл и забрал себе клад.

Сапог из буйволово́й кожи

ЕСЛИ солдат ничего не боится, то и тужить ему не о чём. Вот один из таких-то и получил отставку, а так как ремеслу он не учился и заработать себе ничего не мог, то стал он бродяжничать по свету и просить у добрых людей подаяния. На плечах у него висел старенький плащ да осталась ещё пара сапог из буйволово́й кожи.

Шёл он однажды куда глаза глядят, не разбираясь ни в тропах ни в дорогах, пробираясь полями всё вперёд и вперёд,— и добрался наконец до леса. Не знал он, куда и попал. Вдруг смотрит—сидит на пне какой-то человек, одет хорошо, и зелёный охотничий камзол на нём. Подал солдат ему руку, поздоровался, уселся с ним рядом на траве и ноги вытянул.

— Я вижу, сапоги на тебе отличные и до блеска начищены,— сказал он охотнику.— А пришлось бы тебе, как мне, походить по свету, давно бы они не выдержали. Погляди-ка на мои, они из буйволово́й кожи, послушали мне уж немало, а ходить в них можно везде.

Спустя некоторое время поднялся солдат и говорит:

— Рассиживаться мне больше нельзя, голод гонит вперёд. Ну, брат Начищенный Сапог, а куда эта дорога ведёт?

— Я и сам-то не знаю,—ответил охотник,—я в этом лесу заблудился.

— Стало быть, и с тобой вышло то же, что и со мной,—сказал солдат,—значит мы друг другу под пару; ну, так давай не разлучаться и поищем дорогу вместе.

Усмехнулся охотник, пошли они дальше вдвоём, а тут и ночь наступила.

— Из лесу нам не выбраться,—сказал солдат,—но я вижу, вдали огонёк мерцает, там мы, пожалуй, и найдём что поесть.

Они подошли к каменному дому, постучались в дверь, и открыла им старуха.

— Мы ищем квартиру для ночлега,—сказал солдат,—да кое-чего заправить в желудок, а то он у меня пустой, как старый ранец.

— Здесь вам ночевать нельзя,—ответила старуха,—это разбойничий притон, и будет самое благоразумное, если вы отсюда уберётесь, пока они домой не вернулись. А уж если они вас найдут, то пропадать вам придётся.

— Да уж хуже не будет,—ответил солдат.—У меня два дня во рту и крошки не было, и мне всё одно, тут ли погибать, или в лесу с голоду пропадать. Как кто, а я вхожу.

Охотник не захотел идти вслед за ним, но солдат втащил его за рукав.

— Входи, милый братец, не сразу же погибать-то придётся.

Но старуха их пожалела и сказала:

— А вы на печь залезайте, и если мне что-нибудь дадите, а сами уснёте, то я вас спрячу.

Только спрятались они в углу, как ввалились с шумом двенадцать разбойников, сели за стол, который был уже накрыт, и грубо потребовали подать им еду. Старуха принесла большое блюдо с жарким, и разбойники с наслаждением принялись за него. Ударил в нос солдату запах жареного, и говорит он охотнику:

— Я больше выдержать не в силах, подсяду-ка я к столу и поем с ними вместе.

— Ты нас погубишь,—сказал охотник,—и схватил его за руку.

Но солдат начал громко покашливать. Это услышали разбойники, побросали ножи и вилки, вскочили из-за стола и нашли обоих за печкой.

— Ага, голубчики,—закричали разбойники,—чего это вы в угол за-

брались? Что вам здесь надо? Вас, видно, сюда сыщиками послали? По-дите, вот вы научитесь, как на суку качаться!

— Однако повежливей, — сказал солдат, — я голоден, дайте мне сначала поесть, а потом уж делайте со мной что хотите.

Разбойники так и остолбенели, а их атаман говорит:

— Я вижу, ты не из робкого десятка. Ладно, ужин ты получишь, но потом придётся тебе помирать.

— Это мы ещё посмотрим, — сказал солдат, подсел к столу и смело набросился на жаркое.

— Ну, брат Начищенный Сапог, подходи и ешь, — крикнул он охотнику, — ты ведь голоден не меньше моего, а лучшего жаркого ты и дома у себя не найдёшь.

Но охотнику есть не хотелось.

Поглядели разбойники на солдата с удивлением и говорят:

— А он парень не из трусливых.

А солдат и говорит им:

— Еда, что и говорить, была хороша, ну, а теперь доставайте-ка доброго вина.

Атаман был в хорошем настроении; он согласился и на это и крикнул старухе: — Достань из погреба бутылку, да самого лучшего.

Вытащил солдат пробку, та аж хлопнула, подошёл с бутылкой к охотнику и говорит:

— Теперь внимание, братец! Сейчас ты увидишь чудо из чудес: сейчас я выпью за здоровье всей ватаги.— И он поднял бутылку над головами разбойников и крикнул:

— Желаю вам всем здоровья, но рты раскрыть. Правые руки вверх!— и он отхлебнул порядочный глоток.

Только он вымолвил эти слова, как все разбойники будто окаменели, сидели недвижно, рты раскрыли и подняли правую руку вверх.

И говорит охотник солдату:

— Я вижу, ты на разные фокусы мастер, но, однако, пора домой возвращаться.

— Ого, любезный братец, это бы мы слишком рано отступили. Врага мы разбили, надо теперь захватить добычу. Вишь, как прочно они уселись и от удивленья рты пораскрыли; им с места теперь не сдвинуться, пока я им это не разрешу. Ступай, ешь и пей.

Пришлось старухе принести ещё бутылку самого лучшего вина, и солдат не встал до тех пор, пока ещё раз не наелся дня на три вперёд. Наконец, когда стало уже светать, он сказал:

— Ну, пришло время палатку свёртывать, а чтоб переход был у нас покороче, старуха должна указать нам ближайший путь в город.

Когда они туда прибыли, солдат направился к своим старым товарищам и говорит:

— Нашёл я в одном лесу полное гнездо воронят, давайте пойдём туда вместе и выдерем птенчиков из гнезда.

Привёл их солдат к охотнику и говорит ему:

— Надо будет тебе вместе с нами назад вернуться; посмотришь, как будут они крыльями размахивать, когда мы их за ноги схватим.

Он расставил свой отряд вокруг разбойников, потом взял бутылку, отхлебнул глоток, поднял её у них над головами и крикнул:

— Здравия вам желаем!

И вокруг к разбойникам вернулась способность двигаться. Но их тотчас повалили наземь и связали по рукам и ногам. Потом солдат велел бросить их на телегу, точно какие-нибудь мешки, и сказал:

— Правьте прямо к тюрьме.

Но охотник отвёл в сторону одного из солдатской команды и дал ему ещё другое порученье.

— Братец Начищенный Сапог, — сказал солдат, — мы удачно захватили врасплох неприятеля да и подкормились неплохо, а теперь будем себе спокойно маршировать сзади, как отставшие.

Когда они приближались уже к городу, солдат заметил, что толпа народу спешит из городских ворот, радостно кричит и подымает вверх зелёные ветви. Он увидел, что навстречу им вышла вся лейб-стража.

— Что это значит? — спросил он с удивленьем у охотника.

— Разве ты не знаешь, — ответил тот, — что король долгое время не был в своём королевстве, а сейчас возвращается назад, и вот все вышли его встречать.

— Но где же король? — спросил солдат. — Я его что-то не вижу.

— Он здесь, — ответил охотник, — я и есть король, — и велел объявить о своём прибытии. И он расстегнул свой охотничий костюм, чтоб была видна его королевская одежда.

Испугался солдат, упал на колени и стал просить у него прощения, что по неведению, мол, он обращался с ним как с равным да ещё называл таким прозвищем. Но король подал ему руку и сказал:

— Ты храбрый солдат, ты спас мне жизнь. Отныне не будешь ты ни в чём нуждаться, я о тебе позабочусь. И когда захочешь съесть кусок жирного жаркого, такого же вкусного, как в разбойничьем притоне, то приходи на королевскую кухню. А если пожелаешь выпить за моё здоровье, то спроси сначала у меня на то позволения.

Верные звери

ДАВНО тому назад жил один человек. Денег у него было совсем мало, и вот с тем немногим, что у него осталось, отправился он странствовать по свету. Пришёл он раз в деревню, видит — бежались ребята, кричат и шумят.

— Дети, что у вас тут такое? — спросил человек.

— Да вот, — говорят они, — поймали мы мышь, хотим научить её плясать. Посмотрите, как забавно она бегаёт!

Но человек пожалел бедного зверька и сказал:

— Ребята, отпустите мышь на волю, я вам за то заплачу. — Он дал им денег, и они отпустили мышь, и бедный зверёк убежал и спрятался в норку.

Пошёл человек дальше. Приходит он в другую деревню, видит — у ребят обезьяна; заставляют они её плясать и кувыркаться, потешаются над ней, не дают ей покоя. Дал человек ребятам денег, чтоб отпустили они обезьяну. Потом пришёл он в третью деревню, а там у ребят был на цепи медведь; приходилось ему становиться на задние лапы и плясать, а когда он ворчал, это их забавляло. И он выкупил медведя; обрадовался медведь, что можно стать теперь опять на свои четыре лапы, и затопал он прямо в лес.

Раздал человек последние свои деньги, не осталось у него в кармане и медного гроша. И говорит он себе: «Денег у короля в казне куда больше, чем ему надо; чего мне с голоду пропадать, возьму-ка я у него немного, а заработаю — верну их опять в казну». Забрался он в казну и взял оттуда немного денег, но когда он вылез из королевской кладовой, схватили его королевские слуги. Объявили ему, что он вор, и привели его на суд, а так как совершил он неправо дело, то присудили посадить его в ящик и бросить в реку. Проделали в крышке ящика дырки, чтобы мог проходить в него воздух, и дали человеку кувшин воды да хлеба кусок. Вот и поплыл

он по реке; и так ему стало страшно, но вдруг слышит он — что-то царапается и скребётся о замо́к, грызёт и постукивает. Вдруг открывается замо́к, подымается крышка ящика — стоят перед ним мышь, обезьяна и медведь, — это они крышку открыли; когда-то выручил их человек из беды, а теперь и они пришли ему на помощь. Но звери не знали, что им делать дальше, и стали они между собой советоваться. А тут выкатился к ним вдруг из воды белый камень, был он похож на яйцо. Вот медведь и говорит:

— Он во-время к нам явился, это камень волшебный: чей он будет, тот и сможет пожелать себе всё, чего только захочет.

Вытащил человек из воды этот камень, взял его в руку и пожелал, чтобы был у него замок с садом и королевской конюшней. И только вымолвил он своё желание, как сидел уже в замке с садом и королевской конюшней, и всё было таким прекрасным и великолепным, что никак не мог он надивиться, на всё это глядячи.

А проходили в это время по дороге купцы-торговцы.

— Поглядите-ка, — сказали они, — какой великолепный построили замок, а ведь в прошлый-то раз, как мы проходили, здесь были одни только зыбучие пески.

Стало им любопытно, явились они в замок, стали у человека расспрашивать, как сумел он всё это так быстро построить. А он им и говорит:

— Да это не я сделал, это сделал мой волшебный камень.

— А что это за камень такой? — спросили они.

Он пошёл и принёс его и показал купцам-торговцам. Захотелось им тот камень получить, и они спросили, нельзя ли его будет у него купить, и предложили ему за него все свои дорогие товары. Глянул человек на прекрасные товары, разбежались у него глаза при виде их, а было сердце у него непостоянное, оно стремилось всё к новому, и вот дал он себя одурачить, думая, что прекрасные товары куда дороже его волшебного камня, и отдал его купцам-торговцам. Только выпустил он его из рук, и тотчас исчезло вместе с камнем и всё его счастье, — очутился он снова в запертом ящике на реке, и была у него одна только кружка воды да хлеба краюха.

Как увидели верные звери — мышь, обезьяна и медведь, — что попал он в беду, явились снова к нему на помощь, но никак не могли они теперь сбить того замка — был он куда крепче, чем в первый раз. Тогда медведь и говорит:

— Надо нам волшебный камень найти, а не то все наши старания будут напрасны.

А купцы остались жить в замке. Вот звери и пошли туда все вместе; и когда были они уже около самого замка, медведь говорит:

— Мышь, загляни-ка ты в замочную скважину и посмотри, как нам быть; ты ведь маленькая, никто тебя не заметит.

Мышь согласилась на это, но вскоре вернулась и говорит:

— Дело не выйдет; я заглядывала: камень висит над зеркалом на красном шнурке, по бокам сидят две большие кошки с огненными глазами и его охраняют.

Говорят тогда обезьяна и медведь:

— А ты ещё раз ступай туда да подожди, пока хозяин ляжет в постель и уснёт, а потом пролезь в замочную скважину, взберись на кровать и ущипни его за нос да отпрыжи ему волосы.

Пробралась мышь снова туда и сделала так, как сказали ей обезьяна и медведь. Хозяин проснулся, стал себе нос тереть и говорит:

— Кошки-то мои, видно, никуда не годятся: пускают мышей, а те волосы мне все с головы пообгрызли,— и он прогнал своих кошек.

Вот мышь своего и добилась.

Когда на другую ночь хозяин уснул, забралась мышь к нему в комнату, начала грызть красный шнурок, на котором висел камень, пока наконец его не перегрызла. Упал камень на пол, тут она и дотащила его до двери. Но нелегко это было бедной маленькой мышке; и говорит она обезьяне, а та стояла за дверью, её дожидаясь:

— Ты вытащи его отсюда лапой.

Дело это было для обезьяны нетрудное, она взяла камень в руку, и пошли они все вместе к реке.

Обезьяна и говорит:

— Как же нам теперь к ящику-то добраться?

А медведь отвечает:

— Да это мы сейчас устроим! Я войду в реку и поплыву, а ты, обезьяна, сядешь ко мне на спину; но смотри, держись за меня обеими руками, да покрепче, а камень положи себе в рот. А ты, мышка, залезай ко мне в правое ухо.

Так они и сделали и поплыли вниз по реке. Вскоре медведю молчать надоело, стал он болтать о том да о сём и говорит:

— Послушай, обезьяна, а мы-то ведь с тобой храбрые товарищи, как ты думаешь?

Но обезьяна промолчала, ничего ему не ответила.

— Что это у тебя за манера такая,— сказал медведь,— товарищам своим не отвечать? Не люблю я тех, кто не отвечает.

Тут обезьяна дольше сдерживаться была не в силах, упустила она камень в воду и крикнула:

— Дурак ты! Как же мне было отвечать-то с камнем во рту? Вот он теперь и пропал, а виноват во всём ты.

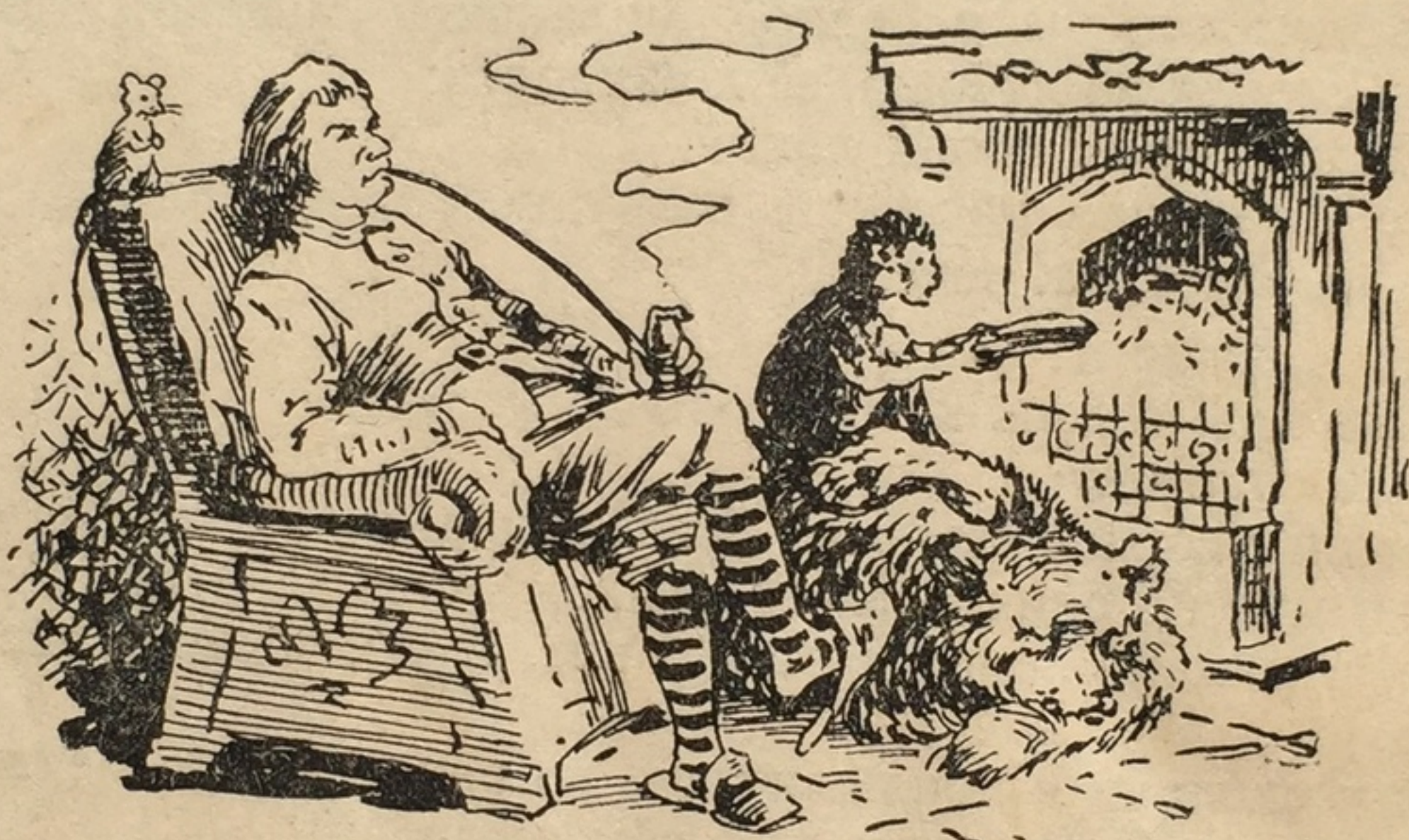
— Да ты не бранись,— сказал медведь,— мы что-нибудь да придумаем.

Посоветовались они между собой, созвали всех древесных лягушек, жерлянок и прочую водяную тварь и говорят:

— На вас собирается напасть сильный враг, надо вам будет побольше камней набрать, сколько сможете, а мы построим вам стену, она вас защитит.

Испугались водяные твари и натащили камней отовсюду, и приплыла, наконец, со дна речного старая толстая лягушка-квакушка и притащила во рту красный шнурок с волшебным камнем. Обрадовался медведь, взял у лягушки камень и сказал, что теперь всё, мол, в порядке и могут они

себе домой спокойно отправляться, — тут он с ними быстро и распрощался. И поплыли они втроём вниз по реке к человеку, который находился в ящике. Взорвали они волшебным камнем крышку, — явились они вовремя — весь хлеб он уже поел и всю воду выпил и чуть не пропадал с голоду. Как только взял он в руку волшебный камень, пожелал себе доброго здоровья, как вмиг перенёсся в свой прекрасный замок с садом и королевскою конюшней и стал жить припеваючи. А троих зверей он оставил при себе, и всю жизнь прожили они счастливо вместе.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Красная Шапочка	3
Гензель и Гретель	6
Золушка	13
Бременские уличные музыканты	20
Волк и семеро козлят	23
Братец и сестрица	25
Король-лягушонок, или Железный Гейнрих	31
Сказка о рыбаке и его жене	34
Храбрый портняжка	42
Рапунцель	49
Три маленьких лесовика	53
Три пряжи	58
Соломинка, уголёк и боб	61
Госпожа Метелица	62
Семь воронов	66
Умная Эльза	68
Столик-накройся, золотой осёл и дубинка из мешка	71
Мальчик-с-пальчик	81
Снегурочка	87
Шиповничек	95
Ранец, шапочка и рожок	98
Веретёнце, чёлнок и иголка	102
Умная Гретель	105
Фридер и Катерлизхен	107
Чёрт с тремя золотыми волосами	113
Старый Султан	119
Шесть лебедей	121
Птица-Найдёныш	126

Король-Дроздовик	128
Золотая птица	133
Три пёрышка	139
Золотой гусь	142
Двенадцать охотников	146
Вор и его учитель	148
Три счастливица	150
Шестеро весь свет обойдут	153
Одноглазка, Двуглазка и Трёхглазка	158
Стоптанные туфельки	165
Золотые дети	168
Певчий попрыгун-жаворонок	172
Юный великан	177
Умная дочь крестьянская	184
Доктор Всезнайка	187
Чёртов чумазый брат	189
Умные люди	192
Учёный охотник	195
Про умного портняжку	201
Синяя свечка	204
Салатный осёл	207
Три брата	213
Четверо искусных братьев	215
Шестеро слуг	219
Зимели-гора	225
Как по белу свету скитаться	227
Три лентяя	228
Белоснежка и Алоцветик	229
Мужичок и чёрт	234
Сапог из буйволово́й кожи	235
Верные звери	239

128
133
138
142
146
148
150
153
158
165
168
172
177
184
187
189
192
195
201
204
207
213
215
219
225
227
228
229
234
235
239

КОФЕТЫ

НИЗНАЙКА

Ордена Ленина кондитерская фабрика

Красный Октябрь

МОСКВА